„РИТОРИКА" АРИСТОТЕЛЯ.

СЪ ГРЕЧЕСКАГО ПЕРЕВЕЛА

НАДЕЖДА ПЛАТОНОВА.

С.-Петербургъ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Екатерининскій кан., д. 80.
1894.

Состоящая изъ трехъ книгъ Риторика Аристотеля представляетъ единственное дошедшее до насъ риторическое сочиненія Аристотеля. Время составленія ея относится, вѣроятно, къ послѣднему пребыванію Аристотеля въ Аѳинахъ (см. *Zeller*, Die Philosophie der Griechen, II Theil, II Abtheilung, S. 78, Anm. 1), такъ что она является выраженіемъ вполнѣ созрѣвшихъ и опредѣлившихся взглядовъ Аристотеля на ораторское искусство, въ исторіи котораго она составила цѣлую эпоху. Между тѣмъ какъ предшественники Аристотеля въ своихъ риторическихъ трактатахъ ограничивались почти исключительно указаніемъ тѣхъ или другихъ нужныхъ для оратора пріемовъ и вспомогательныхъ средствъ, Аристотель задался цѣлью выполнить ту задачу, на которую указалъ Платонъ въ своемъ Федрѣ, но которой онъ не выполнилъ,—именно, дать научное обоснованіе риторики. При этомъ нужно замѣтить, что Аристотель значительно расширилъ область риторики сравнительно съ обыденнымъ въ то время воззрѣніемъ на нее: такъ какъ даръ рѣчи имѣетъ характеръ всеобщности (говоритъ онъ) и находитъ себѣ примѣненіе при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ и такъ какъ, кромѣ того, дѣйствіе при подаваніи совѣта, при всякаго рода разъясненіяхъ и убѣжденіяхъ, приводимыхъ какъ для одного лица, такъ и для цѣлыхъ собраній (съ которыми обыкновенно имѣетъ дѣло ораторъ), по существу одинаково, то риторика такъ же мало, какъ и діалектика, имѣетъ дѣло съ какой нибудь одной опредѣленной областью человѣческой жизни: она обнимаетъ всѣ сферы человѣческой жизни. Риторикой, понимаемой въ такомъ смыслѣ, пользуются всѣ на каждомъ шагу, она одинаково необходима какъ въ дѣлахъ, касающихся житейскихъ нуждъ каждаго человѣка, такъ и въ дѣлахъ государственной важности: разъ человѣкъ начинаетъ склонять къ чему нибудь другаго человѣка или отговаривать его отъ чего нибудь, онъ необходимо прибѣгаетъ къ помощи риторики—сознательно или безсознательно (см. I гл. I-й книги Риторики).

Понимая такимъ образомъ риторику, Аристотель опредѣляетъ ее, какъ способность находить возможные способы убѣжденія относительно каждаго дан-

наго предмета (см. начало II гл. I кн.). Отсюда ясна и цѣль, которую преслѣдовалъ Аристотель въ своемъ трактатѣ: онъ хотѣлъ дать въ немъ общія правила, формы, если можно такъ выразиться, ораторскаго искусства, указать, чѣмъ долженъ руководиться ораторъ или вообще всякій, желающій убѣдить кого либо въ чемъ либо. Имѣя въ виду эту цѣль, онъ раздѣлилъ свой трактатъ на три части; первая изъ нихъ посвящена анализу тѣхъ принциповъ, на основаніи которыхъ ораторъ (то-есть, всякій говорящій о чемъ нибудь) можетъ побуждать къ чему нибудь своихъ слушателей или отклонять ихъ отъ чего нибудь, можетъ хвалить или порицать что нибудь. Вторая часть говоритъ о тѣхъ личныхъ свойствахъ и особенностяхъ оратора, съ помощью которыхъ онъ можетъ внушить довѣріе своимъ слушателямъ и, такимъ образомъ, вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, то-есть, уговорить или отговорить ихъ. Третья часть касается спеціальной, технической, такъ сказать, стороны риторики: Аристотель говоритъ здѣсь 1) о тѣхъ способахъ выраженія, которыми должно пользоваться въ рѣчи, и 2) о построеніи рѣчи.

Такова цѣль и содержаніе трактата Аристотеля; но значеніе его не исчерпывается этимъ: трактатъ этотъ не только знакомитъ насъ съ взглядами Аристотеля на ораторское искусство, но также заключаетъ въ себѣ много интереснаго для пониманія этическихъ воззрѣній Аристотеля. Какъ въ первой книгѣ Риторики (начиная съ 5-й главы), такъ и во второй, Аристотелю часто приходится касаться различныхъ этическихъ вопросовъ; нѣкоторыя главы этихъ книгъ даже исключительно посвящены изложенію этическихъ воззрѣній Аристотеля: такъ, главы II книги, начиная второй и кончая 17-ю включительно, заключаютъ въ себѣ трактатъ о страстяхъ, не имѣющій ничего соотвѣтствующаго себѣ въ Никомаховой этикѣ, единственномъ, несомнѣнно принадлежащемъ Аристотелю изъ трехъ большихъ этическихъ сочиненій, прежде приписывавшихся ему (см. *Zeller*, ibid. S. 103, Anm. I). Значеніе Риторики для пониманія этическихъ взглядовъ Аристотеля, получаетъ еще большую важность, если мы примемъ въ соображеніе, что Риторика, какъ теперь думаетъ большинство ученыхъ (въ томъ числѣ *Zeller*, ibid. S. 159), написана позже Никомаховой этики, такъ что вполнѣ возможно предположеніе, что въ промежутокъ времени, прошедшій между составленіемъ Этики и Риторики, этическіе взгляды Аристотеля могли въ какомъ либо отношеніи измѣниться, и что поэтому Риторика можетъ въ этомъ отношеніи дополнять и пояснять Этику. Въ виду этого нѣкоторые ученые (напримѣръ, *Leopold Schmidt* въ его Die Ethik der Griechen, B. I, S. 31), говоря о сочиненіяхъ Аристотеля, изъ которыхъ можно познакомиться съ его этической системой, признаютъ за Риторикой едва ли не такое же важное въ этомъ отношеніи значеніе, какъ и за Никомаховою этикой.

Настоящій переводъ сдѣланъ по изданію Шпенгеля; первоначально онъ былъ помѣщенъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1892—1894 годы. Условія долговременнаго печатанія перевода въ журналѣ, къ сожалѣнію, помѣшали выдержать единообразіе въ ссылкахъ и въ правописаніи собственныхъ именъ.

Переводчица считаетъ своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность профессорамъ П. В. Никитину и В. К. Ернштедту за ихъ совѣты и указанія.

Н. Платонова.

Февраль 1894.

Оглавленіе.

Книга I.

СТРАН.

Книга II.

Книга III.

„РИТОРИКА“ АРИСТОТЕЛЯ.

Книга I.

ГЛАВА I.

Отношеніе риторики къ діалектикѣ.—Всеобщность риторики.—Возможность построить систему ораторскаго искусства.—Неудовлетворительность болѣе раннихъ системъ ораторскаго искусства.—Что долженъ доказывать ораторъ?—Законъ долженъ по возможности все опредѣлять самъ; причины этого.—Вопросы, подлежащіе рѣшенію судьи.—Почему изслѣдователи предпочитаютъ говорить о рѣчахъ судебныхъ?—Отношеніе между силлогизмомъ и энтимемой.—Польза риторики, цѣль и область ея.

Риторика — искусство, соотвѣтствующее діалектикѣ [1]), такъ какъ обѣ онѣ касаются такихъ предметовъ, знакомство съ которыми можетъ нѣкоторымъ образомъ считаться общимъ достояніемъ всѣхъ и каждаго и которые не относятся къ области какой-либо отдѣльной науки. Вслѣдствіе этого всѣ люди нѣкоторымъ образомъ причастны обоимъ искусствамъ [2]), такъ какъ всѣмъ въ извѣстной мѣрѣ приходится какъ разбирать, такъ и поддерживать какое-нибудь мнѣніе, какъ оправдываться, такъ и обвинять [3]). Въ этихъ случаяхъ одни поступаютъ случайно, другіе дѣйствуютъ согласно со своими

---

[1]) По Аристотелю, риторика, какъ и діалектика, имѣетъ чисто методологическое значеніе, она не касается какой-нибудь опредѣленной отрасли знанія, а стремится установить общіе законы краснорѣчія, независимо отъ содержанія рѣчи, подобно тому, какъ діалектика излагаетъ общіе законы человѣческаго мышленія.

[2]) Потому что, согласно воззрѣнію Аристотеля, каждый, кто хочетъ убѣдить кого-нибудь въ чемъ-нибудь, пользуется риторикой.

[3]) Разбирать (ἐξετάζειν) и поддерживать (ὑπέχειν) мнѣніе относится къ области логики, оправдываться и обвинять (ἀπολογεῖσθαι и κατηγορεῖν)—къ области риторики.

способностями [1]), развитыми привычкою. Такъ какъ возможны оба эти пути, то, очевидно, является возможность возвести ихъ въ систему, такъ какъ мы можемъ разсматривать, вслѣдствіе чего достигаютъ цѣли какъ тѣ люди, которые руководятся привычкой, такъ и тѣ, которые дѣйствуютъ случайно, а что подобное изслѣдованіе есть дѣло искусства, съ этимъ, вѣроятно, согласится каждый. До сихъ поръ тѣ, которые строили системы ораторскаго искусства, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, такъ какъ въ области ораторскаго искусства только доказательства [2]) обладаютъ признаками, свойственными ораторскому искусству, а все остальное—не что иное, какъ аксессуары (προσθῆκαι). Между тѣмъ авторы системъ не говорятъ ни слова по поводу энтимемъ [3]), которыя составляютъ суть [4]) доказательства, много распространяясь въ то же время о вещахъ, не относящихся къ дѣлу; въ самомъ дѣлѣ: клевета, сострраданіе, гнѣвъ и другія тому подобныя движенія души относятся не къ разсматриваемому судьею дѣлу, а къ самому судьѣ. Такимъ образомъ, еслибы судопроизводство вездѣ было поставлено такъ, какъ оно нынѣ поставлено въ нѣкоторыхъ государствахъ, и преимущественно въ тѣхъ, которыя отличаются хорошимъ государственнымъ устройствомъ, эти теоретики не могли бы сказать ни слова. Всѣ [одобряютъ такую постановку судопроизводства, но] одни полагаютъ, что дѣло закона произнести это запрещеніе [5]), другіе же дѣйствительно пользуются такимъ закономъ, не позволяя говорить ничего не относящагося къ дѣлу (такъ это дѣлается и въ Ареопагѣ) [6]). Такой порядокъ правиленъ, такъ какъ не слѣдуетъ, возбуждая въ судьѣ гнѣвъ, зависть и состраданіе, смущать его: это значило бы то

---

[1]) Ἀπὸ ἕξεως—ἕξις у Аристотеля обозначаетъ всякое постоянное качество.

[2]) πίστις трудно передать по-русски однимъ словомъ: πίστις—все то, что можетъ убѣждать, внушать довѣріе.

[3]) Энтимема значитъ у Аристотеля „риторическій силлогизмъ“, то-есть, не строго-научное умозаключеніе, а заключеніе, основанное на томъ, что вѣроятно, возможно, что бываетъ; ἐνθύμημα μὲν οὖν ἐστι συλλογισμὸς ἐξ εἰκότων (Первая Аналитика, II, 29, 2).

[4]) Собственно—„тѣло“ (σῶμα).

[5]) То-есть, запрещеніе говорить вещи, не относящіяся къ дѣлу.

[6]) Въ Ареопагѣ тяжущимся или ораторамъ, говорившимъ за нихъ, позволялось говорить только то, что имѣло прямое отношеніе къ дѣлу; при малѣйшемъ отступленіи глашатай приказывалъ говорившему замолчать.

же, какъ еслибы кто-нибудь искривилъ ту линейку, которою ему нужно пользоваться.

Кромѣ того очевидно, что дѣло тяжущагося заключается не въ чемъ другомъ, какъ въ доказательствѣ самаго факта: что онъ имѣетъ или не имѣетъ, имѣлъ или не имѣлъ мѣста; что же касается вопросовъ, важенъ онъ или не важенъ, справедливъ или не справедливъ, то-есть, всего того, относительно чего не высказался законодатель, то объ этомъ самому судьѣ, конечно, слѣдуетъ имѣть свое мнѣніе, а не заимствовать его отъ тяжущихся.

Поэтому хорошо составленные законы главнымъ образомъ должны, на сколько возможно, все опредѣлять сами и оставлять какъ можно меньше произволу судей, вопервыхъ, потому что легче найдти одного или немногихъ, чѣмъ многихъ такихъ людей, которые имѣютъ правильный образъ мыслей и способны издавать законы и изрекать приговоры. Кромѣ того, законы составляются людьми на основаніи долговременныхъ размышленій, судебные же приговоры произносятся на скорую руку, такъ что трудно людямъ, отправляющимъ правосудіе, хорошо различать справедливое и полезное.

Самая же главная причина заключается въ томъ, что рѣшеніе законодателя не относится къ отдѣльнымъ случаямъ, но касается будущаго и имѣетъ характеръ всеобщности, между тѣмъ какъ присяжные и судьи изрекаютъ приговоры относительно настоящаго, относительно отдѣльныхъ случаевъ, съ которыми часто находится въ связи чувство любви или ненависти и сознаніе собственной пользы, такъ что они [судьи и присяжные] не могутъ съ достаточной ясностью видѣть истину: соображенія своего собственнаго удовольствія и неудовольствія мѣшаютъ правильному рѣшенію дѣла.

Итакъ, какъ мы говоримъ, относительно всего прочаго нужно предоставлять судьѣ какъ можно меньше простора; что же касается вопросовъ, совершился ли извѣстный фактъ или нѣтъ, совершится или нѣтъ, есть ли онъ въ наличности, или нѣтъ, то рѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо всецѣло предоставить судьямъ, такъ какъ законодатель не можетъ предвидѣть частныхъ случаевъ.

Разъ это такъ, очевидно, что тѣ, которые [въ своихъ разсужденіяхъ] разбираютъ другіе вопросы, напримѣръ, вопросъ о томъ, каково должно быть содержаніе предисловія, или повѣствованія, или каждой изъ другихъ частей [рѣчи], касаются вопросовъ, не относящихся къ дѣлу [1]), потому что [авторы этихъ сочиненій] разсу-

[1]) Но самъ Аристотель подробно говоритъ объ этомъ въ III-й книгѣ „Риторики“.

ждаютъ въ этомъ случаѣ только о томъ, какъ бы привести судью въ извѣстное настроеніе, ничего не говоря о техническихъ доказательствахъ, между тѣмъ какъ только такимъ путемъ можно сдѣлаться способнымъ къ энтимемамъ. Вслѣдствіе всего этого хотя и существуетъ одинъ и тотъ же методъ для рѣчей, обращаемыхъ къ народу, и для рѣчей судебнаго характера, и хотя прекраснѣе и съ государственной точки зрѣнія выше первый родъ рѣчей, чѣмъ рѣчи, касающіяся сношеній отдѣльныхъ личностей между собой,—тѣмъ не менѣе изслѣдователи ничего не говорятъ о первомъ родѣ рѣчей, между тѣмъ какъ каждый изъ нихъ пытается разсуждать о судебныхъ рѣчахъ.

Причина этому та, что въ рѣчахъ перваго рода представляется менѣе полезнымъ говорить вещи, не относящіяся къ дѣлу, а также и та, что первый родъ рѣчей представляетъ менѣе простора для коварной софистики и имѣетъ болѣе общаго интереса: здѣсь судья судитъ о дѣлахъ, близко его касающихся, такъ что нужно только доказать, что дѣло именно таково, какъ говоритъ ораторъ. Въ судебныхъ же рѣчахъ этого не достаточно, но полезно еще расположить слушателя въ свою пользу, потому что здѣсь рѣшеніе судьи касается дѣлъ, ему чуждыхъ, такъ что судьи, въ сущности, не судятъ, но предоставляютъ дѣло самимъ тяжущимся, наблюдая при этомъ свою собственную выгоду и выслушивая пристрастно [показанія тяжущихся].

Вслѣдствіе этого во многихъ государствахъ, какъ мы и раньше говорили, законъ запрещаетъ говорить не относящееся къ дѣлу, но тамъ [2]) сами судьи въ достаточной мѣрѣ заботятся объ этомъ.

Такъ какъ очевидно, что правильный методъ касается способовъ убѣжденія, а способъ убѣжденія есть нѣкотораго рода доказательство, (ибо мы тогда всего болѣе въ чемъ-нибудь убѣждаемся, когда намъ представляется, что что-либо доказано), риторическое же доказательство есть энтимема, и это, вообще говоря, есть самый важный изъ способовъ убѣжденія, и такъ какъ очевидно, что энтимема есть нѣкотораго рода силлогизмъ и что разсмотрѣніе всякаго рода силлогизмовъ относится къ области діалектики—или въ полномъ ея

---

[2]) То-есть, въ рѣчахъ, обращаемыхъ къ народу.

объемѣ, или какой-нибудь ея части,—то ясно, что тотъ, кто обладаетъ наибольшей способностью понимать, изъ чего и какъ составляется силлогизмъ, тотъ можетъ быть и наиболѣе способнымъ къ энтимемамъ, если онъ къ знанію силлогизмовъ присоединитъ знаніе того, чего касаются энтимемы, и того, чѣмъ онѣ отличаются отъ чисто-логическихъ силлогизмовъ, потому что съ помощью одной и той же способности мы познаемъ истину и подобіе истины [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ люди отъ природы въ достаточной мѣрѣ способны къ нахожденію истины и по бо́льшей части находятъ ее; вслѣдствіе этого находчивымъ въ дѣлѣ отыскиванія правдоподобнаго долженъ быть тотъ, кто такъ же находчивъ въ дѣлѣ отыскиванія самой истины.

Итакъ очевидно, что другіе авторы говорятъ въ своихъ системахъ о томъ, что не относится къ дѣлу; ясно также и то, почему они обращаютъ вниманіе болѣе на судебныя рѣчи.

Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природѣ сильнѣе своихъ противоположностей, а если рѣшенія постановляются не должнымъ образомъ, то истина и справедливость необходимо побѣждаются своими противоположностями, что̀ достойно порицанія. Кромѣ того, если мы имѣемъ даже самыя точныя знанія, все-таки не легко убѣждать нѣкоторыхъ людей, говоря на основаніи этихъ знаній, потому что [оцѣнить] рѣчь, основанную на знаніи, есть дѣло образованія, а здѣсь [передъ толпою] она—невозможная вещь. Здѣсь мы непремѣнно должны вести доказательства и разсужденія общедоступнымъ путемъ, какъ мы говорили это и въ „Топикѣ“ [2]) относительно обращенія къ толпѣ. Кромѣ того, необходимо умѣть доказывать противоположное [3]), такъ же, какъ и въ силлогизмахъ, не для того, чтобы дѣйствительно доказывать и то, и другое, потому что не должно доказывать что-нибудь дурное, но для того, чтобы знать, какъ это дѣлается, а также, чтобы умѣть опровергнуть, если кто-либо пользуется доказательствами несогласно съ истиной.

Изъ остальныхъ искусствъ ни одно не занимается выводами изъ противоположныхъ посылокъ; только діалектика и риторика дѣлаютъ это, такъ какъ обѣ онѣ въ одинаковой степени имѣютъ дѣло съ противоположностями. Эти противоположности по своей при-

---

[1]) То-есть, отношеніе между силлогизмомъ и энтимемой такое же, какъ между истиной и правдоподобіемъ.

[2]) Кн. I, гл. II.

[3]) То-есть, каждое изъ двухъ противоположныхъ одно другому положеній.

родѣ не одинаковы, но всегда истина и то, что лучше, по природѣ вещей болѣе поддается умозаключеніямъ и, такъ сказать, обладаетъ бо́льшей силой убѣдительности.

Сверхъ того, если позорно не быть въ состояніи помочь себѣ своимъ тѣломъ, то не можетъ не быть позорнымъ безсиліе помочь себѣ словомъ, такъ какъ пользованіе словомъ болѣе свойственно человѣческой природѣ, чѣмъ пользованіе тѣломъ. Если же кто-либо скажетъ, что человѣкъ, несправедливо пользующійся подобной способностью слова, можетъ сдѣлать много вреда, то это замѣчаніе можно [до нѣкоторой степени] одинаково отнести ко всѣмъ благамъ, исключая добродѣтели, и премущественно къ тѣмъ, которыя наиболѣе полезны, какъ напримѣръ, къ силѣ, здоровью, богатству, военачальству: человѣкъ, пользуясь этими благами, какъ слѣдуетъ, можетъ принести много пользы, несправедливо же [пользуясь ими,] можетъ сдѣлать очень много вреда.

Итакъ очевидно, что риторика не касается какого-нибудь отдѣльнаго класса предметовъ, но какъ и діалектика [имѣетъ отношеніе ко всѣмъ областямъ], а также, что она полезна и что дѣло ея—не убѣждать, но въ каждомъ данномъ случаѣ находить способы убѣжденія; то же можно замѣтить и относительно всѣхъ остальныхъ искусствъ, ибо дѣло врачебнаго искусства, напримѣръ, заключается не въ томъ, чтобы дѣлать [всякаго человѣка] здоровымъ, но въ томъ, чтобы, на сколько возможно, приблизиться къ этой цѣли, потому что вполнѣ возможно хорошо лѣчить и такихъ людей, которые уже не могутъ выздоровѣть.

Кромѣ того очевидно, что къ области одного и того же искусства относится изученіе какъ дѣйствительно убѣдительнаго, такъ и кажущагося убѣдительнымъ, подобно тому, какъ къ области діалектики относится изученіе какъ дѣйствительнаго, такъ и кажущагося силлогизма: человѣкъ дѣлается софистомъ не въ силу какой-нибудь особенной способности, а въ силу намѣренія, съ которымъ онъ пользуется своимъ дарованіемъ. Впрочемъ, здѣсь [въ риторикѣ] имя ритора будетъ даваться сообразно какъ съ знаніемъ, такъ и съ намѣреніемъ [которое побуждаетъ человѣка говорить]. Тамъ же [въ логикѣ] софистомъ называется человѣкъ по своимъ намѣреніямъ, а діалектикомъ— не по своимъ намѣреніямъ, а по своимъ способностямъ.

Теперь попытаемся говорить уже о самомъ методѣ, — какимъ образомъ и съ помощью чего мы можемъ достигать поставленной

цѣли. Итакъ, опредѣливъ снова, какъ и въ началѣ, что такое риторика, перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію.

ГЛАВА II.

Мѣсто риторики среди другихъ наукъ и искусствъ. — Техническіе и нетехническіе способы убѣжденія. — Три вида техническихъ способовъ убѣжденія. — Риторика — отрасль діалектики и политики. — Примѣръ и энтимема. — Анализъ убѣдительнаго. — Вопросы, которыми занимается риторика. — Изъ чего выводятся энтимемы? — Опредѣленіе вѣроятнаго. — Виды признаковъ. — Примѣръ — риторическое наведеніе. — Общія мѣста (τόποι) и частныя энтимемы (εἴδη)

Итакъ опредѣлимъ риторику, какъ возможность находить возможные способы убѣжденія относительно каждаго даннаго предмета. Это не составляетъ задачи какого-нибудь другаго искусства, потому-что каждая другая наука можетъ научать и убѣждать только относительно того, что принадлежитъ къ ея области, какъ напримѣръ, врачебное искусство — относительно того, что способствуетъ здоровью или ведетъ къ болѣзни, геометрія — относительно возможныхъ между величинами измѣненій, ариѳметика — относительно чиселъ; точно такъ же и остальныя искусства и науки; риторика же, повидимому, способна находить способы убѣжденія относительно каждаго даннаго предмета, потому-то мы и говоримъ, что она не касается какого-нибудь частнаго, опредѣленнаго класса предметовъ.

Изъ способовъ убѣжденія одни бываютъ нетехническіе, другіе же техническіе. Нетехническими я называю тѣ способы убѣжденія, которые не нами изобрѣтены, но существовали раньше [помимо насъ]; сюда относятся: свидѣтели, показанія, данныя подъ пыткой, письменные договоры и т. п.; техническими же [я называю] тѣ, которые могутъ быть созданы нами съ помощью метода и нашихъ собственныхъ средствъ, такъ что первыми изъ доказательствъ нужно только пользоваться, вторыя же нужно [предварительно] найдти.

Что касается способовъ убѣжденія, доставляемыхъ рѣчью [1]), то ихъ три вида: одни изъ нихъ находятся въ зависимости отъ характера говорящаго, другіе — отъ того или другаго настроенія слушателя, третьи — отъ самой рѣчи. Эти послѣдніе заключаются въ дѣйствительномъ или кажущемся доказываніи [2]).

---

[1]) То-есть, техническихъ способовъ убѣжденія.

[2] То-есть, ораторъ можетъ убѣдить слушателей въ томъ, въ чемъ хочетъ ихъ убѣдить, 1) когда отъ его рѣчи они вынесутъ убѣжденіе, что онъ — человѣкъ, которому можно вѣрить (характеръ), 2) когда подъ вліяніемъ его рѣчи они придутъ

[Доказательство достигается] съ помощью нравственнаго характера [говорящаго] въ томъ случаѣ, когда рѣчь произносится такъ, что внушаетъ довѣріе къ человѣку, ее произносящему, потому что вообще мы болѣе и скорѣе вѣримъ людямъ хорошимъ, въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ нѣтъ ничего яснаго и гдѣ есть мѣсто колебанію,—и подавно; и это должно быть не слѣдствіемъ ранѣе сложившагося убѣжденія, что говорящій обладаетъ извѣстными нравственными качествами, но слѣдствіемъ самой рѣчи, такъ какъ несправедливо думать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ людей, занимающихся этимъ предметомъ, что въ искусствѣ заключается и честность оратора, какъ будто она представляетъ собою, такъ сказать, самыя вѣскія доказательства.

Доказательство находится въ зависимости отъ самихъ слушателей, когда послѣдніе приходятъ въ возбужденіе подъ вліяніемъ рѣчи, потому что мы постановляемъ различныя рѣшенія подъ вліяніемъ удовольствія и неудовольствія, любви или ненависти. Этихъ-то способовъ убѣжденія, повторяемъ, исключительно касаются нынѣшніе теоретики словеснаго искусства. Каждаго изъ этихъ способовъ въ отдѣльности мы коснемся тогда, когда будемъ говорить о страстяхъ [1]).

Наконецъ, самая рѣчь убѣждаетъ насъ въ томъ случаѣ, когда ораторъ выводитъ дѣйствительную или кажущуюся истину изъ доводовъ, которые оказываются въ наличности для каждаго даннаго вопроса.

Такъ какъ убѣдить можно такими путями, то, очевидно, ими можетъ пользоваться только человѣкъ, способный къ умозаключеніямъ и къ изслѣдованіямъ характеровъ, добродѣтелей и страстей—что̀ такое каждая изъ страстей, какова она по своей природѣ и вслѣдствіе чего и какимъ образомъ появляется,—такъ что риторика оказывается какъ бы отраслью діалектики и той науки о нравахъ, которую справедливо назвать политикой [2]). Вслѣдствіе этого-то риторика и принимаетъ видъ поли-

---

въ извѣстное настроеніе, станутъ доброжелательно относиться къ нему, 3) когда его доводы покажутся имъ правильными. „*Кажущемся* доказываніи", потому-что риторика занимается выводами не только изъ строго-научныхъ истинъ, но также и изъ того, что *кажется* истиной, что вѣроятно, возможно, что бываетъ (см. въ I-й главѣ значеніе энтимемы).

[1]) О страстяхъ см. II-ю книгу.

[2]) По Аристотелю, политика есть чрезвычайно широкая наука, къ области которой относится все то, что человѣкъ долженъ знать и дѣлать въ качествѣ члена человѣческаго общества. По мнѣнію Цицерона ораторомъ можетъ быть только

тики и люди, считающіе риторику своимъ достояніемъ, выдаютъ себя за политиковъ, вслѣдствіе ли невѣжества, или шарлатанства, или вслѣдствіе другихъ причинъ, свойственныхъ человѣческой природѣ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы говорили и въ началѣ, риторика есть нѣкоторая часть и подобіе діалектики: и та, и другая не есть наука о какомъ-нибудь опредѣленномъ предметѣ, о томъ, какова его природа, но обѣ онѣ лишь методы для нахожденія доказательствъ. Итакъ мы, пожалуй, сказали достаточно о сущности этихъ наукъ и о ихъ взаимномъ отношеніи.

Что же касается способовъ доказывать дѣйствительнымъ или кажущимся образомъ, то какъ въ діалектикѣ есть наведеніе, силлогизмъ и кажущійся силлогизмъ, точно такъ же есть и здѣсь, потому что примѣръ есть не что иное, какъ наведеніе, энтимема—силлогизмъ, кажущаяся энтимема—кажущійся силлогизмъ. Я называю энтимемою риторическій силлогизмъ, а примѣромъ — риторическое наведеніе: вѣдь и всѣ ораторы излагаютъ свои доводы, или приводя примѣры, или строя энтимемы, и помимо этого не пользуются никакими способами доказательства.

Такъ что, если вообще необходимо доказать что бы то ни было, путемъ или силлогизма, или наведенія (а это очевидно для насъ изъ „Аналитики") [1]), то каждый изъ этихъ способовъ доказательства непремѣнно совпадетъ съ каждымъ изъ вышеназванныхъ.

Что же касается различія между примѣромъ и энтимемой [2]), то оно очевидно изъ „Топики" [3]), такъ какъ тамъ ранѣе сказано о силлогизмѣ, и наведеніи: когда на основаніи многихъ подобныхъ случаевъ выводится заключеніе относительно наличности какого-нибудь факта, то такое заключеніе тамъ называется наведеніемъ, здѣсь —

тотъ, кто постигъ все великое и высокое, доступное человѣческому уму: Ac mea quidem sententia nemo poterit esse omni laude cumulatus orator, nisi erit omnium rerum magnarum atque artium scientiam consecutus (De oratore, I кн., 6 гл.).

[1]) „Первая аналитика", II, 23, 24.

[2]) Разница между энтимемой и примѣромъ та, что первая за основаніе беретъ общее положеніе, а второй за основаніе принимаетъ частный случай. Разница между энтимемой и силлогизмомъ та, что силлогизмъ дѣлаетъ заключеніе отъ несомнѣннаго (истиннаго) къ несомнѣнному, а энтимема—отъ вѣроятнаго (вѣроподобнаго) къ вѣроятному. Между наведеніемъ и примѣромъ разница та, что наведеніе на основаніи частныхъ случаевъ дѣлаетъ общее заключеніе, а примѣръ пользуется частнымъ случаемъ для того, чтобы вывести заключеніе о другомъ, также частномъ случаѣ.

[3]) „Топика", I, 10.

примѣромъ. Если же изъ наличности какого-нибудь факта заключаютъ, что всегда или по большей части слѣдствіемъ наличности этого факта бываетъ наличность другаго, отличнаго отъ него факта, то такое заключеніе называется тамъ силлогизмомъ, здѣсь же энтимемой.

Очевидно, что тотъ и другой родъ риторической аргументаціи имѣетъ свои достоинства. Что мы говорили въ „Методикѣ" [1]), то мы находимъ также и здѣсь: однѣ рѣчи богаты примѣрами, другія—энтимемами; точно также и изъ ораторовъ одни склонны къ примѣрамъ, другіе — къ энтимемамъ. Рѣчи, наполненныя примѣрами, не менѣе убѣдительны, но болѣе впечатлѣнія производятъ рѣчи, богатыя энтимемами. Мы будемъ позднѣе говорить о причинѣ этого, а также и о способѣ, какъ нужно пользоваться каждымъ изъ этихъ двухъ родовъ доводовъ. Теперь же опредѣлимъ точнѣе самую ихъ сущность.

Убѣдительное должно быть таковымъ для какого-нибудь извѣстнаго лица, и при томъ одинъ родъ убѣдительнаго непосредственно самъ по себѣ убѣждаетъ и внушаетъ довѣріе, а другой родъ достигаетъ этого потому, что кажется доказаннымъ черезъ посредство убѣдительнаго перваго рода; но ни одно искусство не разсматриваетъ частныхъ случаевъ: напримѣръ, медицина разсуждаетъ не о томъ, что̀ здорово для Сократа или для Каллія, а о томъ, что̀ здорово для человѣка такихъ-то свойствъ или для людей такихъ-то; такого рода вопросы входятъ въ область искусства, частные же случаи безчисленны и не доступны знанію. Поэтому и риторика не разсматриваетъ того, что является правдоподобнымъ для отдѣльнаго лица, напримѣръ, для Сократа или Каллія, но имѣетъ въ виду то, что убѣдительно для всѣхъ людей, каковы они есть. Точно также поступаетъ и діалектика; это искусство не выводитъ заключеній, изъ чего попало (вѣдь и сумасшедшимъ кое-что кажется убѣдительнымъ), но только изъ того, что нуждается въ обсужденіи; подобно этому и риторика имѣетъ дѣло съ вопросами, которые обыкновенно бываютъ предметомъ совѣщанія для людей.

Она касается тѣхъ вопросовъ, о которыхъ мы совѣщаемся, но относительно которыхъ у насъ нѣтъ строго опредѣленныхъ правилъ, и имѣетъ въ виду тѣхъ слушателей, которые не въ состояніи ни охватывать сразу длинную нить разсужденій, ни выводить заклю-

---

[1]) „Методика"—не дошедшее до насъ твореніе Аристотеля; упоминанія о немъ мы находимъ у нѣкоторыхъ древнихъ писателей и комментаторовъ, напримѣръ, у Діогена Лаэртскаго.

ченія издалека. Мы совѣщаемся относительно того, что, повидимому, допускаетъ возможность двоякаго рѣшенія, потому-что никто не совѣщается относительно тѣхъ вещей, которыя не могутъ, не могли и въ будущемъ не могутъ быть иными, разъ мы ихъ понимаемъ, какъ таковыя,—не совѣщаемся потому, что это ни къ чему не ведетъ.

Дѣлать заключенія и выводить слѣдствія можно, вопервыхъ, изъ того, что раньше было уже доказано силлогистическимъ путемъ, а вовторыхъ, изъ такихъ положеній, которыя, не бывъ раньше доказаны путемъ силлогизма, нуждаются въ подобномъ доказательствѣ, какъ не представляющіяся безъ этого правдоподобными [1]); въ первомъ случаѣ разсужденія не удобопонятны вслѣдствіе своей длины, потому что судья вѣдь предполагается человѣкомъ заурядным, а во второмъ они не убѣдительны, потому что имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ положенія не общепризнанныя или не правдоподобныя. Такимъ образомъ, энтимема и примѣръ необходимо должны быть: первая—силлогизмомъ, второй — наведеніемъ касательно чего нибудь такого, что вообще можетъ имѣть и другой исходъ. И энтимема, и примѣръ выводятся изъ не многихъ положеній; часто ихъ бываетъ меньше, чѣмъ при выведеніи перваго силлогизма [2]), потому что, если которое-нибудь изъ нихъ общеизвѣстно, его не нужно приводить, такъ какъ его добавляетъ самъ слушатель, напримѣръ, для того чтобы выразить мысль, что Доріей [3]) побѣдилъ въ состязаніи, наградой за которое служитъ вѣнокъ, достаточно сказать, что онъ побѣдилъ на олимпійскихъ играхъ, а что наградой за побѣду служитъ вѣнокъ, этого прибавлять не нужно, потому что всѣ это знаютъ.

Есть не много необходимыхъ положеній, изъ которыхъ выводятся риторическіе силлогизмы, потому что бо́льшая часть вещей, которыхъ касаются споры и разсужденія, могутъ быть и иными [срав-

---

[1]) То-есть, ораторъ въ своей рѣчи можетъ дѣлать заключеніе и выводить слѣдствія 1) изъ того, что онъ раньше доказалъ въ своей рѣчи съ помощью силлогизмовъ, 2) изъ того, чего онъ не доказывалъ, но что должно быть доказано, для того чтобы казаться убѣдительнымъ для слушателей, не способныхъ воспринимать абстрактныя положенія. И тотъ, и другой путь, по мнѣнію Аристотеля, неудобенъ: первый — потому что ораторъ долженъ имѣть въ виду слушателей, которые не въ состояніи ни охватить сразу длинную нить разсужденій, ни выводить заключенія издалека, второй—потому что заключеніе, выведенное изъ не доказанныхъ, а слѣдовательно, и сомнительныхъ для слушателей посылокъ, не убѣдительно.

[2]) Перваго, то-есть, полнаго силлогизма, гдѣ на лицо всѣ части (посылки).

[3]) Доріей, сынъ Діагора Родосскаго, воспѣтаго Пиндаромъ въ VII-й Олимпійской одѣ, три раза одержалъ побѣду на олимпійскихъ играхъ

нительно съ тѣмъ, что онѣ есть], такъ какъ люди разсуждаютъ и размышляютъ о томъ, что бываетъ объектомъ ихъ дѣятельности, а вся ихъ дѣятельность именно такова: ничто въ ней не имѣетъ характера необходимости, а то, что случается и происходитъ по бóльшей части, непремѣнно должно быть выведено изъ другихъ положеній подобнаго рода, точно такъ же, какъ необходимое по своей природѣ должно быть выведено изъ необходимаго (все это извѣстно намъ также изъ „Аналитики"). Отсюда ясно, что изъ числа тѣхъ положеній, изъ которыхъ выводятся энтимемы, одни имѣютъ характеръ необходимости, другія—и такова большая часть ихъ—характеръ случайности; такимъ образомъ, энтимемы выводятся изъ вѣроятнаго или изъ признаковъ, такъ что каждое изъ этихъ двухъ понятій необходимо совпадаетъ съ каждымъ другимъ изъ нихъ.

Вѣроятное то, что случается по бóльшей части, и не просто то, что случается, какъ опредѣляютъ нѣкоторые, но то, что можетъ случиться и иначе; оно такъ относится къ тому, по отношенію къ чему оно вѣроятно, какъ общее къ частному.

Что касается признаковъ (σημεῖα), то одни изъ нихъ имѣютъ значеніе общаго по отношенію къ частному, другіе—частнаго по отношенію къ общему; изъ нихъ тѣ, которые необходимо ведутъ къ заключенію, называются τεκμήρια—примѣтами; тѣ же, которые не ведутъ необходимо къ заключенію, не имѣютъ названія, которое соотвѣтствовало бы ихъ отличительной чертѣ.

Необходимо ведущими къ заключенію я называю тѣ признаки, изъ которыхъ образуется силлогизмъ. Отсюда-то подобный родъ признаковъ и называется τεκμήριον, ибо когда люди думаютъ, что сказанное ими не можетъ быть опровергнуто, тогда они полагаютъ, что привели τεκμήριον, какъ нѣчто доказанное и поконченное, потому что въ древнемъ языкѣ τέκμαρ и πέρας [1]) значатъ одно и то же.

Изъ признаковъ одни имѣютъ значеніе частнаго по отношенію къ общему, какъ напримѣръ, еслибы кто нибудь назвалъ признакомъ того, что мудрецы справедливы, то, что Сократъ былъ мудръ и справедливъ. Это — признакъ, но онъ можетъ быть опровергнутъ, даже если сказанное справедливо, потому что онъ не можетъ быть приведенъ къ силлогизму. Другой родъ признаковъ, напримѣръ, если кто нибудь скажетъ, что такой-то человѣкъ боленъ,

[1]) Πέρας—конецъ, граница.

потому что у него лихорадка, или что такая-то женщина родила, потому что у нея есть молоко, — этотъ родъ признаковъ имѣетъ характеръ необходимости. Изъ признаковъ только одинъ этотъ родъ есть τεκμήριον, потому что онъ одинъ не можетъ быть опровергнутъ, разъ вѣрна [посылка]. Признакъ, идущій отъ общаго къ частному, [будетъ таковъ] напримѣръ, если кто нибудь считаетъ доказательствомъ того, что такой-то человѣкъ страдаетъ лихорадкой, тотъ фактъ, что этотъ человѣкъ часто дышетъ; это можетъ быть опровергнуто, если даже вѣрно это утвержденіе, потому что иногда приходится часто дышать человѣку и не страдающему лихорадкой.

Итакъ мы сказали, что̀ такое: вѣроятное, признакъ и примѣта, и чѣмъ они отличаются другъ отъ друга; болѣе же подробно мы разобрали вопросъ какъ объ этомъ, такъ и о томъ, по какой причинѣ одни доказательства не выведены, а другія выведены по правиламъ силлогизма,—въ „Аналитикѣ“ [1]). Мы сказали также, что примѣръ есть наведеніе, и объяснили, чего касается это наведеніе: примѣръ не обозначаетъ ни отношенія части къ цѣлому, ни цѣлаго къ части, ни цѣлаго къ цѣлому, но части къ части, подобнаго къ подобному, когда оба данные случая подходятъ подъ одну и ту же категорію случаевъ, при чемъ одинъ изъ нихъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ другой; напримѣръ [мы предполагаемъ], что Діонисій, прося себѣ вооруженной стражи, замышляетъ сдѣлаться тираномъ, — на томъ основаніи, что ранѣе этого Писистратъ, замысливъ сдѣлаться тираномъ, потребовалъ себѣ стражу и, получивъ ее, сдѣлался тираномъ; точно такъ-же поступилъ Ѳеагенъ Мегарскій и другіе хорошо извѣстные намъ люди; всѣ они въ этомъ случаѣ дѣлаются примѣрами по отношенію къ Діонисію, о которомъ мы хорошенько не знаемъ, точно ли онъ проситъ себѣ стражу именно для этой цѣли. Всѣ приведенные случаи подходятъ подъ то общее положеніе, что, разъ человѣкъ проситъ себѣ стражу, онъ замышляетъ сдѣлаться тираномъ.

Мы сказали, такимъ образомъ, изъ чего составляются способы убѣжденія, кажущіеся аподиктическими. Между энтимемами есть одно громадное различіе, совершенно забываемое почти всѣми изслѣдователями, оно — то же, что и относительно діалектическаго метода силлогизмовъ; заключается оно въ томъ, что однѣ изъ эн-

---

[1]) См. „Первую Аналитику“, кн. II, гл. XXVII.

тимемъ образуются согласно съ риторическимъ, а также съ діалектическимъ методомъ силлогизмовъ, другія же согласно съ другими искусствами и возможностями (δυνάμεις), изъ которыхъ одни уже существуютъ въ законченномъ видѣ, а другія еще не получили полной законченности. Вслѣдствіе этого люди, пользующіеся ими, сами незамѣтно для себя пользуясь ими больше, чѣмъ слѣдуетъ, выходятъ изъ своей роли простыхъ ораторовъ. Сказанное нами станетъ яснѣе, если мы подробнѣе разовьемъ нашу мысль. Я говорю, что силлогизмы діалектическіе и риторическіе касаются того, о чемъ мы говоримъ общими мѣстами (топами—τόποι); они общи для разсужденій о справедливости, о явленіяхъ природы и о многихъ другихъ, отличныхъ одинъ отъ другаго предметахъ; таковъ, напримѣръ, топъ бо́льшаго и меньшаго, потому что одинаково удобно на основаніи его построить силлогизмъ или энтимему какъ относительно справедливости и явленій природы, такъ и относительно какого бы то ни было другаго предмета, хотя бы эти предметы и были совершенно различны по природѣ. Частными же я называю энтимемы, которыя выведены изъ посылокъ, относящихся къ отдѣльнымъ родамъ и видамъ явленій; такъ, напримѣръ, есть посылки физики, изъ которыхъ нельзя вывести энтимему или силлогизмъ относительно этики, а въ области этики есть другія посылки, изъ которыхъ нельзя сдѣлать никакого вывода для физики, точно также и въ области всѣхъ [другихъ наукъ]. Тѣ [энтимемы перваго рода, то-есть, τόποι] не сдѣлаютъ человѣка свѣдущимъ въ области какой нибудь частной науки, потому что онѣ не касаются какого-нибудь опредѣленнаго предмета. Что же касается энтимемъ втораго рода, то чѣмъ лучше мы будемъ выбирать посылки, тѣмъ скорѣе незамѣтнымъ образомъ мы образуемъ область науки, отличной отъ діалектики и рито́рики, и если мы возойдемъ до основныхъ положеній, то будемъ имѣть передъ собой уже не діалектику и риторику, а ту науку, основными положеніями которой мы овладѣли. Бо́льшая часть энтимемъ выводится изъ этихъ частныхъ спеціальныхъ положеній; изъ топовъ ихъ выводится меньше.

Теперь точно такъ-же, какъ и въ топикѣ, намъ нужно разсмотрѣть виды энтимемъ, а также топы, изъ которыхъ ихъ нужно выводить. Видами я называю посылки, свойственныя каждому отдѣльному роду предметовъ, а топами — посылки, одинаково общія всѣмъ предметамъ.

Итакъ, поговоримъ сначала о видахъ. Предварительно же раз-

смотримъ роды риторики, чтобы, опредѣливъ число ихъ, разобрать элементы и посылки каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

ГЛАВА III.

Три элемента, изъ которыхъ слагается рѣчь.—Три рода слушателей.—Три рода риторическихъ рѣчей.—Предметъ рѣчей совѣщательныхъ, судебныхъ, эпидиктическихъ.—Время, которое имѣетъ въ виду каждый изъ трехъ родовъ рѣчи.—Цѣль каждаго рода рѣчи.—Необходимость знать посылки каждаго рода рѣчи.

Есть три вида риторики, потому что есть столько же родовъ слушателей. Рѣчь слагается изъ трехъ элементовъ: изъ самого оратора, изъ предмета, о которомъ онъ говоритъ, и изъ лица, къ которому онъ обращается; оно то и есть конечная цѣль всего (я разумѣю слушателя). Слушатель необходимо бываетъ или простымъ зрителемъ, или судьей, и при томъ судьей или того, что уже совершилось, или же того, что имѣетъ совершиться. Примѣромъ человѣка, разсуждающаго о томъ, что имѣетъ быть, можетъ служить членъ народнаго собранія, а разсуждающаго о томъ, что уже было,— членъ судилища; человѣкъ, обращающій вниманіе [только] на дарованіе [оратора], есть простой зритель. Такимъ образомъ естественно является три рода риторическихъ рѣчей: совѣщательныя, судебныя и эпидиктическія. Дѣло рѣчей совѣщательныхъ — склонять или отклонять, потому что какъ люди, которымъ приходится совѣщаться въ частной жизни, такъ и ораторы, произносящіе рѣчи публично, дѣлаютъ одно изъ двухъ [или склоняютъ, или отклоняютъ].

Что касается судебныхъ рѣчей, то дѣло ихъ—обвинять или оправдываться, потому что тяжущіеся всегда дѣлаютъ непремѣнно одно что-нибудь изъ двухъ [или обвиняютъ, или оправдываются].

Дѣло эпидиктической рѣчи — хвалить или порицать. Что касается времени, которое имѣетъ въ виду каждый изъ указанныхъ родовъ рѣчи, то человѣкъ, совѣщаясь, имѣетъ въ виду будущее: отклоняя отъ чего нибудь или склоняя къ чему нибудь, онъ даетъ совѣты относительно будущаго. Человѣкъ тяжущійся имѣетъ дѣло съ прошедшимъ временемъ, потому что всегда по поводу событій, уже совершившихся, одинъ обвиняетъ, а другой защищается. Для эпидиктическаго оратора наиболѣе важнымъ представляется настоящее время, потому что всякій произноситъ похвалу или хулу по поводу чего-нибудь существующаго; впрочемъ, ораторы часто сверхъ

того пользуются и другими временами, вспоминая прошедшее или строя предположенія относительно будущаго. У каждаго изъ этихъ родовъ рѣчей различная цѣль, и такъ какъ есть три рода рѣчей, то существуютъ и три различныя цѣли: у человѣка, дающаго совѣтъ, цѣль — польза и вредъ: одинъ даетъ совѣтъ, побуждая къ лучшему, другой отговариваетъ, отклоняя отъ худшаго; остальныя соображенія, какъ-то: справедливое и несправедливое, прекрасное и постыдное, — здѣсь на второмъ планѣ.

Для тяжущихся цѣлью служитъ справедливое и несправедливое, но и они присоединяютъ къ этому другія соображенія.

Для людей, произносящихъ хвалу или хулу, цѣлью служитъ прекрасное и постыдное; но сюда также привносятся прочія соображенія.

Доказательствомъ того, что для каждаго рода рѣчей существуетъ именно названная нами цѣль, служитъ то обстоятельство, что относительно остальныхъ пунктовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не спорятъ; напримѣръ, тяжущійся иногда не оспариваетъ того, что такой-то фактъ имѣлъ дѣйствительно мѣсто, или что этотъ фактъ дѣйствительно причинилъ вредъ [1]), но онъ никогда не согласится, что совершилъ несправедливое дѣло, потому что въ такомъ случаѣ [то-есть, въ случаѣ его сознанія] не нужно было бы никакого суда.

Подобно этому и ораторы, подающіе совѣты, въ остальномъ часто дѣлаютъ уступки, но никогда не сознаются, что совѣтуютъ безполезное или отклоняютъ отъ полезнаго; напримѣръ, они часто не обращаютъ никакого вниманія на то, что несправедливо порабощать себѣ сосѣдей или такихъ людей, которые не сдѣлали намъ ничего дурнаго. Точно также и ораторы, произносящіе хвалу или хулу, не смотрятъ на то, сдѣлалъ ли этотъ человѣкъ что-нибудь полезное или вредное, но даже часто ставятъ ему въ заслугу, что, презрѣвъ свою собственную пользу, онъ совершилъ что-нибудь прекрасное; напримѣръ, восхваляютъ Ахилла за то, что онъ оказалъ помощь своему другу Патроклу, зная, что ему самому суждено при этомъ умереть, между тѣмъ какъ у него была полная возможность жить. Для него подобная смерть представляется чѣмъ то болѣе прекраснымъ, а жизнь чѣмъ-то полезнымъ.

---

[1]) То-есть, не оспариваетъ того, что фактъ былъ совершенъ и причинилъ вредъ, но утверждаетъ, что его совершилъ не онъ, обвиняемый, или — что его совершилъ онъ, но не умышленно.

Изъ сказаннаго очевидно, что прежде всего необходимо знать посылки каждаго изъ указанныхъ родовъ рѣчей въ отдѣльности, потому что доказательства, вѣроятности и признаки — посылки риторики. Вѣдь, вообще говоря, силлогизмъ составляется изъ посылокъ, а энтимема есть силлогизмъ, составленный изъ названныхъ нами посылокъ [1]). Такъ какъ не могло совершиться въ прошедшемъ и не можетъ совершиться въ будущемъ что нибудь невозможное, а [всегда совершается лишь] возможное, и такъ какъ не могло совершиться въ прошедшемъ что нибудь не бывшее, точно такъ же, какъ не можетъ быть въ будущемъ совершено что нибудь такое, чего не будетъ, то необходимо оратору какъ подающему совѣты, такъ и произносящему судебныя или эпидиктическія рѣчи, имѣть наготовѣ посылки о возможномъ и невозможномъ, о томъ, было ли что нибудь, или не было, будетъ или не будетъ.

Кромѣ того, такъ какъ всѣ ораторы какъ произносящіе хвалу или хулу, такъ и уговаривающіе или отговаривающіе, а также и обвиняющіе или оправдывающіеся не только стремятся доказать что нибудь, но и стараются показать великость или ничтожество добра или зла, прекраснаго или постыднаго, справедливаго или несправедливаго, разсматривая при этомъ предметы безотносительно сами по себѣ, или сопоставляя ихъ одинъ съ другимъ, — въ виду всего этого очевидно, что нужно имѣть наготовѣ посылки какъ общаго, такъ и частнаго характера относительно великости и ничтожества и относительно бо̀льшаго и меньшаго, напримѣръ, относительно того, что можно назвать бо̀льшимъ или меньшимъ благомъ, или бо̀льшимъ или меньшимъ преступленіемъ, или болѣе или менѣе справедливымъ дѣяніемъ; точно также и относительно остальныхъ предметовъ.

Итакъ мы сказали, относительно чего необходимо имѣть наготовѣ посылки. Послѣ этого слѣдуетъ разобрать [предметъ] каждаго изъ указанныхъ [родовъ рѣчи] въ отдѣльности: чего касаются совѣщательныя, эпидиктическія и, втретьихъ, судебныя рѣчи.

---

[1]) То-есть, изъ доказательствъ, вѣроятностей и признаковъ.

ГЛАВА IV.

О чемъ приходится говорить оратору въ рѣчахъ совѣщательныхъ?—Подробное разсмотрѣніе вопросовъ, съ которыми имѣютъ дѣло люди, не входитъ въ область риторики.—Риторика заключаетъ въ себѣ элементъ аналитическій и элементъ политическій.—Пять пунктовъ, по поводу которыхъ произносятся совѣщательныя рѣчи: 1) финансы, 2) война и миръ, 3) охрана страны, 4) продовольствіе страны, 5) законодательство.—Ораторъ долженъ знать виды государственнаго устройства.

Итакъ, прежде всего нужно опредѣлить, относительно какого рода благъ и золъ совѣщается человѣкъ, такъ какъ [совѣщаться можно] не относительно всевозможныхъ благъ и золъ, но лишь относительно тѣхъ, которыя могутъ и быть, и не быть. Что же касается того, что́ непремѣнно есть или будетъ, или же не можетъ или не могло быть, о такихъ вещахъ не можетъ быть никакого совѣщанія [1]). Но [совѣщаются] также не о всемъ томъ, что можетъ быть, потому что въ числѣ благъ, которыя могутъ и быть, и не быть, есть и такія, которыя являются въ силу естественнаго хода вещей или случайно, и о которыхъ нѣтъ никакой пользы совѣщаться. Очевидно, что явленія, относительно которыхъ возможно совѣщаніе,—тѣ, которыя въ силу своей природы зависятъ отъ насъ и начало возникновенія которыхъ заключается въ насъ самихъ. Мы вѣдь до тѣхъ поръ изслѣдуемъ извѣстныя вещи, пока опредѣлимъ, въ силахъ или не въ силахъ мы ихъ сдѣлать.

Здѣсь мы не должны задаваться цѣлью подробно одинъ за другимъ разсмотрѣть и распредѣлить на виды тѣ вопросы, съ которыми люди обыкновенно имѣютъ дѣло, точно также мы не должны давать имъ опредѣленія, согласныя съ истиной, на сколько это возможно, — не должны мы этого дѣлать потому, что это относится къ области не риторики, а другой болѣе глубокой и истинной науки [2]), да и теперь уже риторикѣ дано гораздо больше задачъ, чѣмъ ей свойственно.

Справедливо, какъ мы и раньше замѣтили, что риторика состоитъ изъ науки аналитической и науки политической, касающейся нравовъ, и что она въ одномъ отношеніи подобна діалектикѣ, въ другомъ — софистическимъ разсужденіямъ. Если же мы захотимъ разсматривать діалектику и риторику не какъ способности,

[1]) Объ этомъ было уже говорено въ II гл. § 12. Ср. „Этики“ кн. III. гл. III.

[2]) То-есть, къ области этики или политики.

но какъ науки, то, сами этого не замѣчая, мы уничтожимъ ихъ природу, такъ какъ, относясь къ нимъ такимъ образомъ, мы переходимъ въ область наукъ, которымъ подчинены извѣстные предметы, а не одни разсужденія.

Однако скажемъ теперь о вопросахъ, которые полезно раздѣлить на категоріи и которые имѣютъ значеніе для политической науки.

То, о чемъ люди совѣщаются и по поводу чего высказываютъ свое мнѣніе ораторы, сводится, можно сказать, къ пяти главнымъ пунктамъ; они слѣдующіе: финансы, война и миръ, защита страны, ввозъ и вывозъ продуктовъ и законодательство.

Тому, кто захотѣлъ бы давать совѣты относительно финансовъ, слѣдуетъ знать всѣ статьи государственныхъ доходовъ, — каковы онѣ и сколько ихъ, чтобы, если которая нибудь изъ нихъ забыта, присоединить ее [къ доходамъ], и если какая нибудь другая меньше [чѣмъ могла бы быть], увеличить ее; кромѣ того [необходимо знать также и] всѣ расходы, чтобы, въ случаѣ если какая нибудь статья расхода окажется безполезной, уничтожить ее, а если какая нибудь другая окажется болѣе значительной, [чѣмъ слѣдуетъ], уменьшить ее, такъ какъ люди становятся богаче не только путемъ прибавленія къ тому, что у нихъ есть, но и путемъ сокращенія расходовъ. Всѣ эти свѣдѣнія нужно почерпать не изъ одного только опыта, касающагося мѣстныхъ дѣлъ: для того чтобы подавать совѣты относительно этого, необходимо знать и тѣ изобрѣтенія, которыя сдѣланы въ этомъ отношеніи другими.

Что касается войны имира, [то здѣсь необходимо] знать силу государства,—на сколько она велика въ настоящее время и на сколько велика была прежде, въ чемъ она теперь заключается и въ какомъ отношеніи можетъ быть увеличена. Кромѣ того [необходимо знать], какія войны вело государство и какъ,—и все это не только относительно своего собственнаго государства, но и относительно государствъ сосѣднихъ. Слѣдуетъ также знать, съ кѣмъ изъ сосѣдей можно съ вѣроятіемъ ожидать войны, чтобы съ болѣе сильными сохранить миръ, а что касается болѣе слабыхъ, то чтобы всегда начало войны зависѣло отъ насъ самихъ.

Необходимо также знать военныя силы [противниковъ], — сходны онѣ съ нашими или не сходны, потому что и этимъ путемъ возможно какъ получить выгоду, такъ и понести ущербъ. И для этого необходимо разсмотрѣть исходъ войнъ не только нашихъ, но и чужихъ, ибо отъ одинакихъ причинъ получаются одинакія слѣдствія.

Что касается охраненія страны, то [необходимо] быть знакомымъ съ способами охраненія страны; [слѣдуетъ] также знать количество стражи и виды и мѣста сторожевыхъ пунктовъ; свѣдѣнія эти не возможно имѣть, не будучи хорошо знакомымъ со страной; [все это для того,] чтобы усилить охрану, если гдѣ нибудь она слишкомъ слаба, и отмѣнить ее тамъ, гдѣ она безполезна, и чтобы тщательнѣе охранять важные пункты.

Въ вопросѣ о продовольствіи страны [необходимо знать,] какое потребленіе достаточно для государства и каковы продукты, производимые страной и ввозимые въ нее, а также—въ какихъ государствахъ нуждается страна для вывоза продуктовъ и въ какихъ для ввоза, чтобы заключать съ ними договоры и торговые трактаты, такъ какъ необходимо предостерегать гражданъ отъ столкновеній съ двумя категоріями государствъ: съ тѣми, которыя могущественнѣе [насъ], и съ тѣми, которыя [могутъ быть полезны] странѣ въ вышеуказанномъ отношеніи.

Если для [сохраненія] безопасности въ государствѣ необходимо быть знакомымъ со всѣми этими вопросами, то не менѣе важно также знать толкъ въ законодательствѣ, потому что благополучіе государства зависитъ отъ законовъ.

Необходимо такимъ образомъ знать, сколько есть видовъ государственнаго устройства, и что полезно для каждаго изъ нихъ, и какія обстоятельства какъ вытекающія изъ самой природы данной формы государственнаго устройства, такъ и чуждыя ея природѣ, могутъ способствовать погибели этой формы. Я говорю о гибели извѣстной формы правленія отъ свойствъ, въ ней самой заключающихся, потому что, за исключеніемъ лучшей формы правленія [1]), всѣ остальныя погибаютъ какъ отъ излишняго ослабленія, такъ и отъ чрезмѣрнаго напряженія, какъ напримѣръ, демократія гибнетъ не только при чрезмѣрномъ ослабленіи, когда она подъ конецъ переходитъ въ олигархію, но и при чрезмѣрномъ напряженіи, подобно тому какъ крючковатый и сплюснутый носъ не только при смягченіи этихъ свойствъ достигаетъ умѣренной величины, но и при чрезмѣрной крючковатости и сплюснотости принимаетъ уже такую форму, которая не имѣетъ даже вида носа.

По отношенію къ законодательству нужно не только понимать, на основаніи наблюденій надъ прошлымъ, какая форма прав-

[1]) То-есть, монархіи. См. „Политику", passim.

ленія полезна, но также и знать формы правленія въ другихъ государствахъ: для какихъ людей какая форма правленія годится. Очевидно, такимъ образомъ, что для законодательства полезны описанія земли, потому что изъ нихъ можно познакомиться съ законами [другихъ] народовъ; для совѣщанія же о дѣлахъ государственныхъ полезны творенія дѣеписателей. Но все это относится къ области политики, а не риторики.

Вотъ главнѣйшіе пункты, относительно которыхъ долженъ быть свѣдущъ тотъ, кто желаетъ давать совѣты [въ дѣлахъ государственныхъ]. Теперь мы изложимъ положенія, на основаніи которыхъ слѣдуетъ совѣтовать то или отсовѣтовать другое, какъ по вышеупомянутымъ, такъ и по всякимъ другимъ вопросамъ.

ГЛАВА V.

Блаженство, какъ цѣль человѣческой дѣятельности.—Четыре опредѣленія блаженства.—Составныя части блаженства.—Внутреннія и внѣшнія блага.—Анализъ понятій: благородство происхожденія, хорошаго и многочисленнаго потомства (εὐτεκνία и πολυτεκνία), богатства, хорошей репутаціи, почета, физической добродѣтели, πολυφιλία и χρηστοφιλία.—Опредѣленіе понятія „другъ“.—Анализъ понятія счастливой судьбы (εὐτυχία) и случайнаго блага.

У всякаго человѣка въ отдѣльности и у всѣхъ вмѣстѣ есть, можно сказать, извѣстная цѣль, стремясь къ которой они одно избираютъ, другаго избѣгаютъ; эта цѣль, коротко говоря, есть блаженство съ его составными частями. И такъ разберемъ для примѣра, что̀ такое, прямо говоря, блаженство и изъ чего слагаются его части, потому что всѣ уговариванія и отговариванія касаются блаженства, того, что къ нему ведетъ и что ему противоположно: то, что создаетъ блаженство или какую нибудь изъ его частей, или что дѣлаетъ его изъ меньшаго большимъ,—все такое слѣдуетъ дѣлать, а того, что разрушаетъ блаженство, мѣшаетъ ему или создаетъ что нибудь ему чуждое—всего такого не слѣдуетъ дѣлать.

Опредѣлимъ блаженство, какъ благосостояніе, соединенное съ добродѣтелью, или какъ довольство своей жизнью, или какъ пріятнѣйшій образъ жизни, соединенный съ безопасностью, или какъ избытокъ имущества и рабовъ въ соединенія съ возможностью охранять ихъ и пользоваться ими [1]). Вѣдь, можно сказать, всѣ люди согласны признать блаженствомъ одну или нѣсколько изъ этихъ вещей.

[1]) Первое—опредѣленіе школы Сократа, второе—стоиковъ, третье—эпикурейцевъ, четвертое—общераспространенное.

Если на самомъ дѣлѣ блаженство есть нѣчто подобное, то къ числу составныхъ его частей необходимо будетъ принадлежать благородство происхожденія, обиліе друзей, друзья—хорошіе люди, богатство, хорошее и обильное потомство, счастливая старость, кромѣ того еще преимущества физическія, каковы здоровье, красота, сила, ростъ, ловкость въ состязаніяхъ, слава, почетъ, удача, добродѣтель [1]); потому что человѣкъ наиболѣе счастливъ въ томъ случаѣ, когда онъ обладаетъ благами, находящимися въ немъ самомъ и внѣ его; другихъ же благъ помимо этихъ нѣтъ. Въ самомъ человѣкѣ есть блага духовныя и тѣлесныя, а внѣ его благородство происхожденія, друзья, богатство и почетъ. Къ этому, по нашему мнѣнію, должно присоединяться могущество и удача, потому что въ такомъ случаѣ можно пользоваться въ жизни наибольшей безопасностью.

Итакъ разсмотримъ, что̀ такое представляетъ каждая изъ названныхъ частей блаженства въ отдѣльности.

Быть благороднаго происхожденія для какого нибудь народа или государства значитъ быть автохтонами или исконными [обитателями данной страны], имѣть своими родоначальниками славныхъ вождей и дать изъ своей среды многихъ мужей, прославившихся тѣмъ, что служитъ предметомъ соревнованія [2]), Для отдѣльнаго человѣка чистокровность происхожденія передается какъ по мужской, такъ и по женской линіи, а также [обусловливается] гражданской полноправностью обоихъ родителей. Какъ для цѣлаго государства, такъ и здѣсь быть благороднаго происхожденія значитъ имѣть своими родоначальниками мужей, прославившихся доблестью, богатствомъ или чѣмъ нибудь другимъ, что служитъ предметомъ уваженія, и насчитывать въ своемъ роду много славныхъ мужей и женщинъ, юношей и стариковъ.

Понятіе хорошаго и многочисленнаго потомства ясно: для государства имѣть хорошее потомство значитъ имѣть многочисленное и хорошее юношество, одаренное прекрасными физическими качествами, каковы ростъ, красота, сила, ловкость въ состязаніяхъ; что касается нравственныхъ качествъ, то добродѣтель молодаго человѣка составляютъ скромность и мужество.

Для отдѣльнаго человѣка имѣть многочисленное и хорошее потомство значитъ имѣть много собственныхъ дѣтей мужскаго и женскаго пола, обладающихъ вышеуказанными качествами.

---

[1]) Ср. „Этики“ кн. I, гл. 12.

[2]) Аѳиняне всегда съ гордостью называли себя исконными обитателями Аттики.

Достоинство женщинъ составляютъ въ физическомъ отношеніи красота и ростъ, а въ нравственномъ—скромность и трудолюбіе безъ низости (ἀνελευθερία). Каждому человѣку въ отдѣльности и цѣлому государству слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы какъ у мущинъ, такъ и у женщинъ имѣлись всѣ вышеуказанныя качества, потому что тѣ государства, гдѣ, какъ у лакедемонянъ, нравы женщинъ порочны, пользуются приблизительно вдвое меньшимъ благополучіемъ [1]).

Составными частями богатства являются обиліе монеты, обладаніе землей и недвижимой собственностью, а также множествомъ стадъ и рабовъ, рослыхъ и красивыхъ; всѣ эти объекты владѣнія должны быть неоспоримы, сообразны съ достоинствомъ свободнаго человѣка и полезны. Полезные объекты владѣнія — это преимущественно тѣ, которые приносятъ плоды, сообразные съ достоинствомъ свободнаго человѣка, — тѣ, которые доставляютъ наслажденіе. Приносящими плоды я называю тѣ предметы владѣнія, отъ которыхъ [получается] доходъ, а доставляющими наслажденіе — тѣ, отъ которыхъ [не получается] ничего, о чемъ бы стоило упомянуть, кромѣ пользованія ими. Признакомъ неоспоримости владѣнія является владѣніе въ такомъ мѣстѣ и при такихъ условіяхъ, что способъ пользованія объектами владѣнія зависитъ отъ самого владѣтеля, признакомъ же владѣнія или невладѣнія служитъ возможность отчуждать предметы владѣнія; подъ отчужденіемъ я разумѣю дачу и продажу. Вообще же сущность богатства заключается болѣе въ пользованіи, чѣмъ въ обладаніи: вѣдь операціи надъ предметами владѣнія и пользованіе ими и составляетъ богатство.

Имѣть хорошую репутацію значитъ считаться у всѣхъ людей серьезнымъ человѣкомъ или обладать чѣмъ нибудь такимъ, что составляетъ предметъ стремленія всѣхъ или большинства, или добродѣтельныхъ или разумныхъ людей. Почетъ служитъ признакомъ репутаціи благодѣтеля; по справедливости почетомъ пользуются преимущественно тѣ люди, которые оказали благодѣяніе, но почитается также и тотъ, кто имѣетъ возможность оказывать благодѣянія. Благодѣяніе имѣетъ отношеніе или къ самому существованію и тому, что послѣднему способствуетъ, или къ богатству, или къ какому-нибудь другому благу, пріобрѣтеніе котораго представляется не легкимъ или вообще, или для даннаго мѣста или времени; многіе заслуживаютъ почетъ дѣлами съ виду маловажными, чему причиной слу-

---

[1]) Эта же мысль проходитъ черезъ всю „Политику“.

житъ мѣсто и время оказанія услуги. Принадлежность почета составляютъ жертвоприношенія, прославленія въ стихахъ и прозѣ, почетные дары, участки священной земли, первыя мѣста, похороны, статуи, содержаніе на счетъ государства; у варваровъ признаками почтенія служитъ паденіе ницъ, уступленіе мѣста, дары, считающіеся у даннаго народа почетными. Даръ есть дача извѣстнаго имущества, а вмѣстѣ и знакъ почета, потому-то даровъ домогаются какъ корыстолюбивые, такъ и честолюбивые люди; даръ обладаетъ свойствами, нужными для тѣхъ и другихъ людей: онъ представляетъ собой извѣстнаго рода цѣнность, которая составляетъ предметъ стремленія для корыстолюбивыхъ, и, въ то же время, онъ связанъ съ почетомъ, котораго домогаются люди честолюбивые.

Физическая добродѣтель есть здоровье; оно заключается въ безболѣзненномъ пользованіи своимъ тѣломъ, потому что многіе, какъ, напримѣръ, по преданію Иродикъ [1]), пользуются такимъ здоровьемъ, которому никто бы не позавидовалъ, такъ какъ имъ приходится воздерживаться отъ всего или отъ очень многаго, что доступно человѣку.

Что касается красоты, то она различна для каждаго возраста. Красота юности заключается въ обладаніи тѣломъ, способнымъ переносить труды, будутъ ли они заключаться въ бѣгѣ или въ силѣ, и въ обладаніи наружностью, своимъ видомъ доставляющею наслажденіе; поэтому-то атлеты, занимающіеся пентатломъ [2]), обладаютъ наибольшей красотой, такъ какъ они по своей природѣ равно способны какъ къ тѣлеснымъ состязаніямъ, такъ и къ быстрому бѣгу.

[Красота] зрѣлаго [возраста заключается въ обладаніи тѣломъ, способнымъ переносить] военные труды, и наружностью пріятною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушительною.

[Красота] старца заключается въ обладаніи силами достаточными для выполненія необходимыхъ работъ и въ безпечальномъ существованіи благодаря отсутствію всего того, что позоритъ старость.

Сила есть способность приводить другаго [человѣка или предметъ] въ движеніе по своему произволу, а это можно дѣлать или тащa его, или толкая, или поднимая, или тѣсня, или сжимая, такъ

---

[1]) Иродикъ изъ Селимбріи, врачъ. По преданію, онъ былъ такого слабаго здоровья, что всю свою жизнь долженъ былъ соблюдать строжайшую діэту и воздерживаться отъ всевозможныхъ удовольствій; благодаря крайне умѣренному и правильному образу жизни онъ дожилъ до старости. О немъ упоминаетъ Платонъ напримѣръ, въ III книгѣ „Республики“ (р. 406 A сл).

[2]) Пентатлъ—соединеніе пяти родовъ гимнастическихъ состязаній.

что сильный человѣкъ долженъ оказываться сильнымъ или во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, или въ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Достоинство роста заключается въ обладаніи большей чѣмъ у другихъ людей длиной (вышиной), толщиной и шириной, но такъ, чтобы вслѣдствіе излишка этихъ качествъ движенія не стали черезчуръ медленны.

Атлетическая доблесть для состязаній слагается изъ достоинствъ роста, силы и быстроты; вѣдь и человѣкъ быстро бѣгающій есть въ то же время человѣкъ сильный, такъ именно, кто въ состояніи извѣстнымъ образомъ передвигать ноги быстро и на далекое пространство, способенъ къ бѣгу, а тотъ, кто умѣетъ сжимать и удерживать [своего противника], тотъ способенъ къ борьбѣ; человѣкъ, умѣющій наносить удары, способенъ къ кулачному бою, а человѣкъ, умѣющій дѣлать и то, и другое, способенъ къ панкратіи [1]); что же касается человѣка, способнаго ко всѣмъ указаннымъ видамъ тѣлесныхъ упражненій, то онъ способенъ къ пентатлу.

Хорошая старость — старость поздно наступающая и вмѣстѣ безпечальная: не имѣетъ счастливой старости ни тотъ, кто старѣется рано, ни тотъ, чья старость, поздно наступая, сопровождается страданіемъ. Хорошая старость является слѣдствіемъ какъ хорошихъ физическихъ качествъ человѣка, такъ и благопріятной судьбы, потому что, не будучи здоровымъ и сильнымъ, человѣкъ не будетъ лишенъ страданій, точно такъ-же какъ безъ благопріятныхъ условій судьбы жизнь его не можетъ быть безпечальной и долговѣчной. Помимо силы и здоровья есть другія условія, способствующія долговѣчности; многіе долговѣчны, хотя и не обладаютъ хорошими физическими качествами. Но нѣтъ никакой нужды распространяться здѣсь объ этомъ.

Понятія πολυφιλία и χρηστοφιλία (обладаніе многими друзьями и обладаніе друзьями—хорошими людьми) ясны, разъ понятіе друга опредѣлено такъ: другъ—это такой человѣкъ, который дѣлаетъ для другаго человѣка то, что считаетъ для него благомъ, и дѣлаетъ это ради этого человѣка. Тотъ, у котораго много такихъ [т. е. друзей], и есть πολύφιλος, а тотъ, у котораго [эти друзья] еще и хорошіе люди, есть χρηστόφιλος.

Удача (εὐτυχία) заключается въ пріобрѣтеніи и обладаніи или всѣми,

---

[1]) Панкратія — состязаніе, заключавшее въ себѣ борьбу (πάλη) и кулачный бой (πυγμή).

или бо̀льшею частью, или главнѣйшими изъ тѣхъ благъ, происхожденіе которыхъ случайно [1]). Случай бываетъ причиной нѣкоторыхъ такихъ благъ, которыя можно добыть съ помощью человѣческаго искусства, но многія изъ нихъ недостижимы этимъ путемъ, напримѣръ тѣ, которыя даются намъ природой. Нѣкоторыя изъ благъ [доставляемыхъ случаемъ], могутъ существовать и независимо отъ природы; такъ здоровье можетъ имѣть своимъ источникомъ искусство, но источникомъ красоты и роста можетъ быть только природа. Вообще говоря, тѣ блага случайнаго происхожденія которыя возбуждаютъ зависть. Случай бываетъ причиной и такихъ благъ, которыя являются вопреки всякому расчету, напримѣръ если всѣ братья безобразны и только одинъ изъ нихъ красивъ, или если никто другой не замѣчалъ клада, а одинъ кто-нибудь нашелъ его, или если стрѣла попала въ человѣка, стоявшаго рядомъ, а въ него не попала, или если человѣкъ, постоянно ходившій [въ такое то мѣсто], не пришелъ, а другіе, въ первый разъ пришедшіе туда, погибли. Всѣ подобные случаи кажутся слѣдствіемъ удачи.

Такъ какъ ученіе о добродѣтели имѣетъ всего болѣе связи съ ученіемъ о похвалахъ, то мы разберемъ вопросъ о добродѣтели тогда, когда будемъ говорить о похвалѣ.

ГЛАВА VI.

Цѣль рѣчи совѣщательной—польза, польза—благо; опредѣленіе блага.—Три рода дѣйствующихъ причинъ.—Къ категоріи блага относятся: добродѣтель, удовольствіе, блаженство, добродѣтели души, красота и здоровье, богатство и дружба, честь и слава, умѣнье хорошо говорить и дѣйствовать, природныя дарованія, науки, знанія и искусства, жизнь, справедливость. — Блага спорныя. — Еще опредѣленія блага.—Два рода возможнаго.

Итакъ ясно, что̀ мы должны имѣть въ виду, какъ желательное въ будущемъ или какъ уже существующее въ настоящемъ, когда уговариваемъ кого нибудь, и что̀, напротивъ, когда отговариваемъ кого нибудь, потому что второе противоположно первому. Такъ какъ цѣль, которую преслѣдуетъ совѣщательный ораторъ, есть польза, потому что совѣщаются не о конечной цѣли, но о средствахъ, ведущихъ къ цѣли, а такими средствами бываетъ то, что полезно при данномъ положеніи дѣлъ, полезное же есть благо, — въ виду всего этого слѣдуетъ вообще разобрать основные элементы добра и пользы.

Опредѣлимъ благо, какъ нѣчто такое, что желательно само по

[1]) См. „Этики“ кн. VI, гл. 4.

себѣ, ради чего мы желаемъ и другаго, къ чему стремится все или, по крайней мѣрѣ, все, способное ощущать и одаренное разумомъ, или еслибы было одарено разумомъ. Благо есть то, что соотвѣтствуетъ указаніямъ разума; для каждаго отдѣльнаго человѣка благо то, что ему указываетъ разумъ относительно каждаго частнаго случая; благо—нѣчто такое, присутствіе чего дѣлаетъ человѣка спокойнымъ и самоудовлетвореннымъ; оно есть нѣчто самодовлѣющее, нѣчто способствующее возникновенію и продолженію такого состоянія, нѣчто сопутствующее подобному состоянію, мѣшающее противоположному состоянію и устраняющее его. А сопутствіе [здѣсь] можетъ быть двоякое: [что нибудь существуетъ] одновременно [съ чѣмъ нибудь другимъ] или является послѣ [этого другаго], напримѣръ, знаніе является послѣ ученія, но жизнь существуетъ одновременно съ здоровьемъ.

Способствованіе возникновенію (τὰ ποιητικὰ) бываетъ троякое: одно подобно тому, какъ состояніе здоровья бываетъ причиной здоровья, другое—какъ причиной здоровья бываетъ пища, третье—какъ такой причиной бываетъ гимнастика, поскольку она по бо̀льшей части производитъ здоровье. Разъ это установлено, отсюда необходимо слѣдуетъ, что хорошо всякое пріобрѣтеніе блага и всякое устраненіе зла, потому что одновременно съ первымъ состояніемъ существуетъ отсутствіе зла, а вслѣдъ за вторымъ наступаетъ обладаніе благомъ. И полученіе бо̀льшаго блага вмѣсто меньшаго и меньшаго зла вмѣсто бо̀льшаго [есть также благо], потому что въ одномъ случаѣ мы обрѣтаемъ, а въ другомъ устраняемъ то, чѣмъ бо̀льшее имѣетъ перевѣсъ надъ меньшимъ. И добродѣтели необходимо суть благо, потому что люди, обладающіе ими, счастливы; добродѣтели производятъ блага и научаютъ пользоваться ими. Но мы скажемъ отдѣльно о каждой изъ нихъ, что̀ она такое и какова ея природа [1]). Удовольствіе также необходимо есть благо, потому что все живое стремится въ силу своей природы къ удовольствію. Вслѣдствіе этого все пріятное и прекрасное необходимо есть благо, потому что пріятное доставляетъ удовольствіе, а изъ прекрасныхъ вещей однѣ пріятны, другія желательны ради самихъ себя.

Однимъ словомъ благомъ необходимо признать слѣдующее: блаженство, потому что оно желательно само по себѣ и обладаетъ

---

[1]) Καὶ τίς καὶ ποία—эти два слова имѣли совершенно различное значеніе въ школѣ Сократа: отвѣтомъ на τίς служитъ опредѣленіе даннаго понятія или вещи, отвѣтомъ на ποία—описаніе этого понятія (или вещи).

свойствомъ самодовлѣемости; кромѣ того ради его мы избираемъ многое. Справедливость, мужество, умѣренность, великодушіе, щедрость и тому подобныя качества, потому что это—добродѣтели души. Красота, здоровье и тому подобное—также блага, потому что все это—добродѣтели тѣла, которыя создаютъ много благъ, напримѣръ, здоровье создаетъ удовольствіе и жизнь, почему оно и считается высшимъ благомъ, такъ какъ служитъ причиной двухъ вещей, имѣющихъ для большинства наибольшую цѣнность—удовольствія и жизни. Богатство, такъ какъ оно представляетъ собой достоинство имущественнаго состоянія и служитъ причиной многихъ благъ. Другъ и дружба, потому что другъ желателенъ самъ по себѣ, а, кромѣ того, онъ можетъ сдѣлать многое. Честь, слава, потому что онѣ пріятны и потому что онѣ создаютъ многое; съ ними по бо̀льшей части сопряжено присутствіе того, въ силу чего [люди] пользуются почетомъ. Умѣнье говорить и искусно дѣйствовать, потому что все подобное создаетъ блага. Сюда же относятся даровитость, память, понятливость, смѣтливость и всѣ тому подобныя качества, потому что они создаютъ блага. Равнымъ образомъ [сюда принадлежатъ] всѣ отрасли знанія и всѣ искусства. Сама жизнь [есть благо], потому что, еслибы даже съ ней не было сопряжено никакое другое благо, она желательна сама по себѣ. Наконецъ, справедливость [есть также благо], потому что она полезна всѣмъ.

Вотъ приблизительно все то, что люди согласны признавать благомъ. Что же касается благъ спорныхъ, то заключенія относительно ихъ нужно выводить на основаніи вышеупомянутыхъ благъ. Благо — то, противоположное чему есть зло, а также то, противоположное чему полезно врагамъ, напримѣръ, если трусость гражданъ приноситъ пользу врагамъ, то очевидно, что мужество очень полезно гражданамъ. Вообще же кажется полезнымъ противоположное всему тому, чего желаютъ враги и чему они радуются, поэтому то сказано:

О! Возликуетъ Пріамъ... [1]).

Но такъ бываетъ не всегда, а лишь по бо̀льшей части, потому что вполнѣ возможно, что одно и то-же будетъ полезно для обѣихъ сторонъ, отчего и говорится, что „несчастье сводитъ людей", когда какая нибудь одна и та-же вещь вредна для обоихъ. Благомъ можно назвать также и то, что не есть крайность, то же, что

---

[1]) ....и Пріамовы гордыя чада. Il. I, 255.

преступаетъ должную мѣру, есть зло [1]). То, ради чего совершено много трудовъ и слѣлано много издержекъ, также представляется благомъ, потому что такая вещь уже есть кажущееся благо; она понимается, какъ цѣль, увѣнчивающая многія усилія, а всякая цѣль есть благо [2]), поэтому то сказано:

Вы ли на славу Пріаму... [3]), и:
Стыдъ намъ и медлить такъ долго... [4]).

Отсюда и пословица: [выронить изъ рукъ] кувшинъ съ водой у самой двери [5]). [Благомъ представляется] также то, къ чему многіе стремятся и что кажется достойнымъ предметомъ соревнованія, ибо то, къ чему всѣ стремятся, есть благо, а понятіе большинства людей представляется равнымъ понятію „всѣ люди". [Благо] и то, что заслуживаетъ похвалы, потому что никто не будетъ хвалить того, что не есть благо. То, что хвалятъ враги и дурные люди, также благо, потому что въ этомъ случаѣ всѣ какъ бы согласны между собой, даже и тѣ, которымъ это благо причинило вредъ: такое единодушіе является слѣдствіемъ очевидности блага. Подобно этому дурные люди—тѣ, которыхъ порицаютъ друзья и не порицаютъ враги, а хорошіе—тѣ, которыхъ не порицаютъ даже враги. Поэтому то Коринѳяне считали себя оскорбленными стихомъ Симонида:

Иліонъ не въ претензіи на коринѳянъ [6]).

Благо также то, чему оказалъ предпочтеніе кто нибудь изъ разумныхъ или хорошихъ мущинъ или женщинъ, напримѣръ, Аѳина

---

[1]) Извѣстно, что въ своей „Этикѣ" Аристотель всякую добродѣтель опредѣляетъ, какъ середину между двумя крайностями.

[2]) То-есть, для того чтобы рѣшиться ради какой-нибудь вещи совершить много трудовъ и сдѣлать много издержекъ, человѣкъ долженъ былъ представить себѣ эту вещь благомъ, а, разъ онъ на это рѣшился, эта вещь получила для него значеніе цѣли.

[3]) Il., II, 176.

[4]) ...и праздно въ дома возвратиться. Il., II, 298.

[5]) Въ Греціи обыкновенно женщины приносили изъ источника воду въ кувшинѣ на головѣ. Про человѣка, который не доводилъ дѣла до конца, обыкновенно говорили, что это все равно, что выронить изъ рукъ кувшинъ съ водой у самой двери, потративъ столько труда на то, чтобы набрать воды и принести ее.

[6]) Въ войнѣ грековъ съ троянцами часть коринѳянъ подъ предводительствомъ Главка, стояла на сторонѣ троянцевъ, которые поэтому были „не въ претензіи" на коринѳянъ (такъ какъ имѣли изъ среды ихъ союзниковъ), *не порицали* ихъ, между тѣмъ какъ, будучи врагами грековъ, они eo ipso были врагами коринѳянъ въ ихъ цѣломъ.

оказала предпочтеніе Одиссею, Өисей Еленѣ, Александру богини и Ахиллу Гомеръ.—Вообще говоря, [благо]—то, что заслуживаетъ предпочтенія людей, потому что они предпочитаютъ дѣлать то, что принадлежитъ къ числу вышеуказанныхъ вещей, а также, что имѣетъ значеніе зла для враговъ и блага для друзей. Кромѣ того [они предпочитаютъ еще дѣлать] то, что возможно, возможное же бываетъ двухъ родовъ: одно — то, что уже совершалось, другое — что легко можетъ совершиться. Легко [совершается] то, что [совершается] безъ неудовольствія или въ короткое время, потому что трудность какой нибудь вещи опредѣляется или [сопряженнымъ съ ней] неудовольствіемъ, или продолжительностью времени. [Предпочитаютъ] люди также и то, что случается согласно ихъ желанію, а желаютъ они или того, что не заключаетъ въ себѣ никакого зла, или того, въ чемъ меньше зла, чѣмъ добра, а такъ бываетъ въ томъ случаѣ, когда зло незамѣтно или незначительно. [Предпочтеніе оказывается также тому,] что принадлежитъ намъ и чего ни у кого нѣтъ, а также всему чрезвычайному, потому что обладаніе такими вещами увеличиваетъ почетъ; [пользуется предпочтеніемъ] также то, что имѣетъ особенныя удобства для насъ; таково то, что подходитъ къ нашему семейному и общественному положенію, и что, по нашему мнѣнію, намъ нужно, хотя бы это было и маловажно; не смотря на это, люди предпочитаютъ дѣлать подобныя вещи. [Заслуживаютъ предпочтенія] также тѣ вещи, которыя легко хорошо выполнить, потому что онѣ, какъ легкія, возможны; легкими для исполненія называются такія вещи, которыя были совершены многими, или большинствомъ, или подобными намъ людьми, или людьми болѣе слабыми [чѣмъ мы]. И то, чѣмъ мы можемъ угодить друзьямъ или досадить врагамъ, и что предпочитаютъ дѣлать люди, которымъ мы удивляемся, и то, къ чему мы особенно способны и въ чемъ свѣдущи, потому что есть надежда легче имѣть успѣхъ въ такомъ дѣлѣ. И то, чего не сдѣлаетъ ни одинъ дурной человѣкъ, потому что такія вещи больше заслуживаютъ похвалы. И то, чего люди страстно желаютъ, потому что такія вещи не только пріятны, но представляются еще лучшими [чѣмъ онѣ есть]. Всякій человѣкъ избираетъ то, къ чему имѣетъ расположеніе, какъ, напримѣръ, славолюбивые люди, если дѣло идетъ о побѣдѣ, честолюбивые, если о почетѣ, корыстолюбивые, если о деньгахъ; и всѣ другіе люди точно также. Итакъ, вотъ откуда нужно заимствовать способы убѣжденія относительно блага и полезнаго.

ГЛАВА VII.

Понятія бо̀льшаго блага и болѣе полезнаго; ихъ анализъ; различныя опредѣленія этихъ понятій.

Но такъ какъ часто люди, признавая полезными какія нибудь двѣ вещи, недоумѣваютъ, которая изъ нихъ полезнѣе, то вслѣдъ за вышесказаннымъ слѣдуетъ разобрать вопросъ о бо̀льшемъ благѣ и болѣе полезномъ [1]. Вещь, превосходящая какую нибудь другую вещь, заключаетъ въ себѣ тоже, что есть въ этой другой вещи, и еще нѣчто сверхъ того, а вещь, уступающая другой, есть нѣчто заключающееся въ этой другой вещи. Бо̀льшая величина и бо̀льшее число всегда таково по отношенію къ чему нибудь меньшему, а все большое и малое, многое и немногое таково по отношенію къ величинѣ [или числу] большинства предметовъ; понятіе большаго обозначаетъ превосходство, а понятіе малаго—недостатковъ; точно также и понятія многаго и немногаго.

Такъ какъ мы называемъ благомъ то, что желательно само по себѣ, а не ради чего нибудь другаго, и то, къ чему все стремится и къ чему стремилось бы все, еслибы было одарено разумомъ и практическимъ смысломъ, и то, что создаетъ и сберегаетъ подобныя вещи и съ чѣмъ подобныя вещи связаны [2]. Такъ какъ цѣль есть то, ради чего что нибудь дѣлается, и такъ какъ ради нея дѣлается все остальное; такъ какъ для даннаго человѣка благо есть то, что по отношенію къ этому человѣку обладаетъ указанными свойствами, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что бо̀льшее количество есть бо̀льшее благо сравнительно съ единицей и меньшимъ количествомъ, если единица или меньшее количество входитъ въ составъ бо̀льшаго; послѣднее имѣетъ численное превосходство, въ чемъ ему уступаетъ входящая въ его составъ [единица и меньшее количество]. И если крупнѣйшій [представитель какого нибудь вида] превосходитъ крупнѣйшаго [представителя другаго вида], то и самый [видъ] превосходитъ этотъ второй [видъ], и [наоборотъ], если какой нибудь [видъ] превосходитъ другой [видъ], то и крупнѣйшій [экземпляръ перваго вида] превосходитъ крупнѣйшій [экземпляръ втораго вида], напримѣръ, если самый высокій мущина выше самой высокой женщины, то и мущины вообще выше женщинъ, и,

---

[1]) Объ этомъ упоминалось уже въ III главѣ. Ср. „Этики" кн. I, гл. VII.

[2]) Здѣсь повторяется, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями, опредѣлены блага, данное выше, на стр. 27.

[наоборотъ], если мущины вообще выше женщинъ, то и самый высокій мущина выше самой высокой женщины, потому что превосходство одного вида надъ другимъ аналогично съ превосходствомъ ихъ крупнѣйшихъ экземпляровъ. И когда одно [благо] слѣдуетъ за другимъ, но это другое за первымъ не слѣдуетъ, [тогда это другое есть бо̀льшее благо]. Послѣдовательность же можетъ быть троякая: одно явленіе или происходитъ одновременно съ другимъ, или наступаетъ вслѣдъ за нимъ, или обусловливается имъ, когда бытіе (χρῆσις) слѣдующаго явленія уже заключается [какъ возможность] въ бытіи предыдущаго. Такъ здоровье всегда одновременно съ жизнью, но жизнь съ здоровьемъ не всегда нераздѣльна [1]).

Связь послѣдовательности существуетъ между ученіемъ и знаніемъ, а связь возможности между святотатствомъ и грабежемъ, потому что человѣкъ, совершившій святотатство, способенъ на грабежъ вообще [2]). И то, что въ бо̀льшей мѣрѣ превосходитъ одну и ту же вещь, бо̀льше, потому что оно должно превосходить и бо̀льшее, [чѣмъ эта вещь]. И то, что производитъ бо̀льшее благо, само бо̀льше, потому что это и обозначаетъ возможность производить бо̀льшее. И то, производящая причина чего бо̀льше, также бо̀льше, ибо если то, что полезно для здоровья, предпочтительнѣе того, что пріятно, и есть бо̀льшее благо [по сравненію съ нимъ], то и здоровье важнѣе удовольствія. И то, что желательно само по себѣ, [важнѣе] того, что желательно не само по себѣ, напримѣръ, сила важнѣе здоровья, потому что здоровье желательно не само по себѣ [3]), а сила—сама по себѣ, а это то и составляетъ критерій блага. И если одно есть цѣль, а другое—не цѣль, [то первое выше], потому что второе желательно ради чего нибудь другаго, а первое—ради самого себя, напримѣръ, гимнастика ради хорошаго состоянія тѣла. И то, что менѣе нуждается въ другой вещи или другихъ вещахъ, [выше], такъ какъ оно самостоятельнѣе; меньше же нуждается то, что нуждается въ вещахъ менѣе важныхъ или болѣе легкихъ. И если что нибудь одно не бываетъ или не можетъ быть безъ чего нибудь другаго, а это другое [бываетъ и можетъ быть] безъ перваго: то, что не нуждается ни въ чемъ другомъ, болѣе

---

[1]) То-есть, разъ есть здоровье, есть и жизнь, но не всегда, разъ есть жизнь, есть и здоровье, такъ какъ можно жить, не пользуясь здоровьемъ, часто хворая.

[2]) То-есть, человѣка, совершившаго святотатство, можно заподозрить въ меньшемъ преступленіи—въ грабежѣ.

[3]) То-есть, здоровье желательно, какъ средство для того, чтобы быть въ силахъ проводить жизнь, какъ хочешь.

самостоятельно, а потому и кажется бо̀льшимъ благомъ. И если одна какая нибудь вещь есть начало, а другая не есть начало, или если одна вещь есть причина, а другая не есть причина, то по одному и тому же [первая важнѣе второй], потому что безъ причины и начала невозможно бытіе или возникновеніе [1]).

И происходящее отъ бо̀льшаго изъ двухъ началъ бо̀льше, такъ же какъ происходящее отъ бо̀льшей изъ двухъ причинъ бо̀льше, и, наоборотъ, изъ двухъ началъ больше то, что служитъ началомъ бо̀льшаго, и изъ двухъ причинъ важнѣе та, которая служитъ причиною большему. Изъ сказаннаго очевидно, что одна вещь можетъ быть бо̀льше другой обоими способами: если она есть начало, а другая не есть начало, первая покажется важнѣе, точно такъ же [какъ и въ томъ случаѣ], если она не есть начало, а другая вещь есть начало, потому что цѣль важнѣе начала. Такъ и Леодамантъ [2]), обвиняя Каллистрата, говорилъ, что совѣтникъ виновнѣе исполнителя, потому что проступокъ не былъ бы совершенъ, не будь данъ совѣтъ. И, наоборотъ, [произнося обвинительную рѣчь] противъ Хабрія, [онъ говорилъ], что исполнитель виновнѣе совѣтчика, потому что дѣло не совершилось бы, не будь человѣка, готоваго его совершить: люди де съ тѣмъ и составляютъ заговоры, чтобы кто нибудь совершилъ ихъ. И то, что встрѣчается рѣже, лучше того, что бываетъ въ изобиліи, какъ, напримѣръ, золото лучше желѣза, хотя оно и менѣе полезно [3]); обладаніе имъ представляется бо̀льшимъ благомъ, потому что оно труднѣе. Съ другой стороны, существующее въ изобиліи лучше того, что встрѣчается, какъ рѣдкость, потому что пользованіе имъ болѣе распространено, ибо „часто“ имѣетъ преимущество передъ „рѣдко“, отчего и говорится:

Всего лучше вода [4]).

---

[1]) Ἀρχή—начало, αἴτιον—причина; первое есть слѣдствіе втораго; въ растительномъ царствѣ, напримѣръ, насажденіе есть начало, растительная сила—причина.

[2]) Ораторъ Леодамантъ былъ ученикомъ Исократа и учителемъ Эсхина. Каллистратъ былъ современникъ Леодаманта. Хабрій былъ обвиненъ Леодамантомъ въ измѣнѣ.

[3]) Сравн. латинскую пословицу: quae rara, cara. Подобно этому Аристотель въ своей „Поэтикѣ“ придаетъ особенную важность фабулѣ изъ пяти составныхъ частей драмы—на томъ основаніи, что она—труднѣе всего.

[4]) Пиндаръ, I Олимп. ода, 1. Здѣсь поэтъ имѣетъ въ виду ученіе Θалеса, по которому вода—начало всего.

И вообще болѣе трудное [лучше], чѣмъ болѣе легкое, потому что рѣже, а съ другой точки зрѣнія болѣе легкое [лучше], чѣмъ болѣе трудное, потому что подчиняется нашимъ желаніямъ. [Большее благо] и то, чему противоположно бóльшее зло, и то, лишеніе чего чувствуется сильнѣе. И добродѣтель выше того, что не есть добродѣтель, а порокъ выше того, что не есть порокъ, потому что добродѣтель и порокъ суть цѣли, а эти другія [качества] такими не представляются [1]. И изъ причинъ важнѣе тѣ, слѣдствія которыхъ значительнѣе —въ хорошую или дурную сторону. И болѣе важны слѣдствія того, хорошія и дурныя стороны чего крупнѣе, потому что каковы причины и начала, таковы и слѣдствія, и каковы слѣдствія, таковы и причины и начала. [Лучше] и то, высшая степень чего болѣе желательна или прекрасна, какъ, напримѣръ, желательнѣе хорошо видѣть, чѣмъ тонко обонять, потому что зрѣніе лучше обонянія [2]. И любить друзей лучше, чѣмъ любить деньги, такъ что и дружелюбіе лучше корыстолюбія. Наоборотъ, чрезмѣрная степень чего-нибудь лучшаго лучше и чего-нибудь прекраснаго прекраснѣе, точно такъ-же какъ лучше и прекраснѣе тѣ вещи, которыя возбуждаютъ болѣе высокія и прекрасныя желанія, потому что болѣе сильныя желанія относятся къ бóльшимъ объектамъ, а по той же самой причинѣ и желанія, возбуждаемыя болѣе прекрасными и высокими предметами, прекраснѣе и выше. И чѣмъ прекраснѣе и цѣннѣе науки, тѣмъ прекраснѣе и цѣннѣе ихъ объекты, потому что какова наука, такова и истина, въ ней заключающаяся, такъ какъ каждая наука располагаетъ (κελεύει) своей собственной истиной. По аналогіи съ этимъ науки тѣмъ прекраснѣе и цѣннѣе, чѣмъ прекраснѣе и цѣннѣе ихъ объекты. И то, что могутъ признать или признали бóльшимъ благомъ люди разумные, или всѣ, или многіе изъ нихъ, или бóльшая часть ихъ, или лучшіе изъ нихъ, будетъ считаться бóльшимъ благомъ или вообще, или постолько, посколько ихъ сужденіе было разумно. Это правило распространяется и на другіе вопросы, потому что сущность, степень и качество вещи таковы, какими ихъ признали знаніе и разсудокъ. Но о вопросахъ блага мы уже сказали, такъ какъ мы опредѣлили благо, какъ нѣчто такое, что избрали бы для себя

---

[1]) Очевидно, здѣсь „цѣль“ нужно понимать въ очень широкомъ смыслѣ: порокъ служитъ цѣлью для качества, которое, постепенно развиваясь, обращается въ порокъ.

[2]) См. въ началѣ „Метафизики“ панегирикъ удивительному чувству зрѣнія.

всѣ существа, одаренныя разсудкомъ. Отсюда очевидно, что и бо́льшее благо—то, чему разсудокъ оказываетъ бо́льше предпочтенія. И то [качество], которое есть у лучшихъ людей, есть бо́льшее благо или безусловно, или постолько, посколько они лучшіе люди, напримѣръ, мужество лучше силы. [Бо́льшее благо] и то, что предпочелъ бы лучшій человѣкъ или безусловно, или посколько онъ лучшій человѣкъ; такъ напримѣръ, терпѣть несправедливость лучше, чѣмъ дѣлать несправедливость, потому что первое предпочелъ бы болѣе справедливый человѣкъ [1]). И болѣе пріятное [лучше], чѣмъ менѣе пріятное, потому что все гонится за удовольствіемъ и добивается удовольствія ради его самого, а такими чертами мы опредѣлили благо и цѣль. А изъ двухъ вещей пріятнѣе та, которая доставляетъ удовольствіе съ меньшей примѣсью горечи (ἀλυποτέραν) и болѣе продолжительное время. И болѣе прекрасное пріятнѣе, чѣмъ менѣе прекрасное, потому что прекрасное есть или нѣчто пріятное, или желательное само по себѣ. И то, что люди съ бо́льшей охотой дѣлаютъ для себя, или для своихъ друзей, есть бо́льшее благо, а то, чего они совсѣмъ не хотятъ дѣлать [для себя или для друзей], есть бо́льшее зло. И болѣе продолжительныя блага [лучше] менѣе продолжительныхъ, точно такъ-же, какъ болѣе прочное [лучше] менѣе прочнаго, потому что первыя имѣютъ преимущество въ отношеніи времени, а вторыя въ отношеніи удовлетворенія желанія: когда у насъ является желаніе, намъ болѣе доступно пользованіе прочнымъ благомъ. И такъ далѣе: оцѣнкою одного понятія опредѣляется оцѣнка и другаго сроднаго съ первымъ или выраженнаго другою формой того же слова, [которымъ выражено первое], напримѣръ, если „мужественнно“ прекраснѣе и желательнѣе, чѣмъ „умѣренно“, то и мужество желательнѣе умѣренности и быть мужественнымъ желательнѣе, чѣмъ быть умѣреннымъ. И то, что предпочитаютъ всѣ, [лучше того,] чему предпочтеніе оказывается не всѣми, точно такъ-же, какъ то, чему оказываетъ предпочтеніе бо́льшее число людей, [лучше того,] чему оказываетъ предпочтеніе меньшее число людей; такъ какъ благо было опредѣлено у насъ, какъ нѣчто такое, къ чему всѣ [стремятся], откуда бо́льшее благо будетъ то, къ чему люди бо́льше стремятся. И то, что предпочитаютъ наши противники, или враги, или судьи, или посредники, избранные судьями, [лучше], потому что въ первомъ слу-

---

[1]) Въ „Критонѣ“ Сократъ утверждаетъ, что лучше быть наказану по закону, чѣмъ избѣжать законнаго наказанія.

чаѣ мы какъ бы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ, раздѣляемымъ всѣми людьми, а во второмъ—съ сужденіемъ людей знающихъ и свѣдущихъ. Иногда лучше то, чему причастны всѣ, такъ какъ позорно не быть причастнымъ такой вещи, а иногда то, чему никто [не причастенъ] или [причастны] немногіе, потому что подобная вещь представляетъ бо́льшую рѣдкость. И то, что заслуживаетъ похвалы, [цѣннѣе], потому что прекраснѣе; равнымъ образомъ [лучше] то, что влечетъ за собой больше почета, потому что почетъ есть какъ бы цѣна. [Наоборотъ, хуже] то, что влечетъ за собой бо́льшее наказаніе. То, что выше вещей, признаваемыхъ или кажущихся великими, [лучше], и одна и та же вещь, когда ее разложить на ея составныя части, кажется больше, потому что она представляется бо́льшею бо́льшаго числа вещей, откуда и разказъ поэта о томъ, какъ Мелеагра убѣдили возстать [соображенія о томъ],

Что въ завоеванномъ градѣ людей постигаетъ несчастныхъ:
Гражданъ въ жилищахъ ихъ рѣжутъ, пламень весь градъ попожираетъ,
Въ плѣнъ и дѣтей, и красноопоясанныхъ женъ увлекаютъ [1]).

[Подобное же значеніе имѣетъ] и сопоставленіе и соединеніе отдѣльныхъ частей, которое употреблялъ Эпихармъ [2]), и по тѣмъ же причинамъ какъ разъединеніе ихъ, потому что сопоставленіе частей придаетъ цѣлому видъ сильнаго превосходства, и потому что тогда цѣлое кажется началомъ и причиною великихъ вещей. Такъ какъ лучше то, что труднѣе и что представляетъ бо́льшую рѣдкость, то указанія на обстоятельства, возрастъ, мѣсто, время и силы могутъ увеличивать значеніе вещи, потому что если она была совершена вопреки силамъ и возрасту, вопреки тому, что совершаютъ подобные намъ, и если она была совершена именно тамъ-то или тогда-то,—то она въ такомъ случаѣ получаетъ видъ вещей, значительныхъ по красотѣ, полезности или справедливости, или же вещей имъ про-

---

[1]) Il. IX, 592—594. Извѣстный намъ текстъ Иліады нѣсколько отличается отъ приводимой Аристотелемъ цитаты; это, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что Аристотель цитируетъ Гомера наизусть, а, можетъ быть, онъ слѣдуетъ болѣе древнему, не дошедшему до насъ чтенію.

[2]) Эпихармъ упоминается еще разъ въ „Риторикѣ“ (см. конецъ 9-й гл. III кн.). Повидимому, онъ особенно часто прибѣгалъ къ подобному построенію рѣчи или даже, можетъ быть, былъ его изобрѣтателемъ.

тивоположныхъ, откуда и эпиграмма въ честь одного побѣдителя на олимпійскихъ играхъ [1]):

Нѣкогда я, съ изогнутымъ коромысломъ на плечахъ,
Носилъ рыбу изъ Аргоса въ Тегею.

Отсюда и Ификратъ восхвалялъ себя, говоря: „вотъ съ чего я началъ“ [2]). И полученное отъ природы лучше, чѣмъ пріобрѣтенное извнѣ, потому что первое труднѣе; поэтому то и поэтъ говоритъ:

Я самоучка [3]).

И самая большая часть чего нибудь большаго имѣетъ наибольшее значеніе; такъ Периклъ въ своей надгробной рѣчи сказалъ, что потеря юношества имѣетъ для отечества такое же значеніе, какъ еслибы изъ года исчезла весна [4]). Лучше также то, что оказываетъ помощь въ бо́льшей нуждѣ, напримѣръ, въ старости и болѣзняхъ. И изъ двухъ благъ цѣннѣе то, которое ближе къ цѣли, а также то, которое хорошо и для меня, и вообще, и возможное выше невозможнаго, потому что первое имѣетъ значеніе для человѣка, а второе нѣтъ. Лучше то, что бываетъ въ концѣ жизни, ибо то, что бываетъ подъ конецъ, въ бо́льшей степени обладаетъ свойствами цѣли [5]). И то, что относится къ области истины, лучше того, что дѣлается для славы, а къ области дѣлаемаго для славы относится то, чего никто бы не предпринялъ, зная, что это останется тайною. Лучше также и то, чѣмъ люди желаютъ быть, а не казаться, потому что все такое заключаетъ въ себѣ болѣе истины. Поэтому-то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, справедливость имѣетъ мало значенія, потому что-де лучше казаться такимъ или инымъ, чѣмъ быть, чего, однако, нельзя сказать о здоровьѣ. Болѣе цѣнности имѣетъ и то, что во многихъ отношеніяхъ оказывается

---

[1]) Авторомъ этой эпиграммы былъ Симонидъ; онъ составилъ ее по поводу побѣды, одержанной на олимпійскихъ играхъ человѣкомъ, который до этого былъ рыбакомъ въ Аргосѣ. Греческій схоліастъ приводитъ третій стихъ этой эпиграммы: Νῦν δε κρατος φέρομαι μετὰ πᾶσιν Ὀλυμπιονίκαις.

[2]) Въ болѣе распространенной и ясной формѣ слова Ификрата приводятся далѣе (см. IX-ю главу).

[3]) Od. XXII, 347.

[4]) Повидимому, Аристотель здѣсь имѣетъ въ виду знаменитую рѣчь Перикла, которую мы знаемъ изъ Θукидида (Пелоп. война, II кн., гл. XXXV и слѣд.), но въ ней этого выраженія нѣтъ. Эту же метафору мы находимъ въ словахъ Гелона, сиракузскаго тиранна, въ его рѣчи къ депутатамъ отъ греческихъ государствъ, просившимъ помощи (Геродотъ, VII кн., 162 гл.).

[5]) Цѣль жизни—εὐδαιμονία, то-есть, блаженство.

болѣе полезнымъ, напримѣръ, помогаетъ намъ жить, быть счастливыми, пользоваться удовольствіями и дѣлать добро, поэтому-то богатство и здоровье считаются величайшими благами: вѣдь они обусловливаютъ собой всѣ эти блага. И то, что влечетъ за собой меньше горя и что связано съ удовольствіемъ, лучше, потому что такая вещь заключаетъ въ себѣ больше, чѣмъ одно благо, такъ какъ и удовольствіе—благо, и отсутствіе печали—также благо. И изъ двухъ благъ больше то, которое, будучи сложено съ тою же величиной [какъ и другое] образуетъ въ результатѣ бóльшее цѣлое. И то, присутствіе чего замѣтно, лучше того, присутствіе чего незамѣтно, потому что первое ближе къ истинѣ; поэтому-то, пожалуй, лучше быть, чѣмъ казаться богатымъ. Цѣннѣе также и то, что пользуется любсвью, и одинъ и тотъ же предметъ дороже для того, у кого этотъ предметъ одинъ только, чѣмъ для того, у кого такихъ предметовъ много. Поэтому-то не одинаковое наказаніе постигаетъ того, кто лишитъ глаза человѣка одноглазаго, и того, кто сдѣлаетъ это съ человѣкомъ, обладающимъ обоими глазами, потому что въ первомъ случаѣ у человѣка отнятъ особенно дорогой для него органъ. Итакъ мы приблизительно сказали, откуда нужно черпать способы убѣжденія, когда приходится склонять или отклонять кого-нибудь.

ГЛАВА VIII.

Совѣщательный ораторъ долженъ знать различныя формы правленія.--Четыре формы правленія: демократія, олигархія, аристократія, монархія.—Цѣль каждой формы правленія.—Совѣщательный ораторъ долженъ знать нравы каждой изъ формъ правленія.

Самое же главное и наиболѣе подходящее средство для того, чтобы быть въ состояніи убѣждать и давать хорошіе совѣты, заключается въ пониманіи всѣхъ формъ правленія, обычаевъ и законовъ каждой изъ нихъ, а также въ опредѣленіи того, что для каждой изъ нихъ полезно, потому что всѣ руководятся полезнымъ, полезно же то, что поддерживаетъ государственное устройство. Рѣшающее значеніе имѣетъ выраженіе воли верховной власти, а виды верховной власти различаются согласно видамъ государственнаго устройства: сколько есть формъ правленія, столько и видовъ верховной власти. Формъ правленія четыре [1]): демократія, оли-

---

[1]) Здѣсь Аристотель признаетъ четыре формы правленія, собственно даже пять, такъ какъ онъ далѣе различаетъ монархію и тиранію. Въ „Политикѣ“ (III кн.,

гархія, аристократія и монархія, такъ что верховная власть и власть судебная принадлежитъ или всѣмъ членамъ государства, или части ихъ. Демократія есть такая форма правленія, гдѣ должности занимаются по жребію, олигархія — гдѣ это дѣлается сообразно имуществу гражданъ, аристократія — гдѣ это дѣлается сообразно образованію гражданъ. Подъ образованіемъ я разумѣю здѣсь образованіе, установленное закономъ, потому что люди, не выходящіе изъ предѣловъ законности, въ аристократіи пользуются властью; они кажутся лучшими изъ гражданъ, откуда получила названіе и самая форма правленія. Монархія, какъ показываетъ самое названіе ея, есть такая форма правленія, въ которой одинъ властвуетъ надъ всѣми. Изъ монархій однѣ, подчиненныя извѣстнаго рода порядку, представляютъ собой монархію [въ настоящемъ смыслѣ слова], а другія, извращенныя, представляютъ собой тираннію.

Не должно упускать изъ виду цѣль каждой изъ формъ правленія, потому что люди всегда избираютъ то, что ведетъ къ цѣли. Цѣль демократіи — свобода, олигархіи — богатство, аристократіи — воспитаніе и законность, тиранніи — защита [1]). Очевидно, что если люди принимаютъ рѣшенія, имѣя въ виду цѣль государства, то слѣдуетъ разобрать обычаи и законы каждой изъ формъ правленія и то, что для каждой изъ нихъ полезно, — разобрать все это, какъ имѣющее отношеніе къ цѣли каждаго изъ видовъ государственнаго устройства. Но такъ какъ можно убѣждать не только посредствомъ рѣчи, наполненной доказательствами, но еще и этическимъ способомъ,—вѣдь мы вѣримъ оратору, потому что онъ кажется намъ человѣкомъ извѣстнаго склада, то-есть, если онъ кажется намъ человѣкомъ честнымъ или благомыслящимъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, — въ виду всего этого намъ слѣдовало бы обладать знаніемъ нравовъ каждой изъ формъ правленія, потому что нравственныя качества каждой изъ нихъ представляютъ для каждой изъ нихъ наиболѣе убѣдительности. Это достигается тѣми же самыми средствами, потому что нравственныя качества обнаружи-

---

7 гл., IV кн., 2 гл.) онъ подраздѣляетъ формы правленія на три нормальныхъ (монархія, аристократія и демократія) и три выродившихся формы: (тираннія, олигархія и охлократія).

[1]) Замѣчательно, что при перечисленіи цѣлей, какія преслѣдуетъ каждая изъ указанныхъ формъ правленія, не приводится цѣль монархіи. Быть можетъ, это слѣдуетъ объяснять пропускомъ переписчика. Греческій схоліастъ приводитъ слова: βασιλείας δὲ τὸ ἐννόμως ἐπιστατεῖν.

ваются въ связи съ намѣреніями, а намѣреніе имѣетъ отношеніе къ цѣли. Итакъ мы сказали, на сколько это было здѣсь умѣстно, къ чему, уговаривая, мы должны стремиться, имѣя въ виду будущее или настоящее, и откуда должны почерпать способы убѣжденія, касающіеся полезнаго, а также нравовъ и законовъ каждой изъ формъ правленія, и о томъ, какими способами и какимъ образомъ мы можемъ облегчить себѣ [разрѣшеніе] этихъ вопросовъ. Точнѣе объ этомъ изложено въ нашей „Политикѣ".

ГЛАВА IX.

Объекты эпидиктической рѣчи.—Опредѣленіе прекраснаго.—Опредѣленіе добродѣтели; части добродѣтели; величайшія добродѣтели; опредѣленіе различныхъ добродѣтелей.—Перечисленіе вещей прекрасныхъ.—Похвала Енкомій.—Μαχαρισμός и εὐδαμονισμός.—Отношеніе похвалы къ совѣту.—Усиливающія обстоятельства, сравненія и преувеличенія пригодны для эпидиктической рѣчи; для совѣщательной пригодны примѣры, для судебной—энтимемы.

Вслѣдъ за этимъ поговоримъ о добродѣтели и порокѣ, прекрасномъ и постыдномъ, потому что эти понятія являются объектами для человѣка, произносящаго хвалу или хулу. Говоря объ этомъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ выяснимъ, въ силу чего о насъ можетъ составиться понятіе, какъ о людяхъ извѣстнаго нравственнаго характера, въ чемъ [какъ мы сказали] заключается другой способъ внушать довѣріе, потому что однимъ и тѣмъ же путемъ мы можемъ сдѣлать и себя и другихъ людьми, внушающими къ себѣ довѣріе въ нравственномъ отношеніи.

Такъ какъ намъ часто случается — серьезно или не серьезно— хвалить не только человѣка или бога, но и неодушевленные предметы, и первое встрѣчное животное [1]), то слѣдуетъ и по отношенію къ этому пункту разобрать такимъ же образомъ основныя положенія, потому коснемся и этого вопроса, на сколько это нужно для примѣра.

Прекрасное—то, что, будучи желательно само ради себя, заслуживаетъ еще похвалы, или что, будучи благомъ, пріятно, потому что оно благо. Если таково содержаніе понятія прекраснаго, то добродѣтель необходимо есть прекрасное, потому что, будучи благомъ,

[1]) Аристотель разумѣетъ здѣсь риторическія упражненія, которыя въ его время не были рѣдкостью; такъ, напримѣръ, Поликратъ, ученикъ Горгія, составилъ похвалу мыши, похвалу избирательнымъ камешкамъ, похвалу горшку (χύτρα).

она еще заслуживаетъ похвалы. Добродѣтель, какъ кажется, есть возможность пріобрѣтать блага и сохранять ихъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность дѣлать благодѣянія [другимъ] во многихъ важныхъ случаяхъ и всѣмъ вообще во всевозможныхъ случаяхъ. Части добродѣтели составляютъ справедливость, мужество, благоразуміе, щедрость, великодушіе, безкорыстіе, кротость, разсудительность, мудрость. Разъ добродѣтель есть способность оказывать благодѣянія, величайшими изъ добродѣтелей необходимо будутъ тѣ, которыя наиболѣе полезны для другихъ. Вслѣдствіе этого наибольшимъ почетомъ пользуются люди справедливые и мужественные [1]), потому что мужество приноситъ пользу людямъ во время войны, а справедливость и въ мирное время. Затѣмъ слѣдуетъ безкорыстіе, потому что безкорыстные люди легко отказываются отъ денегъ и не затѣваютъ споровъ изъ-за нихъ, а онѣ составляютъ главный предметъ стремленій для другихъ. Справедливость такая добродѣтель, въ силу которой каждый владѣетъ тѣмъ, что ему принадлежитъ, и такъ, какъ повелѣваетъ законъ, а несправедливость — такое качество, въ силу котораго человѣкъ владѣетъ тѣмъ, что ему не принадлежитъ, и не такъ, какъ повелѣваетъ законъ. Мужество—добродѣтель, въ силу которой люди въ опасностяхъ совершаютъ прекрасныя дѣла, руководясь закономъ и повинуясь ему; трусость же — качество противоположное. Умѣренность—добродѣтель, въ силу которой люди такъ относятся къ физическимъ наслажденіямъ, какъ повелѣваетъ законъ; невоздержность — противоположное этому качество. Безкорыстіе заключается въ оказываніи денежныхъ одолженій, скупость — качество противоположное. Великодушіе — добродѣтель, побуждающая къ совершенію великихъ благодѣяній, малодушіе — качество противоположное. Щедрость — добродѣтель, побуждающая къ крупнымъ издержкамъ, малодушіе же и скряжничество— качества противоположныя. Разсудительность есть интеллектуальная добродѣтель [2]), въ силу которой люди въ состояніи здраво судить о значеніи перечисленныхъ выше благъ и золъ для блаженства [3]).

---

[1]) Въ „Никомаховой этикѣ", гдѣ находимъ обширный трактатъ о добродѣтеляхъ, первое мѣсто отводится щедрости.

[2]) См. раздѣленіе добродѣтелей въ „Этикѣ" I. 13.

[3]) То-есть, въ связи съ ораторскимъ искусствомъ; въ „Никомаховой этикѣ" анализу добродѣтелей посвящено $1^1/_2$ книги.

Итакъ, для настоящаго случая мы достаточно сказали о добродѣтели и порокѣ вообще и о составныхъ частяхъ этихъ понятій; отсюда уже не трудно вывести заключеніе относительно другихъ пунктовъ, такъ какъ очевидно, что какъ то, что производитъ добродѣтель, необходимо должно быть прекрасно, какъ имѣющее отношеніе къ добродѣтели, такъ и все, производимое ею; таковы признаки и дѣла добродѣтели. Если же признаки добродѣтели и то, что однородно съ ними (а таковы поступки и страдательныя состоянія нравственно хорошаго человѣка), прекрасны, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что все то, что представляется дѣломъ или признакомъ мужества, или что было мужественно совершено, — все это прекрасно, точно такъ же какъ прекрасно все справедливое и справедливо — совершенное; что же касается страдательныхъ состояній [носящихъ характеръ справедливости], то о нихъ этого нельзя сказать, такъ какъ только въ одной этой добродѣтели не всегда прекрасно все справедливое, напримѣръ, въ дѣлѣ наказанія позорнѣе быть справедливо наказаннымъ, чѣмъ понести наказаніе напрасно; относительно другихъ добродѣтелей [можно сказать] то же самое. Прекрасно и все то, возмездіемъ за что служатъ призы и съ чѣмъ сопряжено болѣе почета, чѣмъ денегъ. И изъ поступковъ [подлежащихъ выбору] прекрасны тѣ, которые человѣкъ совершаетъ, имѣя въ виду нѣчто желательное, но не для себя самого; прекрасны также и безотносительно хорошіе поступки, которые кто-либо совершилъ для пользы отечества, презрѣвъ свою собственную выгоду, точно такъ же какъ прекрасно все то, что хорошо по своей природѣ, и что хорошо, но не именно для даннаго человѣка, потому что такія вещи дѣлаются ради самого себя. Прекрасно и все то, что скорѣе можетъ относиться къ человѣку умершему, чѣмъ къ живому, потому что то, что дѣлается для человѣка, находящагося въ живыхъ, сопряжено съ эгоистическимъ интересомъ дѣлающаго. Прекрасны также тѣ поступки, которые совершаются ради другихъ, потому что такіе поступки менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ эгоизма. Прекрасно и то благоденствіе, которое имѣетъ въ виду другихъ, а не самого себя, а также то, которое касается нашихъ благодѣтелей, потому что это согласно съ справедливостью. Прекрасны также благодѣянія, потому что они относятся не къ самому человѣку [ихъ совершающему]. Прекрасно и противоположное тому, чего люди стыдятся, потому что они испытываютъ стыдъ въ томъ случаѣ, если гово-

рятъ, или дѣлаютъ, или намѣреваются сдѣлать что нибудь постыдное; въ этомъ смыслѣ выразилась въ стихахъ Сафо по поводу словъ Алкея: „Я желаю сказать нѣчто, но меня удерживаетъ стыдъ". „Еслибы ты желалъ чего нибудь благороднаго или прекраснаго, и еслибы твой языкъ не намѣревался высказать ничего дурнаго, то стыдъ не заволакивалъ бы твоихъ глазъ, ты говорилъ бы о справедливомъ".

Прекрасно также то, изъ-за чего люди хлопочутъ, не будучи побуждаемы страхомъ, потому что они поступаютъ такъ въ вещахъ, ведущихъ къ славѣ. Прекраснѣе добродѣтели и дѣянія лицъ лучшихъ по своей природѣ, такъ, напримѣръ, добродѣтели мущинъ выше, чѣмъ добродѣтели женщинъ. Точно также прекраснѣе добродѣтели, отъ которыхъ получается больше пользы для другихъ людей, чѣмъ для насъ самихъ; поэтому то такъ прекрасно все справедливое и самая справедливость. Прекрасно также мстить врагамъ и не примиряться съ ними, такъ какъ справедливо воздавать равнымъ за равное, а то, что справедливо, прекрасно, и такъ какъ мужественному человѣку свойственно не допускать побѣдъ надъ собой. И побѣда, и почетъ принадлежатъ къ числу прекрасныхъ вещей, потому что какъ то, такъ и другое желательно, даже если и не соединено ни съ какой матеріальной выгодой, и такъ какъ обѣ эти вещи служатъ признакомъ выдающихся достоинствъ. Прекрасно и все памятное, и чѣмъ вещь памятнѣе, тѣмъ она прекраснѣе. И то, что насъ переживаетъ и съ чѣмъ соединенъ почетъ и что имѣетъ характеръ чрезвычайнаго [,—все это прекрасно]. Прекраснѣе то, что есть только въ одномъ человѣкѣ, потому что такія вещи возбуждаютъ болѣе вниманія. Прекраснѣе также собственность, не приносящая дохода, какъ болѣе соотвѣтствующая достоинству свободнаго человѣка. И то, что считается прекраснымъ у отдѣльныхъ народовъ и что служитъ у нихъ признакомъ чего либо почетнаго, также прекрасно; какъ, напримѣръ, считается прекраснымъ въ Лакедемонѣ носить длинные волосы [1]), ибо это служитъ признакомъ свободнаго человѣка, и не легко человѣку, носящему длинные волосы, исполнять какую либо рабскую работу. Прекрасно также не заниматься никакимъ низкимъ ремесломъ, такъ

---

[1]) По словамъ Геродота, обычай носить длинные волосы привился у лакедемонянъ послѣ побѣды, одержанной ими надъ аргосцами, защищавшими городъ Тирей.

какъ свободному человѣку не свойственно жить въ зависимости отъ другихъ. [При этомъ] нужно принимать качества близкія къ даннымъ за тождественныя съ ними какъ при одобреніи, такъ и при порицаніи, такъ, напримѣръ, человѣка осторожнаго нужно принимать за холоднаго и коварнаго, человѣка простоватаго за добраго, а человѣка съ тупой чувствительностью за кроткаго, и каждое изъ свойствъ нужно истолковывать въ наилучшую сторону, такъ, напримѣръ, человѣка гнѣвливаго и необузданнаго [должно считать] человѣкомъ безхитростнымъ, человѣка своенравнаго — полнымъ величавости и достоинства, и вообще людей, обладающихъ крайнею степенью какого нибудь качества [должно принимать] за людей, обладающихъ добродѣтелями, напримѣръ, человѣка безразсудно-смѣлаго за мужественнаго, а расточительнаго за щедраго, такъ какъ такое впечатлѣніе получится у толпы. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь можно построить паралогизмъ изъ причины: въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ кидается въ опасность тамъ, гдѣ въ этомъ нѣтъ необходимости, то, по всей вѣроятности, онъ съ гораздо бо́льшей готовностью сдѣлаетъ это тамъ, гдѣ этого требуетъ долгъ. И если человѣкъ щедръ ко всѣмъ встрѣчнымъ, онъ будетъ таковымъ и по отношенію къ своимъ друзьямъ, потому что благодѣтельствовать всѣмъ и означаетъ крайнюю степень добродѣтели. При этомъ нужно обращать вниманіе и на то, среди кого произносится похвала, потому что, по выраженію Сократа, не трудно восхвалять аѳинянъ среди аѳинянъ же. Слѣдуетъ усвоять [восхваляемому лицу] то свойство, которое цѣнится у даннаго класса людей, напримѣръ, у скиѳовъ, или у лаконцевъ, или у философовъ. Вообще понятіе почетнаго слѣдуетъ возводить къ понятію прекраснаго, потому что эти понятія кажутся близкими одно другому. [Слѣдуетъ хвалить] и то, что является соотвѣтствующимъ и приличнымъ, напримѣръ, то, что достойно славы предковъ и дѣяній, ранѣе нами совершенныхъ, потому что прибавить себѣ славы — счастье и прекрасно. Прекрасно и то, что случается несогласно съ нашими ожиданіями въ лучшемъ и болѣе прекрасномъ смыслѣ, напримѣръ, если кто нибудь въ счастьѣ былъ умѣренъ, а въ несчастьѣ сталъ великодушенъ, или если кто нибудь, по мѣрѣ своего возвышенія, становится все лучше и доступнѣе. Въ такомъ родѣ и слова Ификрата: „изъ чего и къ чему я пришелъ?“, а также слова побѣдителя на Олимпійскихъ играхъ: „нѣкогда я, съ изогнутымъ коромысломъ на плечахъ“ [1])....

[1]) См. VII главу.

Отсюда и стихъ Симонида: „будучи дочерью, женой и сестрой тиранновъ“ [1].... Такъ какъ человѣку воздается похвала за его дѣла и такъ какъ нравственно-хорошему человѣку свойственно дѣйствовать согласно заранѣе принятому намѣренію, то должно стараться показать, что человѣкъ [котораго мы хвалимъ] дѣйствуетъ согласно заранѣе принятому намѣренію. Хорошо также казаться человѣкомъ, часто дѣйствовавшимъ такъ; поэтому случайности и нечаянности слѣдуетъ считать за нѣчто, входившее въ наше намѣреніе, и если можно привести много подобныхъ случаевъ, они покажутся признакомъ добродѣтели и намѣренныхъ поступковъ.

Похвала есть способъ изъяснять величіе добродѣтели какого-нибудь человѣка; слѣдовательно, нужно показать, что дѣянія этого человѣка носятъ характеръ добродѣтели. Енкомій же относится къ самымъ дѣламъ [2] (другія же обстоятельства внѣшняго характера, напримѣръ благородство происхожденія и воспитаніе служатъ поводомъ, такъ какъ естественно, что отъ хорошихъ предковъ происходятъ хорошіе потомки, и что человѣкъ воспитанный именно такъ, будетъ именно такимъ). Потому то мы и прославляемъ въ енкоміяхъ людей, совершившихъ что-нибудь, дѣянія же служатъ признакомъ извѣстнаго нравственнаго характера; вѣдь мы могли бы хвалить и человѣка, который не совершилъ такихъ дѣяній, еслибы были увѣрены, что онъ способенъ ихъ совершить. То, что называется μακαρισμός (прославленіе счастья) и εὐδαιμονισμός (прославленіе блаженства) тожественны между собою, но не тожественны съ похвалою и енкоміемъ: какъ понятіе счастья заключаетъ въ себѣ понятіе добродѣтели, такъ и μακαρισμός и εὐδαιμονισμός долженъ обнимать собой похвалу или енкомій.

Похвала и совѣтъ сходны по своему виду, потому что то, что при подаваніи совѣта можетъ служить поученіемъ, то самое дѣлается похвалой, разъ измѣненъ способъ выраженія: разъ мы знаемъ, какъ мы должны поступать и какими мы должны быть, намъ нужно, чтобы произнести это въ видѣ совѣта, лишь измѣнить и затѣмъ переставить выраженія, напримѣръ: „слѣдуетъ гордиться не тѣмъ, что намъ даровано судьбой, но тѣмъ, что пріобрѣтено нами самими“. Выраженное въ такой формѣ это положеніе имѣетъ силу

---

[1]) Этотъ стихъ составлялъ часть надгробной надписи на могилѣ Архедики, дочери Гиппія, жены Оантида, Лампсакскаго тиранна. См. у Θукидида, VI, 59.

[2]) Относительно похвалы и енкомія см. „Этики“ кн. I, 12.

похвалы:„ онъ гордился не тѣмъ, что было даровано ему судьбой, а тѣмъ, что пріобрѣтено имъ самимъ". Такъ что, когда ты хочешь хвалить, посмотри, что бы ты могъ посовѣтовать [въ этомъ случаѣ], а когда хочешь дать совѣтъ, посмотри, что бы ты могъ похвалить. Что же касается способа выраженія, то онъ здѣсь по необходимости будетъ противоположный, потому что перестановка касается выраженій, въ первомъ случаѣ имѣющихъ характеръ запрещенія, а во второмъ случаѣ не имѣющихъ его. Слѣдуетъ также принимать въ расчетъ многія усиливающія обстоятельства, напримѣръ, если человѣкъ [котораго мы хотимъ хвалить] дѣйствовалъ одинъ, или первый, или при содѣйствіи немногихъ лицъ, потому что все такое прекрасно. [Можно также извлекать выгоду] изъ указаній на время [именно, выставляя на видъ], что совершено нѣчто, не смотря на неблагопріятное время и на неблагопріятныя обстоятельства. [Хвалятъ также человѣка] если ему часто удавалось одно и то же дѣло: это вѣдь и трудно, и можетъ служить доказательствомъ того, что восхваляемый обязанъ былъ успѣхомъ не случаю, а самому себѣ. [Заслуживаетъ также похвалы] человѣкъ, ради котораго изобрѣтены и приведены въ исполненіе какіе-нибудь способы поощренія и чествованія, напримѣръ тотъ, кто первый былъ воспѣтъ въ похвальной пѣсни; таковъ Гипполохъ [1]), таковы и Гармодій и Аристогитонъ, въ честь которыхъ была впервые [2]) воздвигнута статуя на Агорѣ. Такія же соображенія имѣютъ значеніе и по отношенію къ обстоятельствамъ противоположнаго характера. Если ты не находишь, что сказать о человѣкѣ самомъ по себѣ, сравни его съ другими, какъ это дѣлалъ Исократъ вслѣдствіе непривычки говорить въ судѣ. Слѣдуетъ сравнивать человѣка съ людьми знаменитыми, потому что, если онъ окажется лучше людей, достойныхъ уваженія, его достоинства отъ этого выиграютъ. Преувеличеніе по справедливости употребляется при похвалахъ, потому что похвала имѣетъ дѣло съ понятіемъ превосходства, а превосходство принадлежитъ къ числу вещей прекрасныхъ, поэтому если нельзя сравнивать человѣка съ знаменитыми людьми, слѣдуетъ сопоставлять его вообще съ другими людьми, потому что превосходство служитъ признакомъ добродѣтели. Вообще

---

[1]) Лицо совершенно неизвѣстное. Можетъ быть, это испорченное имя. Одинъ комментаторъ предлагалъ читать вмѣсто Гипполоха Антилохъ, подразумѣвая сына Нестора. Другіе читаютъ вмѣсто Гипполохъ—Гипполитъ.

[2]) За то, что они изгнали изъ Аѳинъ Гиппарха, сына тиранна Пизистрата.

изъ пріемовъ, одинаково принадлежащихъ всѣмъ [тремъ] родамъ рѣчей, преувеличеніе всего болѣе подходитъ къ рѣчамъ эпидиктическимъ, потому что здѣсь ораторъ имѣетъ дѣло съ дѣяніями, признанными за неоспоримый фактъ; ему остается только облечь ихъ величіемъ и красотой. Что же касается примѣровъ, то они наиболѣе подходятъ къ рѣчамъ совѣщательнымъ, потому что мы произносимъ сужденія о будущемъ, дѣлая предположенія на основаніи прошедшаго. Энтимемы, напротивъ, [наиболѣе пригодны] для рѣчей судебныхъ, потому что прошедшее, вслѣдствіе своей неясности, особенно требуетъ указанія причины и доказательства.

Вотъ приблизительно всѣ положенія, на основаніи которыхъ произносится почти всякая похвала и хула; вотъ что слѣдуетъ принимать въ соображеніе, хваля или порицая; вотъ откуда берется содержаніе для енкомія и порицанія: вѣдь разъ извѣстенъ этотъ видъ рѣчей [похвальныхъ], очевидны положенія противоположныя, такъ какъ порицаніе произносится на основаніи положеній противоположныхъ вышеуказаннымъ.

ГЛАВА X.

Рѣчи судебныя.—Причины несправедливыхъ поступковъ; настроенія, вызывающія эти поступки; люди, по отношенію къ которымъ эти поступки совершаются.—Что значитъ поступать несправедливо?—Мотивы дурныхъ поступковъ порокъ и невоздержность.—Поступки произвольные и непроизвольные.—Мотивы всей человѣческой дѣятельности.—Понятіе случайности, естественности, насильственности, привычности.—Совершаемое по соображенію, подъ вліяніемъ раздраженія, подъ вліяніемъ желанія.

Далѣе слѣдуетъ сказать о числѣ и природѣ тѣхъ положеній, изъ которыхъ должно выводить умозаключенія относительно обвиненія и защиты. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на три пункта: какова природа и какъ велико число тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ люди поступаютъ несправедливо; подъ вліяніемъ какого настроенія люди поступаютъ несправедливо; по отношенію къ какимъ людямъ мы поступаемъ несправедливо и въ какомъ положеніи находятся эти люди. Итакъ, опредѣлимъ понятіе несправедливости и разберемъ затѣмъ каждый изъ указанныхъ пунктовъ по порядку.

Пусть поступать несправедливо значитъ намѣренно вопреки закону причинять вредъ другому лицу. Но есть два вида законовъ—частный и общій. Частнымъ я называю написанный законъ, согласно которому люди живутъ въ государствѣ, общимъ—тотъ законъ, кото-

рый признается всѣми людьми, хотя онъ и не написанъ. Добровольно [1]) люди дѣлаютъ то, что они дѣлаютъ сознательно и безъ принужденія. Не все то, что люди совершаютъ добровольно, совершается ими намѣренно, но все, что совершается ими намѣренно, совершается ими добровольно, потому что человѣкъ никогда не находится въ невѣдѣніи относительно того, что онъ дѣлаетъ намѣренно. Мотивы же, подъ вліяніемъ которыхъ мы добровольно причиняемъ вредъ и поступаемъ несправедливо,— это порокъ и невоздержность: когда мы обладаемъ однимъ или нѣсколькими пороками, мы оказываемся несправедливыми именно по отношенію къ объекту порока, напримѣръ, корыстолюбивый по отношенію къ деньгамъ, невоздержный по отношенію къ тѣлеснымъ наслажденіямъ, изнѣженный по отношенію ко всему тому, что способствуетъ лѣни, трусъ по отношенію къ опасностямъ (потому что трусы подъ вліяніемъ страха покидаютъ своихъ товарищей въ минуты опасности), честолюбецъ по отношенію къ почестямъ. Человѣкъ вспыльчивый поступаетъ несправедливо подъ вліяніемъ гнѣва; человѣкъ, страстно любящій побѣду, поступаетъ такъ ради побѣды, человѣкъ мстительный—подъ вліяніемъ мести, человѣкъ неразумный—вслѣдствіе невѣдѣнія того, что справедливо и что несправедливо, человѣкъ безстыдный—влѣдствіе презрѣнія къ доброй славѣ. Подобнымъ же образомъ каждый изъ остальныхъ людей оказывается несправедливымъ соотвѣтственно своему пороку. Но все это ясно отчасти изъ того, что мы сказали о добродѣтеляхъ [2]), отчасти изъ того, что мы скажемъ о страстяхъ [3]). Остается сказать, ради чего, подъ вліяніемъ какого настроенія и по отношенію къ кому люди поступаютъ несправедливо. Итакъ, предварительно разберемъ вопросъ, къ чему стремятся и чего избѣгаютъ люди, принимаясь совершать несправедливости, потому что очевидно, что обвинитель долженъ выяснить, какіе именно и на сколько важные мотивы изъ тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ люди поступаютъ несправедливо по отношенію къ своимъ ближнимъ, были у противника, а защищающійся—какіе мотивы въ данномъ случаѣ отсутствовали.

Всѣ люди дѣлаютъ одно произвольно, другое непроизвольно, а изъ того, что они дѣлаютъ непроизвольно, одно они дѣлаютъ случайно, другое по необходимости; изъ того же, что они дѣлаютъ по необходи-

---

[1]) См. „Этики Никомаха“ кн. III, гл. I—VI.

[2]) Въ IX главѣ.

[3]) Во II книгѣ.

мости, одно они дѣлаютъ по принужденію, другое—согласно требованіямъ природы. Такимъ образомъ все, что совершается ими непроизвольно, совершается или случайно, или въ силу требованій природы, или по принужденію. А то, что дѣлается людьми произвольно и причина чего лежитъ въ нихъ самихъ, дѣлается ими одно по привычкѣ, другое подъ вліяніемъ стремленія, и при томъ одно подъ вліяніемъ стремленія разумнаго, другое—неразумнаго. Хотѣніе есть стремленіе къ благу, потому что всякій испытываетъ желаніе лишь въ томъ случаѣ, когда считаетъ объектъ своего желанія благомъ. Стремленія же неразумныя—это гнѣвъ и страсть. Итакъ все, что люди дѣлаютъ, они дѣлаютъ по 7 причинамъ: случайно, согласно требованіямъ природы, по принужденію, по привычкѣ, подъ вліяніемъ размышленія, гнѣва и страсти. Безполезно было бы присоединять сюда классификацію такихъ мотивовъ, какъ возрастъ, положеніе и т. п., потому что если юношамъ свойственно быть гнѣвливыми или страстными, то они совершаютъ несправедливые поступки не по своей молодости, но подъ вліяніемъ гнѣва и страсти. И не отъ богатства и бѣдности люди поступаютъ несправедливо. Случается, конечно, бѣднымъ, вслѣдствіе ихъ нужды, желать денегъ, а богатымъ, вслѣдствіе избытка средствъ, желать наслажденій, въ которыхъ нѣтъ необходимости, но и эти люди будутъ поступать извѣстнымъ образомъ не отъ богатства или бѣдности, но подъ вліяніемъ страсти. Равнымъ образомъ люди справедливые и несправедливые и всѣ тѣ, поступки которыхъ объясняютъ ихъ душевными качествами (ἕξεις), дѣйствуютъ подъ вліяніемъ тѣхъ же вышеуказанныхъ мотивовъ—соображеній разсудка или страсти, при чемъ одни руководятся добрыми нравами или страстями, а другіе — нравами и страстями противоположнаго характера. Случается, конечно, что съ такими-то душевными качествами связаны такія-то послѣдствія, а съ другими другія: такъ у человѣка умѣреннаго, именно вслѣдствіе его умѣренности, правильныя мнѣнія и желанія относительно наслажденій, а у человѣка невоздержнаго относительно того же мнѣнія противоположныя.

Вслѣдствіе этого слѣдуетъ оставить въ сторонѣ подобныя классификаціи и разсмотрѣть, какія слѣдствія связаны обыкновенно съ какими душевными свойствами, потому что, если человѣкъ бѣлъ или черенъ, великъ или малъ, отсюда нельзя еще выводить никакихъ заключеній, если же, напротивъ, человѣкъ молодъ или старъ, справедливъ или несправедливъ, то это уже разница. То же можно сказать и относительно всего того, что производитъ разницу въ нра-

вахъ людей, какъ напримѣръ, считаетъ ли человѣкъ себя богатымъ или бѣднымъ, счастливымъ или несчастливымъ. Но объ этомъ мы будемъ говорить послѣ [1]), теперь же коснемся остальныхъ [ранѣе намѣченныхъ] вопросовъ. Случайнымъ называется то, причина чего неопредѣленна, что̀ происходитъ не ради какой-нибудь опредѣленной цѣли, и не всегда, и не по бо́льшей части, и не въ установленномъ порядкѣ. Все это очевидно изъ опредѣленія понятія случайности. Естественнымъ мы называемъ то, причина чего подчинена извѣстному порядку и заключается въ самой вещи, такъ что эта вещь одинаковымъ образомъ случается или всегда, или по бо́льшей части. Что же касается вещей противоестественныхъ, то нѣтъ никакой нужды выяснять, происходятъ ли подобныя вещи сообразно съ какими-нибудь законами природы, или по какой-нибудь другой причинѣ; можетъ показаться, что причиной подобныхъ вещей бываетъ и случай.

Насильственнымъ называется то, что дѣлается нами самими, но опреки своему желанію и доводамъ разсудка. Привычнымъ называется то, что люди дѣлаютъ вслѣдствіе того, что часто это дѣлали. По соображенію [совершается] то, что кажется намъ полезнымъ изъ перечисленныхъ [2]) нами благъ, или какъ цѣль, или какъ средство, ведущее къ цѣли, когда такая вещь дѣлается ради приносимой ею пользы, потому что иногда и люди невоздержные дѣлаютъ полезныя вещи, но не для пользы, а ради удовольствія. Подъ вліяніемъ раздраженія и запальчивости совершаются дѣла мести. Между местью и наказаніемъ есть разница: наказаніе производится ради наказуемаго, а мщеніе ради мстящаго, чтобы утолить его гнѣвъ. Что такое гнѣвъ, это будетъ ясно изъ трактата о страстяхъ [3]). Подъ вліяніемъ желанія дѣлается все то, что кажется намъ пріятнымъ; къ числу вещей пріятныхъ относится и то, съ чѣмъ мы сжились и къ чему привыкли, потому что люди въ силу привычки съ удовольствіемъ дѣлаютъ многое изъ того, что по своей природѣ не представляетъ ничего пріятнаго.

Такимъ образомъ, въ результатѣ всего сказаннаго мы получаемъ, что все то, что люди дѣлаютъ сами собою, все это—или благо, или кажущееся благо, или пріятно, или кажется пріятнымъ. Но такъ

---

1) См. II кн., гл. XII и слѣд.

2) Глава V.

3) Кн. II, гл. II.

какъ все то, что люди дѣлаютъ сами собой, они дѣлаютъ добровольно, а недобровольно они поступаютъ не сами по себѣ, то все то, что люди дѣлаютъ добровольно, можно отнести къ числу дѣйствительныхъ или кажущихся благъ, къ числу вещей дѣйствительно пріятныхъ или кажущихся таковыми. Къ числу благъ я отношу также избавленіе отъ дѣйствительнаго или кажущагося зла, равно какъ и замѣну бо̀льшаго зла меньшимъ, потому что подобныя вещи въ нѣкоторомъ отношеніи представляются желательными; точно также я причисляю къ пріятнымъ вещамъ избавленіе отъ непріятнаго или отъ чего-нибудь кажущагося непріятнымъ, или замѣну болѣе непріятнаго менѣе непріятнымъ. Итакъ, слѣдуетъ разсмотрѣть полезныя и пріятныя вещи, — сколько ихъ и каковы онѣ. О полезномъ мы говорили раньше, говоря о рѣчахъ, носящихъ характеръ совѣщательный [1]); теперь поговоримъ о пріятномъ. При этомъ достаточными нужно считать тѣ опредѣленія, которыя относительно каждаго даннаго предмета не представляются ни слишкомъ неопредѣленными, ни слишкомъ мелочными.

ГЛАВА XI.

Опредѣленіе удовольствія.—Различныя категоріи пріятнаго.

Опредѣлимъ удовольствіе, какъ нѣкоторое движеніе души и какъ быстрое и ощутительное водвореніе ея въ ея естественное состояніе; неудовольствіе же опредѣлимъ, какъ нѣчто противоположное этому [2]). Если же все подобное есть удовольствіе, то очевидно, что пріятно и все то, что создаетъ вышеуказанное нами душевное состояніе, а все то, что его уничтожаетъ или создаетъ душевное состояніе противоположнаго характера, все это непріятно. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что по бо̀льшей части пріятно водвореніе въ своемъ природномъ состояніи, и особенно въ томъ случаѣ, когда возвратитъ себѣ свою природу то, что согласно съ нею происходитъ. [Пріятны и] привычки, потому что привычное уже какъ бы получаетъ значеніе природнаго, такъ какъ привычка нѣсколько подобна природѣ: понятіе „часто“ близко къ понятію „всегда“, природа же относится къ понятію „всегда“, а привычка къ понятію „часто“. Пріятно и то, что дѣлается не насильно, потому что насиліе противно при-

---

[1]) См. гл. IV и V.

[2]) Ср. „Никомаховой Этики“ кн. VII, гл. II и слѣд.

родѣ; на этомъ то основаніи все необходимое тягостно, и справедливо говорится, что

„Всякая необходимость по своей природѣ тягостна“.

Непріятны также заботы, попеченія и усилія; все это принадлежитъ къ числу вещей необходимыхъ и вынужденныхъ, если только люди къ нимъ не привыкли; въ послѣднемъ случаѣ привычка дѣлаетъ ихъ пріятными. Вещи, по своему характеру противоположныя вышеуказаннымъ, пріятны; поэтому къ числу вещей пріятныхъ относится легкомысліе, бездѣйствіе, беззаботность, шутка и сонъ, потому что ни одна изъ этихъ вещей не имѣетъ ничего общаго съ необходимостью. Пріятно и все то, что составляетъ объектъ желанія, потому что желаніе есть стремленіе къ удовольствію. Изъ желаній одни неразумны, другія разумны; къ числу неразумныхъ я отношу тѣ желанія, которыя люди испытываютъ независимо отъ такого или другаго мнѣнія [о предметѣ желанія]; [сюда принадлежатъ] желанія, называемыя естественными, каковы всѣ желанія, создаваемыя нашимъ тѣломъ, напримѣръ, желаніе пищи, голодъ, жажда и и стремленіе къ каждому отдѣльному роду пищи; сюда же относятся желанія, связанныя съ предметами вкуса, сладострастія, а также съ предметами осязанія, обонянія, слуха и зрѣнія.

Разумныя желанія — тѣ, которыя являются подъ вліяніемъ убѣжденія, потому что мы жаждемъ увидѣть и пріобрѣсти многія вещи, о которыхъ мы слышали и [въ пріятности которыхъ] мы убѣждены. Такъ какъ наслажденіе заключается въ испытываніи извѣстнаго впечатлѣнія, а представленіе есть нѣкотораго рода слабое ощущеніе, то всегда у человѣка, вспоминающаго что-нибудь или надѣющагося на что-нибудь, есть нѣкоторое представленіе о томъ, о чемъ онъ вспоминаетъ или на что надѣется; если же это такъ, то очевидно, что для людей, вспоминающихъ что-нибудь или надѣющихся на что-нибудь, получается удовольствіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ они испываютъ извѣстнаго рода ощущеніе. Такимъ образомъ, все пріятное необходимо будетъ заключаться или въ ощущеніи настоящаго удовольствія, или въ припоминаніи удовольствія прошедшаго, или въ надеждѣ на будущее удовольствіе, потому что люди чувствуютъ настоящее, вспоминаютъ о свершившемся и надѣются на будущее. Изъ

---

[1]) Этотъ же стихъ находимъ въ „Метафизикѣ“ Аристотеля (кн. IV, гл. V) и въ „Эвдем. Этикѣ“ (кн. II, гл. VII). Аристотель приписываетъ его элегическому поэту Эвену.

того, что люди припоминаютъ, пріятно не только то, что было пріятно, когда было настоящимъ, но и кое-что непріятное, если только то, что за нимъ послѣдовало, было для насъ вполнѣ пріятно. Отсюда и говорится:

Пріятно человѣку, избѣгшему гибели,
Вспоминать свои несчастія [1]).

И:

.....О прошлыхъ бѣдахъ вспоминаетъ охотно
Мужъ, испытавшій ихъ много и долго бродившій на свѣтѣ [2]).

Причина этому—та, что пріятно уже и самое отсутствіе зла. А изъ того, чего мы ожидаемъ, намъ пріятно то, съ присутствіемъ чего связано или сильное удовольствіе, или польза, и притомъ польза, не соединенная съ горемъ. Вообще же все то, присутствіе чего приноситъ намъ радость, доставляетъ намъ обыкновенно удовольствіе и тогда, когда мы вспоминаемъ такую вещь или надѣемся на нее; поэтому пріятно гнѣваться, какъ и Гомеръ сказалъ о гнѣвѣ:

Онъ въ зарожденіи сладостнѣй тихо струящагось меду [3]),

потому что мы не гнѣваемся на того, кого считаемъ недоступнымъ нашей мести, и на людей болѣе могущественныхъ, чѣмъ мы, мы или совсѣмъ не гнѣваемся, или гнѣваемся въ меньшей степени.

Съ большею частью желаній связано нѣкоторое удовольствіе: мы испытываемъ его, или вспоминая, какъ наше желаніе было удовлетворено, или надѣясь на его удовлетвореніе въ будущемъ; напримѣръ, больные, мучимые жаждой въ жару, испытываютъ удовольствіе, и вспоминая о томъ, какъ они утоляли свою жажду въ прошедшемъ, и надѣясь утолить ее въ будущемъ. Точно также и влюбленные испытываютъ наслажденіе, бесѣдуя устно или письменно съ предметомъ своей любви, или какимъ бы то ни было другимъ образомъ занимаясь имъ, потому что, живя воспоминаніемъ во всѣхъ подобныхъ состояніяхъ, они какъ бы на самомъ дѣлѣ ощущаютъ присутствіе любимаго человѣка. И для всѣхъ людей любовь начи-

---

[1]) Стихъ изъ не дошедшей до насъ трагедіи Эврипида. Цицеронъ приводитъ его въ своемъ трактатѣ De finibus, кн. II, гл. XXXII.

[2]) Od. XV, 400—401. Приводимые здѣсь Аристотелемъ стихи нѣсколько расходятся съ лучшими изданіями Одиссеи.

[3]) Il. XVIII, 109.

нается тѣмъ, что они не только получаютъ удовольствіе отъ присутствія любимаго человѣка, но и въ его отсутствіе испытываютъ наслажденіе, вспоминая его, и у нихъ является досада на его отсутствіе. И въ горестяхъ и въ слезахъ есть также извѣстнаго рода наслажденіе: горечь является вслѣдствіе отсутствія любимаго человѣка, но въ припоминаніи и нѣкотораго рода лицезрѣніи его, — что онъ дѣлалъ и каковъ онъ былъ,—заключается наслажденіе, поэтому справедливо говоритъ поэтъ:

„Такъ говорилъ и во всѣхъ возбудилъ онъ желаніе плакать" [1]).

Пріятна также месть, потому что пріятно достигнуть того, не достигнуть чего тяжело. Гнѣваясь, люди безмѣрно печалятся, не имѣя возможности отмстить, и, напротивъ, испытываютъ удовольствіе, надѣясь отмстить. Пріятно и побѣждать — и это пріятно не только для людей, любящихъ побѣду, но и для всѣхъ вообще, потому что въ этомъ случаѣ является мысль о собственномъ превосходствѣ, котораго болѣе или менѣе жаждутъ всѣ. Если пріятна побѣда, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что пріятны и игры, гдѣ есть мѣсто борьбѣ и состязанію, потому что въ нихъ часто случается побѣждать; сюда относятся игры въ бабки, въ мячъ, въ кости и въ шашки. Точно то же можно сказать и о серьезныхъ забавахъ: однѣ изъ нихъ дѣлаются пріятными, по мѣрѣ того какъ къ нимъ привыкаешь, другія же сразу доставляютъ удовольствіе, напримѣръ, травля собаками и вообще всякая охота, потому что гдѣ есть борьба, тамъ есть мѣсто и побѣдѣ; на этомъ основаніи искусство тягаться по судамъ и спорить доставляетъ удовольствіе тѣмъ, кто привыкъ къ подобному препровожденію времени и имѣетъ къ нему способность.

Почетъ и добрая слава принадлежатъ къ числу наиболѣе пріятныхъ вещей, потому что каждый воображаетъ, что онъ именно таковъ, каковъ бываетъ человѣкъ хорошій, и тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда [почести и похвала] воздаются со стороны лицъ, которыхъ мы считаемъ правдивыми. Въ этомъ случаѣ люди намъ близкіе значатъ болѣе, чѣмъ люди намъ далекіе, и люди коротко знакомые и наши сограждане больше, чѣмъ люди намъ чужіе, и наши современники больше, чѣмъ наши потомки, и разумные больше, чѣмъ неразумные, и многіе больше, чѣмъ немногіе, потому что есть болѣе основанія считать правдивыми перечисленныхъ нами людей,

---

[1]) Il. XXIII, 108.

чѣмъ людей имъ противоположныхъ. Разъ человѣкъ съ пренебреженіемъ относится къ какой нибудь категоріи существъ, (какъ, напримѣръ, онъ относится къ дѣтямъ или животнымъ), онъ не придаетъ никакого значенія почестямъ со стороны ихъ и доброй славѣ среди нихъ, по крайней мѣрѣ, ради самой этой славы, а если онъ и придаетъ этимъ вещамъ значеніе, то ради чего нибудь другаго.

Другъ также принадлежитъ къ числу пріятныхъ вещей, потому что, съ одной стороны, пріятно любить: никто, кому вино не доставляетъ удовольствія, не любитъ его; а съ другой стороны — пріятно также и быть любимымъ, потому что и въ этомъ случаѣ у человѣка является мысль, что онъ хорошъ, а этого жаждутъ всѣ способные чувствовать люди; а быть любимымъ значитъ быть цѣнимымъ ради самого себя. Быть объектомъ удивленія пріятно уже потому, что съ этимъ связанъ почетъ. Пріятно также быть объектомъ лести, пріятенъ и льстецъ, потому что онъ — кажущійся поклонникъ и другъ. Пріятно часто дѣлать одно и то же, потому что, какъ мы сказали, все привычное пріятно. Пріятно также испытывать перемѣну, потому что перемѣны согласны съ природою вещей, такъ какъ вѣчное однообразіе доводитъ до преувеличенія (чрезмѣрности) разъ существующее настроеніе, откуда и говорится: „Во всемъ пріятна перемѣна" [1]). Вслѣдствіе этого, пріятно то, что является чрезъ извѣстные промежутки времени — люди-ли это, или не одушевленные предметы,—потому что это производитъ нѣкоторую перемѣну сравнительно съ настоящимъ; кромѣ того то, что мы видимъ черезъ извѣстные промежутки времени, представляетъ нѣкоторую рѣдкость. По бо̀льшей части пріятно также учиться и восхищаться, потому что въ восхищеніи уже заключается желаніе [познанія], такъ что предметъ восхищенія скоро дѣлается предметомъ желанія, а познавать значитъ слѣдовать закону природы. Къ числу пріятныхъ вещей относится оказываніе и испытываніе благодѣяній, потому что испытывать благодѣяніе значитъ получать то, чего желаешь, а оказывать благодѣяніе значитъ обладать и при томъ обладать въ бо̀льшей степени, чѣмъ другіе,—а того и другаго люди добиваются. Такъ какъ пріятно оказывать благодѣянія, то пріятно также поставить на ноги своего ближняго и, вообще говоря, пріятно завершать не оконченное. Разъ пріятно ученіе и вос-

---

[1]) Слова Электры къ брату въ „Орестѣ" Эврипида (ст. 234). Аристотель приводитъ ихъ также въ „Никомаховой этикѣ" (кн. VII, гл. XIII).

хищеніе, необходимо будетъ пріятно и все подобное этому, напримѣръ, подражаніе, а именно: живопись, ваяніе, поэзія и вообще всякое хорошее подражаніе, если даже объектъ подражанія самъ по себѣ не представляетъ ничего пріятнаго: въ этомъ случаѣ мы испытываемъ удовольствіе не отъ самаго объекта подражанія, а отъ мысли (умозаключенія), что это [то-есть, подражаніе] равняется тому [то-есть, объекту подражанія], такъ что тутъ является познаваніе. Пріятны также внезапныя перемѣны, пріятно и съ трудомъ спастись отъ опасностей, — это пріятно потому, что все подобное возбуждаетъ удивленіе.

Такъ какъ пріятно все согласное съ природой, а все родственное соотвѣтствуетъ природѣ одно другаго, то по бо̀льшей части все родственное и подобное пріятно; напримѣръ, человѣкъ пріятенъ для человѣка, лошадь для лошади, юноша для юноши, откуда произошли и поговорки, что сверстникъ веселитъ сверстника, что всякій ищетъ себѣ подобнаго, что звѣрь узнаетъ звѣря, и что галка всегда держится галки, — и всѣ другія подобныя пословицы [1]). Такъ какъ все подобное и родственное пріятно одно для другаго и такъ какъ каждый человѣкъ наиболѣе испытываетъ это по отношенію къ самому себѣ, то всѣ люди необходимо бываютъ болѣе или менѣе себялюбивы [2]), — потому что эти условія [подобія и равенства] имѣютъ наиболѣе мѣста по отношенію къ самому себѣ. А разъ всѣ люди себялюбивы, для всякаго человѣка необходимо бываетъ пріятно все свое, напримѣръ, свои дѣла и слова; поэтому-то люди по бо̀льшей части любятъ льстецовъ и поклонниковъ и бываютъ честолюбивы и чадолюбивы: вѣдь дѣти — наши созданія. Пріятно также завершить не оконченное дѣло, потому что оно въ этомъ случаѣ уже становится нашимъ собственнѣмъ дѣломъ. Такъ какъ очень пріятна власть, то пріятно казаться мудрымъ, такъ какъ основаніе власти въ знаніи, а мудрость есть знаніе многихъ удивительныхъ вещей. Кромѣ того, такъ какъ люди по бо̀льшей части честолюбивы, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что пріятно порицать своихъ ближнихъ, пріятно и властвовать. Пріятно также человѣку держаться того, въ чемъ онъ, по своему мнѣнію, превосходитъ самъ себя, какъ говоритъ поэтъ:

---

[1]) Аристотель приводитъ другія подобныя поговорки въ „Никомаховой этикѣ" (кн. IX, гл. VIII).

[2]) См. „Никомаховой этикѣ" кн. IX, гл. IV.

И къ тому труду онъ привязывается,
Удѣляя ему бо̀льшую часть каждаго дня,
Въ которомъ самъ себя превосходитъ [1]).

Равнымъ образомъ, такъ какъ шутки и всякое отдохновеніе пріятно, а равно и смѣхъ, то необходимо будетъ пріятно и все, вызывающее смѣхъ,—и люди, и слова, и дѣла. Но вопросъ о смѣшномъ мы разсмотрѣли отдѣльно въ „Поэтикѣ“ [2]). Итакъ, вотъ что мы имѣли сказать о пріятномъ. Что же касается непріятнаго, то это понятіе станетъ яснымъ изъ положеній противоположныхъ высказаннымъ.

ГЛАВА XII.

Настроенія, вызывающія несправедливые поступки.—Условія, благопріятствующія безнаказанности преступленій и проступковъ.

Итакъ, вотъ причины, побуждающія людей поступать несправедливо. Теперь скажемъ о томъ, находясь въ какомъ нравственномъ состояніи они поступаютъ несправедливо, и по отношенію къ кому они такъ поступаютъ.

Люди поступаютъ несправедливо, когда считаютъ совершеніе даннаго поступка возможнымъ безотносительно, и возможнымъ для себя; кромѣ того, когда думаютъ, что ихъ поступокъ останется не обнаруженнымъ, или что они не понесутъ за него наказанія въ случаѣ его обнаруженія, или, наконецъ, что хотя они и понесутъ за него наказаніе, но оно будетъ менѣе значительно, чѣмъ выгода, которая получится отъ этого поступка или для нихъ самихъ, или для ихъ близкихъ. Позднѣе [3]) мы скажемъ, что̀ именно кажется возможнымъ и невозможнымъ, потому что эти замѣчанія имѣютъ значеніе для всѣхъ родовъ рѣчей.

Безнаказанно совершать несправедливые поступки считаютъ для себя наиболѣе возможнымъ люди, умѣющіе говорить, ловкіе, имѣвшіе много случаевъ вести подобную борьбу, люди, у которыхъ много друзей и денегъ [4]). Наиболѣе сильными люди считаютъ себя

---

[1]) Стихи изъ не дошедшей до насъ трагедіи Эврипида „Антіопа“.

[2]) Въ „Поэтикѣ“, какъ она дошла до насъ, есть только нѣсколько строкъ о смѣшномъ по поводу комедіи.

[3]) См. II кн., гл. XIX.

[4]) Въ своей „Политикѣ“ (IV, гл. 11) Аристотель замѣчаетъ, что богатые и счастливые вообще склонны не повиноваться законамъ.

въ томъ случаѣ, когда они сами удовлетворяютъ указаннымъ условіямъ; если же этого нѣтъ, то въ томъ случаѣ, если у нихъ есть такіе друзья, слуги или сообщники; это даетъ имъ возможность совершать несправедливости, утаивать это и не нести за нихъ наказанія. [Надѣяться на это можно еще и въ томъ случаѣ], когда мы дружны съ тѣмъ, кому наносимъ обиду, или съ судьей: друзья, съ одной стороны, не принимаютъ предосторожностей отъ несправедливостей, а, съ другой стороны, мирятся, не давая дѣлу доходить до суда. Что же касается судей, то они угождаютъ тѣмъ, съ кѣмъ они дружны, и или совсѣмъ не взыскиваютъ съ нихъ, или налагаютъ незначительное наказаніе.

Легко скрыть свою вину тѣмъ людямъ, качества которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ взводимыми на нихъ обвиненіями, напримѣръ, человѣку безсильному [легко скрыть преступленіе], заключающееся въ насиліи, а человѣку бѣдному и безобразному—прелюбодѣяніе. Легко также скрыть и то, что слишкомъ явно и слишкомъ бросается въ глаза, такъ какъ такихъ вещей люди не замѣчаютъ, считая ихъ невозможными. Точно также [легко скрыть] преступленіе такой важности и такого сорта, какого никто не совершалъ, потому что такихъ вещей никто не остерегается: всѣ остерегаются привычныхъ преступленій, какъ это дѣлаютъ и по отношенію къ привычнымъ болѣзнямъ, но никто не принимаетъ предосторожностей противъ того, чѣмъ никто никогда не страдалъ. [Легко также нападать на тѣхъ людей], у которыхъ или совсѣмъ нѣтъ враговъ, или много ихъ: въ первомъ случаѣ нападающій надѣется остаться не обнаруженнымъ на томъ основаніи, что его жертва не принимаетъ никакихъ мѣръ предосторожности, а во второмъ онъ остается не обнаруженнымъ, потому что нападеніе на людей, принявшихъ оборонительное положеніе, представляется со стороны даннаго человѣка дѣломъ не возможнымъ, и виновный въ свою защиту можетъ сказать, что онъ никогда не отважился бы на подобное дѣло.

[Легко совершать преступленія] и тѣмъ, кто можетъ укрыться—благодаря ли способу, которымъ совершено преступленіе, или мѣсту, гдѣ оно совершено, или для кого благопріятно слагаются обстоятельства. [На преступленія рѣшаются также тѣ люди] у которыхъ есть возможность, въ случаѣ обнаруженія преступленія, избѣжать суда, или выиграть время, или подкупить судей, а также тѣ, у которыхъ, въ случаѣ наложенія наказанія, есть возможность избѣжать приведенія его въ исполненіе или добиться продолжительной отсрочки

его; наконецъ, тѣ, кому, вслѣдствіе крайней бѣдности, терять нечего.

Кромѣ того [на преступленія рѣшаются тѣ лица], которымъ выгоды отъ преступленія представляются очевидными, значительными или близкими, а наказаніе за него ничтожнымъ, не вѣрнымъ или далекимъ. И тѣ преступленія, кара за которыя не равна получаемой отъ нихъ выгодѣ, всегда находятъ исполнителя; такова, напримѣръ, тираннія; то же можно сказать о преступленіяхъ, совершеніе которыхъ влечетъ за собой осязательную выгоду, между тѣмъ какъ наказаніе за нихъ заключается только въ позорѣ. И, наоборотъ, [на преступленіе отваживаются] и въ томъ случаѣ, когда совершеніе его приноситъ нѣкотораго рода славу, напримѣръ, если удается разомъ отомстить за отца или за мать, какъ это удалось Зенону [1]), а наказаніе за него заключается въ денежной пенѣ, изгнаніи или въ чемъ-нибудь подобномъ. Люди поступаютъ несправедливо подъ вліяніемъ тѣхъ и другихъ изъ указанныхъ мотивовъ и въ томъ и другомъ изъ указанныхъ настроеній, но это — не одни и тѣ же люди, а лица совершенно противоположныхъ характеровъ. [Рѣшаются на преступленія] еще и тѣ, кому часто удавалось или скрыть свое преступленіе, или остаться безнаказаннымъ, а также тѣ, кто часто терпѣлъ неудачу, потому что въ подобныхъ вещахъ, какъ и на войнѣ, нѣкоторые способны добиваться побѣды во что бы то ни стало. [На преступленіе рѣшаются] еще и въ тѣхъ случаяхъ, когда немедленно вслѣдъ за нимъ наступаетъ удовольствіе, а потомъ, уже позже, приходится испытывать нѣчто непріятное, или когда выгода близка, а наказаніе отдалено. Въ подобномъ положеніи находятся невоздержные люди, а невоздержаніе можетъ касаться всего, что составляетъ предметъ нашихъ желаній. [Преступленіе совершается] также и въ тѣхъ случаяхъ, когда, напротивъ, все непріятное, связанное съ преступленіемъ, и наказаніе за него постигаетъ человѣка немедленно, а удовольствіе и польза получаются лишь позже, но на болѣе продолжительное время; къ такого рода вещамъ стремятся люди воздержные и болѣе разумные.

[Преступленія совершаются также] тѣми людьми, у которыхъ есть возможность объяснить свой поступокъ случайностью, или необходимостью, или закономъ природы, или привычкой, — вообще въ

---

[1]) Лицо, намъ не извѣстное; не извѣстенъ также фактъ, о которомъ здѣсь говорится.

тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть возможность доказывать, что совершена ошибка, а не преступленіе. [Несправедливость совершается и въ томъ случаѣ] когда можно получить снисхожденіе. [На несправедливый поступокъ рѣшаются] также люди нуждающіеся, при чемъ нужда можетъ быть двоякаго рода: или въ вещахъ необходимыхъ, какъ у людей бѣдныхъ, или въ вещахъ излишнихъ, какъ у богатыхъ. [На преступленіе рѣшаются] также люди, имѣющіе или очень хорошую, или очень дурную славу, первые въ расчетѣ на то, что на нихъ не падетъ подозрѣніе, вторые — въ той мысли, что отъ этого слава ихъ не ухудшится.

Вотъ въ какомъ настроеніи люди рѣшаются на преступленія.

А люди и вещи, противъ которыхъ направляются преступленія, бываютъ обыкновенно таковы: они обладаютъ тѣмъ, чего у насъ нѣтъ,—идетъ ли дѣло о чемъ нибудь необходимомъ, или о чемъ нибудь, касающемся наслажденія. [Несправедливости совершаются] по отношенію къ людямъ какъ близкимъ, такъ и далекимъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ скоро получаешь, а во второмъ нельзя ожидать скораго мщенія, напримѣръ, въ томъ случаѣ, еслибы были обокрадены карѳагеняне [1]). [Обида причиняется также людямъ] которые не принимаютъ мѣръ предосторожности, не берегутся, людямъ слишкомъ довѣрчивымъ, потому что въ этомъ случаѣ легко укрыться отъ вниманія всѣхъ, — а также людямъ беззаботнымъ, потому что нужно быть человѣкомъ заботливымъ, чтобы вести дѣло судомъ,—людямъ совѣстливымъ, потому что они не способны вступать въ споръ ихъ за выгоды,—людямъ, которые, бывъ оскорблены многими, не доводили дѣло до суда, такъ какъ такіе люди, по пословицѣ, легко, какъ мизійцы [2]), становятся добычей,—людямъ, которые никогда не терпѣли оскорбленій, или терпѣли ихъ очень часто, потому что и тѣ, и другіе не принимаютъ мѣръ предосторожности,—первые, потому что полагаютъ, что никто никогда ихъ не оскорбитъ, а вторые, потому что, по ихъ мнѣнію, больше ужъ никто ихъ не оскорбитъ. [Легко обидѣть] также тѣхъ людей, которые оклеветаны или которыхъ легко оклеветать, потому что такіе люди обыкновенно не рѣшаются начать процессъ, боясь судей, и никому

[1]) Потому что Карѳагенъ находился далеко отъ Греціи и греки имѣли съ нимъ мало сношеній.

[2]) Народъ Малой Азіи, изнѣженность и невоинственность котораго вошла въ поговорку.

не могутъ внушить къ себѣ довѣрія; такъ бываетъ съ людьми, возбудившими всеобщую ненависть и зависть. [Несправедливости направляются] также противъ людей, противъ которыхъ мы имѣемъ что нибудь, — касается ли это ихъ предковъ, или ихъ самихъ, или ихъ друзей,—за то, что они обидѣли или хотѣли обидѣть насъ самихъ, или нашихъ предковъ, или людей намъ близкихъ, потому что, по пословицѣ, злобѣ нуженъ только предлогъ. [Обижаютъ] и враговъ, и друзей, потому что первыхъ обидѣть легко, а вторыхъ пріятно, [обижаютъ] и тѣхъ, у кого нѣтъ друзей, кто не умѣетъ ни красно говорить, ни вести дѣло, потому что такіе люди или не пытаются вести дѣло судомъ, или идутъ на мировую, или ничего не доводятъ до конца. [Часто поступаютъ несправедливо съ людьми], которымъ неудобно тратить время, добиваясь суда или удовлетворенія, каковы, напримѣръ, чужеземцы и ремесленники, которые собственными руками зарабатываютъ себѣ хлѣбъ, потому что эти люди мирятся на маломъ и легко прекращаютъ дѣло. [Несправедливость легко дѣлается по отношенію къ тѣмъ людямъ], которые сами поступали несправедливо во многомъ или именно въ томъ, въ чемъ теперь поступаютъ несправедливо относительно ихъ, такъ какъ несправедливость почти не кажется несправедливостью, когда кому нибудь причиняется именно такая обида, какія онъ привыкъ причинять другимъ, напримѣръ, если кто нибудь оскорбитъ человѣка, привыкшаго оскорблять другихъ. [Несправедливо поступаютъ] также съ тѣми людьми, которые обидѣли насъ, или хотѣли обидѣть, или хотятъ обидѣть, или обидятъ; въ этомъ случаѣ несправедливость заключаетъ въ себѣ нѣчто пріятное и прекрасное и уже почти не кажется несправедливостью. [Мы легко обижаемъ] также тѣхъ, униженіе которыхъ будетъ пріятно или нашимъ друзьямъ, или тѣмъ, кому мы удивляемся, или кого любимъ, или нашимъ повелителямъ, или вообще тѣмъ людямъ, отъ которыхъ мы зависимъ и отъ которыхъ можемъ получить какую нибудь выгоду. [Мы совершаемъ также несправедливости по отношенію къ тѣмъ людямъ] надъ которыми мы произнесли осужденіе и съ которыми прервали сношенія, какъ, напримѣръ, поступилъ Каллиппъ по отношенію къ Діону [1]), потому

---

[1]) Аѳинянинъ Каллиппъ подружился съ Діономъ во время пребыванія послѣдняго въ Аѳинахъ и сопровождалъ его въ его походѣ въ Сицилію; затѣмъ онъ съ нимъ поссорился и своими клеветами возбудилъ противъ Діона жителей Сиракузъ и наемныхъ воиновъ, служившихъ Діону.

что и подобные поступки почти не кажутся несправедливыми. [Точно также поступаемъ мы и съ тѣми людьми] которыхъ если не мы, такъ другіе обидятъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ кажется невозможнымъ колебаніе; такъ, по преданію, поступилъ Энесидемъ, который послалъ Гелону, поработившему какой то городъ, коттабій [1]), поздравляя его, что онъ предупредилъ его именно въ томъ, что самъ онъ, Энесидемъ, намѣренъ былъ сдѣлать. [Обида часто причиняется въ тѣхъ случаяхъ] когда это даетъ возможность сдѣлать много хорошаго обиженнымъ, потому что въ этихъ случаяхъ искупленіе представляется дѣломъ легкимъ, какъ говорилъ ѳессаліецъ Язонъ [2]), что должно иногда поступать несправедливо, чтобы имѣть возможность совершать много справедливыхъ дѣлъ.

[Человѣкъ легко позволяетъ себѣ тѣ несправедливые поступки] совершать которые вошло въ привычку у всѣхъ, или у многихъ, потому что въ этихъ случаяхъ есть надежда получить прощеніе. [Мы легко рѣшаемся на похищеніе тѣхъ предметовъ] которые легко скрыть, а также тѣхъ, которые легко истрачиваются, таковы, напримѣръ, съѣстные припасы; [сюда же относятся предметы] которымъ легко придать другой видъ, измѣнивъ ихъ форму, цвѣтъ или составъ, или предметы, которые во многихъ мѣстахъ можно удобно спрятать; таковы вещи, которыя можно или легко передвигать съ мѣста на мѣсто, или укрывать въ маленькихъ пространствахъ, а также вещи, подобныя которымъ въ большомъ числѣ находились у похитителя. [Человѣкъ часто наноситъ другимъ такого рода оскорбленія] о которыхъ потерпѣвшія лица стыдятся говорить, таково, напримѣръ, безчестье, наносимое нашимъ женамъ, или намъ самимъ, или нашимъ сыновьямъ. [Часто также мы совершаемъ проступки] преслѣдованіе которыхъ путемъ суда могло бы показаться простою страстью къ сутяжничеству со стороны лица,

---

[1]) Игра въ коттабіи, сицилійскаго происхожденія, была распространена среди грековъ; она заключалась въ томъ, что въ маленькіе сосуды, помѣщенные на поверхности воды, съ извѣстной высоты капали вино, при чемъ старались дѣлать это съ такой силой, чтобы сосуды повсѣмъ погрузились въ воду. Побѣдитель въ этой игрѣ получалъ призъ—сосуды, употреблявшіеся при этой игрѣ. Энесидемъ, тираннъ Леонтинскій, хотѣлъ подчинить себѣ одинъ сосѣдній городъ, но его предупредилъ Гелонъ, царь Сиракузскій; тогда Энесидемъ послалъ Гелону призъ, какой давался побѣдителю въ игрѣ въ коттабіи, какъ бы признавая себя побѣжденнымъ его бдительностью.

[2]) Язонъ, тираннъ города Феръ въ Ѳессаліи (IV в. до Р. Х.).

начинающаго процессъ. Сюда относятся проступки маловажные и легко извиняемые.

ГЛАВА XIII.

Двоякій способъ опредѣленія справедливости и несправедливости.—Законъ частный и законъ общій.—Двѣ категоріи несправедливыхъ поступковъ.— Два рода не писанныхъ законовъ. — Понятіе правды.

Вотъ приблизительно всѣ соображенія, которыя можно представить относительно настроенія тѣхъ людей, которые поступаютъ несправедливо, относительно тѣхъ лицъ и вещей [противъ которыхъ направляются несправедливости] и относительно причинъ [по которымъ онѣ совершаются]. Прежде всего разберемъ всякаго рода поступки, согласные и несогласные съ справедливостью.

Понятіе справедливости и несправедливости опредѣляется двоякимъ образомъ: согласно двумъ категоріямъ законовъ и согласно людямъ, которыхъ они касаются. Я утверждаю, что существуетъ законъ частный и законъ общій [1]); частнымъ я называю тотъ законъ, который установленъ каждымъ народомъ для самого себя; этотъ законъ бываетъ и писанный, и не писанный. Общимъ закономъ я называю законъ естественный. Есть нѣчто справедливое и несправедливое по природѣ, общее для всѣхъ, признаваемое таковымъ всѣми народами, если даже между ними нѣтъ никакой связи и никакого соглашенія относительно этого. Такого рода справедливое имѣетъ, повидимому, въ виду Антигона, утверждая, что вполнѣ согласно съ справедливостью похоронить, вопреки запрещенію, трупъ Полиника, такъ какъ это относится къ области естественной справедливости, которая возникла

> Не сегодня и не вчера; она вѣчно живетъ и никто не
> можетъ сказать, откуда она явилась [2]).

На такомъ же основаніи Эмпедоклъ [3]) запрещаетъ умерщвлять всякое живое существо; такого рода поступокъ не можетъ казаться справедливымъ въ глазахъ однихъ и несправедливымъ въ глазахъ

---

[1]) Это было уже указано въ X главѣ.

[2]) Soph. Ant. 456.

[3]) Emped. Fragm. 437.

другихъ; но этотъ законъ, обязательный для всѣхъ людей, имѣетъ силу на пространствѣ всего широкаго эѳира и неизмѣримой земли [1]).

То же говоритъ и Алкидамантъ [2]) въ своей Мессенской рѣчи [3]).

По отношенію къ лицамъ, противъ которыхъ [совершаются преступленія], [преступленія] опредѣляются двояко: то, что нужно дѣлать и чего не нужно дѣлать, можетъ касаться или всего общества, или одного изъ его членовъ; сообразно съ этимъ и поступки, согласные съ справедливостью и противные ей, могутъ быть двухъ родовъ: они могутъ касаться или одного опредѣленнаго лица, или цѣлаго общества; такъ человѣкъ, совершающій прелюбодѣяніе и наносящій побои, поступаетъ несправедливо по отношенію къ одному опредѣленному лицу, а человѣкъ, уклоняющійся отъ отбыванія воинской повинности, поступаетъ несправедливо по отношенію ко всему обществу.

Подраздѣливъ такимъ образомъ всѣ несправедливые поступки на поступки, касающіеся общества въ его цѣломъ, и поступки, касающіеся одного или нѣсколькихъ членовъ общества, возвратимся къ вопросу, что̀ значитъ быть объектомъ несправедливости. Быть объектомъ несправедливости значитъ терпѣть несправедливость со стороны лица, совершающаго ее произвольно, такъ какъ мы раньше [4]) опредѣлили совершеніе несправедливости, какъ нѣчто произвольное; такъ какъ объектъ несправедливаго дѣйствія необходимо терпитъ обиду, и при томъ терпитъ ее противъ своего желанія, а понятіе обиды ясно изъ сказаннаго выше (ибо мы выше опредѣлили понятіе добра и зла самого по себѣ), а также и понятіе произвольнаго (мы сказали, что произвольно все то, что человѣкъ совершаетъ, сознавая, что̀ онъ дѣлаетъ).

Такимъ образомъ, всѣ поступки необходимо относятся или ко всему обществу, или къ отдѣльному члену его, и совершаются человѣкомъ или при полномъ невѣдѣніи и противъ желанія, или добровольно и вполнѣ сознательно, и изъ этихъ послѣднихъ поступ-

---

[1]) Пиѳагоръ, а за нимъ Эмпедоклъ запрещали употреблять въ пищу мясо животныхъ, на томъ основаніи, что природа животныхъ такова же, какъ наша.

[2]) Алкидамантъ изъ Элеи, современникъ Исократа, учитель краснорѣчія.

[3]) Эта рѣчь не дошла до насъ, но греческій схоліастъ приводитъ изъ нея фразу, на которую здѣсь намекаетъ Аристотель: ἐλευθέρους ἀφῆκε πάντας ὁ θεός, δοῦλον δ'οὐδένα ἡ φύσις πεποίηκε.

[4]) Въ X главѣ.

ковъ одни совершаются преднамѣренно, другіе же подъ вліяніемъ аффекта.

О гнѣвѣ мы будемъ говорить въ трактатѣ о страстяхъ [1]), а о томъ, чтò люди дѣлаютъ преднамѣренно и въ какомъ состояніи они такъ поступаютъ, объ этомъ мы сказали раньше [2]).

Такъ какъ часто люди, признаваясь въ совершеніи извѣстнаго поступка, не признаютъ извѣстной квалификаціи поступка или того, чего касается эта квалификація,—напримѣръ, человѣкъ утверждаетъ, что онъ что-нибудь взялъ, но не укралъ, или что онъ первый ударилъ, но не нанесъ оскорбленія, что онъ съ кѣмъ нибудь былъ въ связи, но не совершалъ прелюбодѣянія, что онъ совершилъ кражу, но не святотатство, потому что похищенное не принадлежало Богу, что онъ запахалъ чужое, но не общественное поле, что онъ находился въ сношеніяхъ съ врагами, но не совершилъ измѣны,—имѣя въ виду подобные случаи, слѣдуетъ также опредѣлить, чтò такое кража, оскорбленіе, прелюбодѣяніе, для того чтобы быть въ состояніи выяснить истину, хотимъ ли мы доказать, что что-нибудь было, или что чего-нибудь не было.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вопросъ идетъ о томъ, было ли извѣстное дѣйствіе несправедливо и дурно, или нѣтъ: вѣдь въ намѣреніи заключается негодность и несправедливость человѣка, а такія выраженія, какъ оскорбленіе и воровство, указываютъ на преднамѣренность: не всегда вѣдь человѣкъ, нанесшій ударъ другому человѣку, причинилъ ему этимъ оскорбленіе, но лишь въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлалъ это съ какою-нибудь цѣлью, напримѣръ, съ цѣлью обезчестить его или доставить самому себѣ удовольствіе, и не всегда человѣкъ, тайно взявшій что-нибудь, совершилъ воровство, но лишь въ томъ случаѣ, когда онъ сдѣлалъ это, желая причинить ущербъ другому и присвоить себѣ взятую вещь.

Относительно другихъ случаевъ можно сказать то же самое, что и относительно случаевъ, разсмотрѣнныхъ нами.

Такъ какъ есть два вида справедливаго и несправедливаго и такъ какъ мы уже сказали о томъ, о чемъ трактуютъ законы [писанные], то намъ остается сказать о законахъ не писанныхъ. Они бываютъ двухъ родовъ: одни изъ нихъ имѣютъ въ виду крайнія проявленія добродѣтели и порока, съ которыми связаны порицанія и

---

[1]) II кн., гл. I и слѣд.

[2]) Въ X главѣ.

похвалы, бесчестіе и почести, изъявленіе общаго уваженія; сюда относится, напримѣръ, признательность по отношенію къ благодѣтелямъ, воздаяніе добромъ за добро, помощь друзьямъ и т. п. Другіе же изъ не писанныхъ законовъ восполняютъ недостатки частнаго писаннаго закона, такъ какъ правда, относясь, повидимому, къ области справедливаго, есть то, что справедливо вопреки писанному закону.

Подобные недостатки писаннаго закона допускаются законодателями иногда добровольно, а иногда и противъ воли; противъ воли, когда [недостатки закона] ускользаютъ отъ ихъ вниманія, добровольно, — когда они не могутъ дать никакого предписанія относительно даннаго случая, потому что ихъ опредѣленія должны отличаться характеромъ всеобщности, а данный случай касается не того, что бываетъ всегда, но того, что случается по бóльшей части. То же можно сказать о случаяхъ, относительно которыхъ трудно давать какія-нибудь указанія вслѣдствіе ихъ безпредѣльности, такъ, напримѣръ, запрещая наносить раны желѣзомъ, трудно опредѣлить, какой длины и какое именно желѣзо имѣетъ въ виду это запрещеніе: жизни человѣческой не хватило бы для этого перечисленія.

Когда, такимъ образомъ, нельзя дать точнаго опредѣленія, а между тѣмъ необходимо издать законодательное постановленіе, въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ употреблять общія выраженія. Отсюда слѣдуетъ, что если кто-нибудь, имѣя на рукѣ желѣзное кольцо, подниметъ на другаго человѣка руку или нанесетъ ему ударъ, то, согласно писанному закону, онъ виновенъ, поступаетъ несправедливо, а на самомъ дѣлѣ онъ не совершаетъ несправедливости, — и это-то и есть правда.

Если данное нами понятіе есть понятіе правды, то отсюда очевидно, что̀ соотвѣтствуетъ правдѣ и что̀ ей не соотвѣтствуетъ, и какіе люди не соотвѣтствуютъ понятію правды (οὐκ ἐπιεικεῖς). Все то, что должно заслуживать снисхожденія, подходитъ подъ понятіе правды. Кромѣ того, правда требуетъ не одинаковой оцѣнки по отношенію къ ошибкамъ, несправедливымъ поступкамъ и несчастьямъ. Къ числу несчастій относится все то, что случается безъ умысла и безъ всякаго злаго намѣренія, къ числу заблужденій—все то, что случается не безъ умысла, но не вслѣдствіе порочности; къ числу несправедливыхъ поступковъ—все то, что случается не безъ умысла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе порочности, потому что вѣдь и все, что дѣлается подъ вліяніемъ страсти, предполагаетъ порочность.

Правда заключается и въ томъ, чтобы прощать человѣче-

скія слабости,—въ томъ еще, чтобы имѣть въ виду не законъ, а законодателя, не букву закона, а мысль законодателя, не самый поступокъ, а намѣреніе человѣка, [его совершившаго], не часть, а цѣлое,—въ томъ, чтобы обращать вниманіе не на то, какимъ выказалъ себя человѣкъ въ данномъ случаѣ, но — каковъ онъ былъ всегда или по бо́льшей части. Правда заключается еще и въ томъ, чтобы болѣе помнить полученное добро, чѣмъ испытанное зло, и добро, нами полученное, помнить болѣе, чѣмъ добро, нами самими сдѣланное, въ томъ, чтобы терпѣливо переносить дѣлаемыя намъ несправедливости и предпочитать судиться словомъ, а не дѣломъ, въ томъ, наконецъ, чтобы охотнѣе обращаться къ суду посредниковъ, чѣмъ къ суду публичному, потому что посредникъ заботится о правдѣ, а судья о законѣ; для того и изобрѣтенъ судъ посредниковъ, чтобы могла торжествовать правда.

ГЛАВА XIV.

Различныя мѣрила несправедливаго поступка.—Отягощающія обстоятельства.—Нарушеніе закона не писаннаго и писаннаго.

Пусть такимъ образомъ будетъ изложено ученіе о правдѣ.

Всякое несправедливое дѣйствіе представляется тѣмъ болѣе несправедливымъ, чѣмъ больше нравственная испорченность, отъ которой оно происходитъ; поэтому-то [иногда] самые ничтожные поступки могутъ считаться величайшими преступленіями, такъ, напримѣръ, Каллистратъ [1]) обвинялъ Меланопа въ томъ, что онъ обсчиталъ работниковъ, строившихъ храмъ, на три священные полобола. Въ области справедливости [мы замѣчаемъ явленія] противоположныя. Такая оцѣнка поступка вытекаетъ изъ его виртуальнаго смысла, а именно: человѣкъ, похитившій три священныхъ полобола, можетъ считаться способнымъ на всякаго рода преступленія.

Иногда сравнительная важность поступка опредѣляется такимъ образомъ, а иногда о поступкѣ судятъ по тому вреду, который онъ приноситъ. Величайшимъ считается и [то преступленіе], для котораго нѣтъ равносильнаго наказанія: каждое наказаніе кажется ничтожнымъ передъ нимъ,—и то [преступленіе] отъ котораго нѣтъ исцѣленія, потому что трудно и даже не возможно вознаградить за него,—и то, за которое потерпѣвшій не можетъ получить удовлетво-

[1]) Извѣстный ораторъ; объ этомъ обвиненіи см. у Плутарха біографію Демосѳена.

ренія, потому что причиненное ему зло неисцѣлимо; судъ же и наказаніе есть нѣкотораго рода исцѣленіе (ἴασις).

И еще бо́льшаго наказанія заслуживаетъ человѣкъ, совершившій несправедливость, въ томъ случаѣ, если лицо пострадавшее и обиженное само на себя наложитъ тяжелое наказаніе; такъ Софоклъ [1]), произнося рѣчь въ защиту Эвктемона, который наложилъ на себя руки вслѣдствіе полученнаго оскорбленія, сказалъ, что онъ не удовольствуется требованіемъ меньшаго наказанія, чѣмъ то, которое счелъ для себя достойнымъ пострадавшій.

[Иногда важность поступка оцѣнивается въ связи съ тѣмъ соображеніемъ], что никто другой, или никто раньше не совершалъ такого преступленія, или что лишь не многіе рѣшались на такое дѣло, а также—что онъ много разъ совершалъ одно и то же преступленіе. И если для предупрежденія и наказанія какого-нибудь проступка приходится изыскивать и изобрѣтать новыя средства — [это также важно]; такъ, напримѣръ, въ Аргосѣ наказуется тотъ человѣкъ, изъ-за котораго построена новая тюрьма. Затѣмъ несправедливое дѣйствіе имѣетъ тѣмъ болѣе важности, чѣмъ бо́льшимъ звѣрствомъ оно отличается; болѣе тяжко оно также въ томъ случаѣ, когда совершается болѣе обдуманно, или когда разказъ о немъ возбуждаетъ въ слушателяхъ скорѣе страхъ, чѣмъ состраданіе.

Соображенія, которыми пользуется риторика, давая оцѣнку какого-нибудь поступка, заключаются и въ томъ, что такой-то человѣкъ нарушилъ или преступилъ многое, напримѣръ, клятву, договоръ, поруку, право заключать брачные союзы, потому что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совокупностью многихъ несправедливыхъ дѣяній.

[Усиливаетъ вину еще и то обстоятельство], если несправедливый поступокъ совершается въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ налагается наказаніе на лицъ, поступающихъ неправедно; такъ дѣлаютъ, напримѣръ, лжесвидѣтели, потому что гдѣ же они могутъ воздержаться отъ несправедливаго поступка, если они рѣшаются на него въ самомъ судилищѣ? [Важны также тѣ проступки], которыхъ люди особенно стыдятся, а также [важно], если человѣкъ поступаетъ дурно со своимъ благодѣтелемъ: здѣсь его вина дѣлается значительнѣе оттого, что онъ, вопервыхъ, дѣлаетъ зло, и, вовторыхъ, не дѣлаетъ добра.

---

[1]) Ораторъ, жившій въ концѣ Пелопоннесской войны; Аристотель упоминаетъ о немъ и дальше (гл. III).

[Большую важность получаетъ поступокъ], нарушающій не писанные законы, потому что человѣкъ, обладающій лучшими нравственными качествами, бываетъ справедливъ и безъ принужденія, а писанная правда имѣетъ характеръ принужденія, чуждый не писанной. Съ другой стороны [вину человѣка можетъ увеличивать именно то обстоятельство], что его поступокъ идетъ въ разрѣзъ съ законами писанными, потому что человѣкъ, нарушившій законы, угрожающіе наказаніемъ, можетъ нарушить и законы, не требующіе наказанія.

Такимъ образомъ, мы сказали о томъ, что увеличиваетъ и смягчаетъ преступленіе.

ГЛАВА XV.

Пять родовъ нетехническихъ доказательствъ: законъ, свидѣтели, договоры, пытка, клятвы.—Какъ ими нужно пользоваться?

Теперь, послѣ изложеннаго нами выше, по порядку слѣдуетъ сдѣлать краткій обзоръ доказательствъ, которыя называются нетехническими; они относятся спеціально къ области рѣчей судебныхъ. Такихъ доказательствъ числомъ пять: законы, свидѣтели, договоры, показанія подъ пыткой, клятвы.

Прежде всего скажемъ о законахъ — какъ слѣдуетъ пользоваться ими, обвиняя или защищаясь. Очевидно, что когда писанный законъ не соотвѣтствуетъ положенію дѣла, слѣдуетъ пользоваться общимъ закономъ, какъ болѣе согласнымъ съ правдою и болѣе справедливымъ [съ тѣмъ соображеніемъ], что „судить по своему лучшему разумѣнію“ значитъ не пользоваться исключительно писанными законами и что правда существуетъ вѣчно и никогда не измѣняется, такъ же какъ и общій законъ, потому что и правда, и общій законъ сообразны съ природой, а писанные законы измѣняются часто.

Поэтому-то въ Софокловой „Антигонѣ“ мы и находимъ эти извѣстныя изреченія: Антигона оправдывается какъ тѣмъ, что предала землѣ тѣло своего брата вопреки постановленію Креонта, но не вопреки не писанному закону:

Эти законы изобрѣтены не вчера или сегодня, но существуютъ вѣчно;
Я не могу пренебречь ими ради кого бы то ни было,—

такъ и тѣмъ, что справедливо то, что истинно и полезно, а не то, что только кажется таковымъ, такъ что писанный законъ не есть истинный законъ, потому что онъ не выполняетъ обязанности закона,—

и тѣмъ, что судья есть какъ бы пробирщикъ, который долженъ различать поддѣльную справедливость и справедливость настоящую,—и что человѣку болѣе высокихъ нравственныхъ качествъ свойственно руководиться законами не писанными преимущественно передъ законами писанными.

При этомъ нужно смотрѣть, не противорѣчитъ ли данный законъ какому-нибудь другому славному закону, или самому себѣ, какъ, напримѣръ, иногда одинъ законъ объявляетъ дѣйствительными постановленія, какія бы они ни были, а другой запрещаетъ издавать постановленія, противорѣчащія закону. Если законъ отличается двусмысленнымъ характеромъ, такъ что можно толковать его и пользоваться имъ въ ту или другую сторону, въ такомъ случаѣ нужно опредѣлить, какое толкованіе его будетъ болѣе согласно съ видами справедливости или пользы, и потомъ уже пользоваться имъ. И если обстоятельства, ради которыхъ былъ постановленъ законъ, уже не существуютъ, а законъ тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою силу, въ такомъ случаѣ нужно постараться выяснить [это] и такимъ путемъ бороться съ закономъ.

Если же писанный законъ соотвѣтствуетъ положенію дѣла, то слѣдуетъ говорить, что клятва „судить по своему лучшему разумѣнію“ дается не для того, чтобы судить противъ закона, но для того, чтобы судья не оказался клятвопреступникомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не знаетъ, что̀ говоритъ законъ.

[Можно еще прибавить], что всякій ищетъ не блага самого по себѣ, а того, что для него представляется благомъ, и что все равно—не имѣть законовъ или не пользоваться ими, и что въ остальныхъ искусствахъ, напримѣръ, въ медицинѣ, нѣтъ никакой выгоды обманывать врача, потому что не столько бываетъ вредна ошибка врача, какъ привычка не повиноваться власти, и что, наконецъ, стремленіе быть мудрѣе законовъ есть именно то, что воспрещается наиболѣе прославленными законами.

Такимъ образомъ, мы разсмотрѣли вопросъ о законахъ.

Что касается свидѣтелей, то они бываютъ двоякаго рода: древніе и новые, а эти послѣдніе раздѣляются еще на тѣхъ, которые сами рискуютъ такъ или иначе въ случаѣ дачи ложнаго показанія, и на тѣхъ, которые не подвергаются при этомъ риску. Подъ древними свидѣтелями я разумѣю поэтовъ и другихъ славныхъ мужей, приговоры которыхъ пользуются всеобщей извѣстностью.

Такъ, напримѣръ, аѳиняне все пользовались свидѣтельствомъ

Гомера относительно Саламина [1]) и тенедосцы недавно обращались къ свидѣтельству коринѳянина Періандра [2]) противъ жителей Сигея. Точно также и Клеофонтъ [3]) все пользовался противъ Критія элегіями Солона, говоря, что домъ его давно уже отличался безчинствомъ, такъ какъ иначе Солонъ никогда не сочинилъ бы стиха:

Скажи краснокудрому Критію, чтобы онъ слушался своего отца [4]).

Таковы свидѣтели относительно событій свершившихся.

Относительно же событій грядущихъ свидѣтелями служатъ люди, изъясняющіе прорицанія, какъ, напримѣръ, Ѳемистоклъ говорилъ, что деревянная стѣна означаетъ, что должно сражаться на корабляхъ [5]). Кромѣ того и пословицы, какъ мы говорили, служатъ свидѣтельствами, напримѣръ, для человѣка, который совѣтуетъ не дружиться со старикомъ, свидѣтельствомъ служитъ пословица: „никогда не одолжай старика", а для того, кто совѣтуетъ умерщвлять сыновей тѣхъ отцевъ, которые убиты,—пословица:

Не разуменъ тотъ, кто, умертвивъ отца, оставляетъ въ живыхъ сыновей [6]).

Новые свидѣтели — тѣ люди, которые, будучи лицами всѣмъ извѣстными, выразили свое мнѣніе [по поводу какого-нибудь вопроса]; ихъ мнѣніе приноситъ пользу людямъ, которые находятся въ недоумѣніи относительно этихъ же самыхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, Эвбулъ [7]) на судѣ воспользовался противъ Харита [8]) словами Пла-

---

[1]) Аѳиняне въ спорѣ съ жителями Мегары о своихъ правахъ на Саламинъ опирались на стихи Гомера (Il., II, 557—558):

Мощный Аяксъ Теламонидъ двѣнадцать судовъ Саламинскихъ
Вывелъ и съ оными сталъ, гдѣ стояли аѳинянъ фаланги,—

утверждая на основаніи ихъ, что уже во время троянской войны Саламинъ былъ въ зависимости отъ Аѳинъ. По увѣренію Діогена Лаэртскаго, стихъ этотъ былъ прибавленъ Солономъ.

[2]) Періандръ, одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ, написалъ поэму Ὑποθῆκαι (наставленія), заключавшую въ себѣ 2000 стиховъ. Не извѣстно, на какой фактъ намекаетъ здѣсь Аристотель.

[3]) Клеофонтъ былъ осужденъ на смерть ареопагомъ.

[4]) Критій, ученикъ Сократа, одинъ изъ 30 тиранновъ.

[5]) См. Геродота кн. VII, гл. 141.

[6]) Этотъ стихъ принадлежитъ поэту Стасину. По словамъ Геродота, подобныя слова сказалъ Киръ Крезу, узнавъ о пораженіи лидійцевъ (Геродотъ, I кн., гл. 155).

[7]) Эвбулъ изъ Анафлиста, довольно извѣстный ораторъ, соперникъ и противникъ Демосѳена.

[8]) Харитъ, посредственный полководецъ, современникъ Аристотеля.

тона [1]), сказавшаго объ Архивіѣ [2]), что [благодаря ему] въ государствѣ развился явный развратъ. Къ числу новыхъ свидѣтелей принадлежатъ люди, которые рискуютъ подвергнуться опасности въ случаѣ уличенія ихъ во лжи. Такіе люди служатъ свидѣтелями только при рѣшеніи вопроса, имѣло ли мѣсто это событіе, или нѣтъ, существуетъ данный фактъ или нѣтъ, но при опредѣленіи свойствъ факта они свидѣтелями быть не могутъ, напримѣръ, при рѣшеніи вопроса о справедливости или несправедливости, полезности или безполезности какого-нибудь поступка. Въ подобныхъ случаяхъ свидѣтели, не причастные дѣлу, заслуживаютъ наибольшаго довѣрія; самыми вѣрными свидѣтелями являются свидѣтели древніе, потому что они неподкупны.

Для человѣка, не имѣющаго свидѣтелей, мѣсто доказательствъ должно занять правило, что судить слѣдуетъ на основаніи правдоподобія, что это и значитъ „судить по своему лучшему разумѣнію“, что не возможно придать вѣроятностямъ ложный смыслъ изъ-за денегъ и что вѣроятности не могутъ быть ложно свидѣтельствованы. А человѣкъ, имѣющій за себя свидѣтелей, можетъ въ свою очередь, сказать человѣку, не имѣющему ихъ, что вѣроятности не подлежатъ отвѣтственности, что не было бы никакой нужды въ свидѣтельствахъ, еслибы достаточно было разсмотрѣть дѣло на основаніи однихъ словъ.

Что касается свидѣтельствъ, то они могутъ относиться частью къ самому оратору, частью къ его противнику, могутъ касаться частью самого факта, частью характера [противниковъ]; очевидно, такимъ образомъ, что никогда не можетъ быть недостатка въ полезномъ свидѣтельствѣ, которое, если и не будетъ имѣть прямаго отношенія къ дѣлу, въ благопріятномъ смыслѣ для оратора или не благопріятномъ для его противниковъ, во всякомъ случаѣ послужитъ для характеристики нравственной личности или самого тяжущагося— со стороны честности, или его противника — со стороны негодности.

Остальныя соображенія относительно свидѣтеля, который можетъ относиться къ тяжущемуся или дружественно, или враждебно, или безразлично, можетъ пользоваться хорошею или дурною репутаціей, или не пользоваться ни тою, ни другою,—всѣ эти соображенія, и другія подобныя имъ различія, нужно дѣлать на основаніи тѣхъ самыхъ общихъ положеній, изъ которыхъ мы получаемъ и энтимемы.

Что касается договоровъ, то о нихъ оратору полезно говорить

---

[1]) Платонъ—комическій поэтъ, а не философъ.

[2]) Это имя различно читается въ разныхъ рукописяхъ.

лишь по стольку, по скольку онъ можетъ представить ихъ значеніе бо́льшимъ или меньшимъ, показать ихъ заслуживающими вѣры или нѣтъ. Если договоры говорятъ въ пользу оратора, слѣдуетъ выставлять ихъ надежными и имѣющими законную силу; если же они говорятъ въ пользу противника, [слѣдуетъ доказывать] противоположное.

Доказательства надежности или ненадежности договора ничѣмъ не отличаются отъ разсужденія о свидѣтеляхъ, потому что договоры получаютъ характеръ надежности въ зависимости отъ того, каковы лица, подписавшія ихъ или хранящія ихъ. Разъ существованіе договора признано, слѣдуетъ преувеличивать его значеніе, если онъ для насъ благопріятенъ: вѣдь договоръ есть частный и частичный законъ, и не договоры придаютъ силу закону, а законы даютъ силу тѣмъ договорамъ, которые согласны съ закономъ, и вообще самый законъ есть нѣкотораго рода договоръ, такъ что кто не довѣряетъ договору или упраздняетъ его, тотъ нарушаетъ и законъ. Къ тому же бо́льшая часть добровольныхъ сношеній между людьми покоится на договорномъ началѣ, такъ что съ уничтоженіемъ силы договора уничтожается и самая возможность сношеній людей между собой.

Легко видѣть, какія другія соображенія пригодны въ этомъ случаѣ.

Если же законъ не благопріятенъ для насъ и благопріятенъ для нашихъ противниковъ, въ этомъ случаѣ пригодны прежде всего тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать по поводу не благопріятнаго для насъ закона, а именно, что безсмысленно считать для себя обязательнымъ договоръ, если мы не считаемъ себя обязанными повиноваться самимъ законамъ, разъ они не правильно постановлены и разъ законодатели впали въ заблужденіе, что, кромѣ того, судья рѣшаетъ, что̀ справедливо, поэтому для него долженъ быть важенъ не договоръ, а то, что болѣе соотвѣтствуетъ справедливости, что справедливое нельзя исказить ни съ помощью обмана, ни путемъ принужденія, потому что оно вытекаетъ изъ самой природы вещей, между тѣмъ какъ договоры часто возникаютъ на основаніи обмана и принужденія.

Затѣмъ нужно посмотрѣть, не противорѣчитъ ли данный договоръ какому-нибудь писанному или общему закону, и изъ писанныхъ законовъ какому-нибудь туземному или иноземному закону, кромѣ того, не противорѣчитъ ли онъ какимъ-нибудь другимъ договорамъ, болѣе раннимъ или болѣе позднимъ. [Въ такомъ случаѣ можно утверждать], или—что сила на сторонѣ болѣе позднихъ договоровъ

или—что правильны болѣе ранніе договоры, а что болѣе поздніе не правильны,—смотря по тому, какъ будетъ полезнѣе. Кромѣ того, слѣдуетъ обсуждать договоръ съ точки зрѣнія пользы: не противенъ ли онъ [пользамъ] судей. Много другихъ подобныхъ возраженій можно сдѣлать, ихъ легко вывести изъ сказаннаго.

Пытка является нѣкотораго рода свидѣтельствомъ; она кажется чѣмъ-то убѣдительнымъ, потому что заключаетъ въ себѣ нѣкоторую необходимость. Не трудно и въ отношеніи къ ней привести всѣ возможныя соображенія: если пытка можетъ быть для насъ выгодна, слѣдуетъ преувеличивать ея значеніе, утверждая, что изъ всѣхъ видовъ свидѣтельствъ одна она можетъ считаться истинной. Если же пытка не выгодна для насъ и выгодна для нашего противника, въ такомъ случаѣ можно оспаривать истинность такого рода свидѣтельствъ путемъ разсужденія о характерѣ пытокъ вообще,—что во время пытки подъ вліяніемъ принужденія ложь говорится такъ же легко, какъ и правда, при чемъ одни болѣе выносливые, упорно утаиваютъ истину, а другіе легко говорятъ ложь, чтобы поскорѣй избавиться отъ пытки. При этомъ нужно имѣть наготовѣ подобные дѣйствительно бывшіе примѣры, извѣстные судьямъ. Слѣдуетъ говорить, что пытка не можетъ способствовать обнаруженію истины, потому что многіе тупые и крѣпкіе люди, будучи сильны духомъ, мужественно выносятъ пытку, а люди трусливые и робкіе, еще не видя пытки, пугаются ея, такъ что пытка не заключаетъ въ себѣ ничего надежнаго.

Что касается клятвъ, то здѣсь слѣдуетъ различать слѣдующіе четыре случая: или одна сторона требуетъ клятвы отъ другой и, въ то же время, принимаетъ также требованіе отъ другой стороны; или нѣтъ ни того, ни другаго; или есть что-нибудь одно и нѣтъ другаго, то-есть, или требуютъ клятвы, не принимая сами требованія ея, или принимаютъ требованіе, сами не требуя ея. Помимо этого можетъ быть еще случай другаго рода — если клятва была принесена раньше истцомъ или его противникомъ.

Не требуютъ принесенія клятвы подъ тѣмъ предлогомъ, что люди легко приносятъ ложныя клятвы, и что, принеся клятву, противникъ освобождается отъ своего обязательства, между тѣмъ какъ, если клятва не принесена противникомъ, истецъ можетъ расчитывать на его осужденіе, что опасности, которой подвергается истецъ въ зависимости отъ судей, онъ отдаетъ предпочтеніе, потому что судьямъ онъ довѣряетъ, противнику же нѣтъ.

Отклонять требованіе клятвы можно подъ тѣмъ предлогомъ, что она была бы произнесена въ видахъ полученія денежной выгоды, и что онъ, говорящій, принесъ бы нужную клятву, еслибы былъ дурнымъ человѣкомъ, потому что лучше быть дурнымъ ради чего-нибудь, чѣмъ безъ всякой причины, если же [зная], что принеся присягу, я получу желаемое, а не принеся, ничего не получу, все же отказываюсь принести ее, то отказъ отъ клятвы нужно объяснять моими прекрасными нравственными качествами, а не страхомъ оказаться клятвопреступникомъ.

Въ этомъ случаѣ пригодно изреченіе Ксенофана, что когда человѣкъ безбожный дѣлаетъ вызовъ человѣку благочестивому, стороны представляются не равными; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ же случаемъ, какъ еслибы человѣкъ сильный вызывалъ слабаго человѣка на бой или [лучше сказать] на побіеніе.

Если мы принимаемъ требованіе клятвы отъ нашего противника, мы можемъ мотивировать это тѣмъ, что мы довѣряемъ себѣ, а къ своему противнику никакого довѣрія не чувствуемъ. Здѣсь снова можно привести изреченіе Ксенофана, измѣнивъ его въ томъ смыслѣ, что положеніе уравнивается, если нечестивый человѣкъ требуетъ клятвы, а человѣкъ благочестивый принесетъ ее, что странно отказаться отъ принесенія клятвы въ дѣлѣ, въ которомъ отъ самихъ судей требуешь клятвы.

Если же мы требуемъ клятвы отъ противника, то для объясненія этого можно сказать, что желаніе ввѣрить свое дѣло Богу— желаніе благочестивое, что мы не имѣемъ никакой нужды желать другихъ судей, потому что рѣшеніе дѣла предоставляется самому противнику и что безсмысленно не желать приносить клятву тамъ, гдѣ отъ другихъ требуешь клятвы.

Разъ выяснено, что̀ нужно говорить относительно каждаго изъ вышеуказанныхъ случаевъ, ясно также, что̀ нужно говорить при сочетаніи двухъ случаевъ въ одинъ, напримѣръ, если человѣкъ желаетъ принять клятву, а самъ приносить ее не желаетъ, или если онъ приноситъ ее, но не желаетъ принять ее отъ противника, или если онъ желаетъ и принести, и принять ее, или если не желаетъ ни того, ни другаго. Эти случаи получатся отъ сочетанія указанныхъ случаевъ, такъ что и доводы относительно ихъ получатся отъ сочетанія доводовъ, касающихся каждаго отдѣльнаго случая.

Если человѣкъ раньше принесъ клятву, противорѣчащую клятвѣ, нынѣ приносимой, то онъ можетъ въ свое оправданіе сказать,

что это не клятвопреступничество, потому что преступленіе есть нѣ-что добровольное, что приносить ложную клятву значитъ совершить преступленіе, но что дѣйствія, совершаемыя подъ вліяніемъ насилія и обмана, не произвольны. Отсюда можно и относительно клятвопре ступленія вывести заключеніе, что суть его въ умыслѣ человѣка, а не въ томъ, что произносятъ уста.

Если же противникъ нашъ раньше принесъ клятву, противорѣчащую [нынѣ произносимой], то можно сказать, что человѣкъ, не остающійся вѣрнымъ своей клятвѣ, ниспровергаетъ все, что поэтому и судьи, лишь произнося клятву, приводятъ въ исполненіе законы. „И отъ васъ они требуютъ соблюденія тѣхъ клятвъ, принеся которыя, вы отправляете правосудіе, а сами не соблюдаютъ принесенныхъ ими клятвъ". Пользуясь амплификаціей, можно сказать и многое другое подобное.

Вотъ все, что можно сказать по поводу нетехническихъ доказательствъ.

Книга II.

ГЛАВА I.

Цѣль риторики.—Условія, придающія рѣчи характеръ убѣдительности.— Причины, возбуждающія довѣріе къ оратору.—Опредѣленіе страсти.—Три точки зрѣнія, съ которыхъ слѣдуетъ разсматривать каждую изъ страстей.

Итакъ, вотъ тѣ основанія, исходя изъ которыхъ слѣдуетъ склонять къ чему нибудь или отвращать отъ чего нибудь, хвалить и хулить, обвинять и оправдываться, и вотъ представленія и положенія, которыя способствуютъ доказательности доводовъ, потому что по поводу ихъ и съ помощью ихъ строятся энтимемы, какъ это можно сказать относительно каждаго изъ родовъ рѣчи въ частности. Такъ какъ риторика имѣетъ въ виду рѣшеніе—вѣдь и о предметахъ рѣчей совѣщательныхъ постановляютъ извѣстное рѣшеніе, и судебное дѣло есть также рѣшеніе,—въ виду этого необходимо не только заботиться о томъ, чтобы рѣчь была доказательной и возбуждающей довѣріе, но также и показать себя человѣкомъ извѣстнаго склада и настроить извѣстнымъ образомъ судью, потому что для убѣдительности рѣчи весьма важно (особенно въ рѣчахъ совѣщательныхъ, а затѣмъ и въ судебныхъ), чтобы ораторъ показался человѣкомъ извѣстнаго склада и чтобы [слушатели] поняли, что онъ къ нимъ относится извѣстнымъ образомъ, а также, чтобы и они были къ нему расположены извѣстнымъ образомъ. Выказать себя человѣкомъ извѣстнаго склада бываетъ для оратора полезнѣе въ совѣщательныхъ рѣчахъ, а вызвать у слушателя извѣстное отношеніе полезнѣе въ рѣчахъ судебныхъ, потому что дѣло представляется не одинаковымъ тому, кто находится подъ вліяніемъ любви, и тому, кѣмъ руководитъ ненависть, тому, кто сер-

дится, и тому, кто кротко настроенъ, но или совершенно различнымъ или различнымъ по значенію. Когда человѣкъ съ любовью относится къ тому, надъ кѣмъ онъ творитъ судъ, ему кажется, что тотъ или совсѣмъ не виновенъ, или мало виновенъ; если же онъ его ненавидитъ, [тогда ему кажется] наоборотъ; и когда человѣкъ стремится къ чему нибудь или надѣется на что нибудь, что̀ для него должно быть пріятно, ему кажется, что это будетъ и будетъ хорошо, а человѣку равнодушному и недовольному [кажется] наоборотъ.

Есть три причины, возбуждающія довѣріе къ говорящему, потому что есть именно столько вещей, въ силу которыхъ мы вѣримъ безъ доказательствъ,—это разумъ, добродѣтель и благорасположеніе; люди ошибаются въ томъ, что говорятъ или совѣтуютъ, или по всѣмъ этимъ причинамъ въ совокупности, или по одной изъ нихъ въ отдѣльности, а именно: они или невѣрно разсуждаютъ, благодаря своему неразумію, или же, вѣрно разсуждая, они, вслѣдствіе своей нравственной негодности, говорятъ не то, что думаютъ, или, наконецъ, они разумны и честны, но не благорасположены, почему возможно не давать наилучшаго совѣта, хотя и знаешь, [въ чемъ онъ состоитъ]. Кромѣ этихъ [трехъ причинъ] нѣтъ никакихъ другихъ. Если такимъ образомъ слушателямъ кажется, что ораторъ обладаетъ всѣми этими качествами, они непремѣнно чувствуютъ къ нему довѣріе. [Чтобы увидѣть], отчего люди могутъ казаться разумными и нравственно хорошими, нужно обратиться къ трактату о добродѣтеляхъ [1]), потому что однимъ и тѣмъ же способомъ можно сдѣлать человѣкомъ извѣстнаго склада какъ себя, такъ и другаго человѣка; о благорасположеніи же и дружбѣ слѣдуетъ сказать въ трактатѣ о страстяхъ. Страсти—все то, подъ вліяніемъ чего люди измѣняютъ свои рѣшенія, съ чѣмъ сопряжено чувство удовольствія или неудовольствія, какъ напримѣръ, гнѣвъ, состраданіе, страхъ и всѣ этимъ подобныя и противоположныя имъ [чувства]. Каждую изъ нихъ слѣдуетъ разсмотрѣть съ трехъ точекъ зрѣнія, напримѣръ гнѣвъ: въ какомъ состояніи люди бываютъ сердиты, на кого они обыкновенно сердятся, за что. Еслибы мы выяснили одинъ или два изъ этихъ пунктовъ, но не всѣ, мы были бы не въ состояніи возбудить гнѣвъ; точно то же [можно сказать] и относительно другихъ [страстей]. Какъ по отношенію къ вышеизложенному мы намѣтили общіе принципы, такъ мы сдѣлаемъ и здѣсь и разсмотримъ [страсти] вышеуказаннымъ способомъ.

---

[1]) О добродѣтеляхъ см. „Риторики“ кн. I, гл. 9.

ГЛАВА II.

Опредѣленіе гнѣва.—Опредѣленіе пренебреженія; три вида его.—Состояніе, въ которомъ люди гнѣваются.—На кого и за что люди гнѣваются?—Какъ долженъ пользоваться ораторъ этой страстью для своей цѣли?

Пусть гнѣвъ будетъ опредѣленъ, какъ соединенное съ чувствомъ неудовольствія стремленіе къ тому, что представляется наказаніемъ, за то, что представляется пренебреженіемъ или къ намъ самимъ, или къ тому, что намъ принадлежитъ, когда пренебрегать бы не слѣдовало. Если таково понятіе гнѣва, то человѣкъ гнѣвающійся всегда гнѣвается непремѣнно на какого нибудь опредѣленнаго человѣка напримѣръ на Клеона, а не на человѣка [вообще], и [гнѣвается] за то, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ или намѣревался сдѣлать что нибудь самому [гнѣвающемуся] или кому нибудь изъ его близкихъ; и съ гнѣвомъ всегда бываетъ связано нѣкоторое удовольствіе, вслѣдствіе надежды наказать, такъ какъ пріятно думать, что достигнешь того, къ чему стремишься. Никто не стремится къ тому, что ему представляется невозможнымъ, и гнѣвающійся человѣкъ стремится къ тому, что для него возможно. Поэтому хорошо сказано о гнѣвѣ:

Онъ въ зарожденіи сладостнѣй тихо струящагось меда,
Скоро въ груди человѣка, какъ пламенный дымъ, возрастаетъ [1])!

Нѣкотораго рода удовольствіе получается отъ этого и, кромѣ того, [оно является еще и] потому, что человѣкъ мысленно живетъ въ мщеніи; являющееся въ этомъ случаѣ представленіе доставляетъ удовольствіе, какъ и представленія, являющіяся во снѣ.

Но пренебреженіе есть актъ разсудка по отношенію къ тому, что намъ кажется ничего не стоющимъ, ибо зло и добро и то, что съ ними соприкасается, мы считаемъ достойными вниманія, а ничего не стоющими мы считаемъ вещи, совсѣмъ [къ нимъ] не [относящіяся], или [относящіяся] очень мало. Видовъ пренебреженія три: презрѣніе, самодурство и оскорбленіе. Человѣкъ, выказывающій презрѣніе, обнаруживаетъ тѣмъ самымъ пренебреженіе, ибо люди презираютъ то, что въ ихъ глазахъ ничего не стóитъ, а вещами, ничего не стоющими, люди пренебрегаютъ. И человѣкъ, выказывающій самодурство, повидимому, обнаруживаетъ презрѣніе, потому что самодурство есть

---

[1]) Il. XVIII, 109, 110.

препятствованіе желаніямъ другаго, не для того, чтобы [доставить] что нибудь себѣ, а для того, чтобы оно не [досталось] другому; и такъ какъ [здѣсь онъ дѣйствуетъ] не [съ тою цѣлью], чтобы самому получить что нибудь, онъ выказываетъ пренебреженіе [къ своему противнику], потому что, очевидно, онъ считаетъ его неспособнымъ ни причинить ему вредъ,—такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ боялся бы его, а не пренебрегалъ бы имъ,—ни принести сколько нибудь значительную пользу,—такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ постарался бы стать его другомъ. Человѣкъ, наносящій оскорбленіе, также выказываетъ пренебреженіе, потому что оскорблять значитъ дѣлать и говорить вещи, отъ которыхъ становится стыдно тому, къ кому онѣ обращены, и при томъ [дѣлать это] не съ тою цѣлью, чтобы онъ подвергся чему нибудь, кромѣ того, что уже было, [то-есть, уже заключалось въ словахъ или дѣйствіи], но съ цѣлью получить самому отъ этого удовольствіе. Люди же, воздающіе равнымъ за равное, не оскорбляютъ, а мстятъ. Чувство удовольствія у людей, наносящихъ оскорбленіе, является потому, что они, оскорбляя другихъ, въ своемъ представленіи отъ этого еще болѣе возвышаются надъ ними. Поэтому-то люди молодые и люди богатые легко наносятъ оскорбленія: имъ представляется, что, нанося оскорбленія, они достигаютъ тѣмъ бóльшаго превосходства.

Оскорбленіе связано съ умаленіемъ чужой чести, а кто умаляетъ чужую честь, тотъ пренебрегаетъ, ибо не пользуется никакимъ почетомъ то, что ничего не стóитъ — ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ. Поэтому то Ахиллъ въ гнѣвѣ говоритъ:

...... [Агамемнонъ] меня обезчестилъ:
Подвиговъ бранныхъ награду похитилъ и властвуетъ ею [1]).

и еще:

...... [обезчестилъ меня передъ цѣлымъ народомъ Ахейскимъ
Царь Агамемнонъ], какъ будто бы былъ я скиталецъ презрѣнный [2]).

Какъ видно, именно за это онъ гнѣвается. Уваженія къ себѣ люди требуютъ отъ лицъ, уступающихъ имъ въ происхожденіи, могуществѣ, доблести и вообще во всемъ, въ чемъ одинъ человѣкъ имѣетъ большое преимущество передъ другими, напримѣръ, богатый передъ бѣднымъ въ деньгахъ, обладающій краснорѣчіемъ передъ неспособнымъ говорить, имѣющій властъ передъ подвластнымъ и считающій

---

[1]) Il. I, 356.
[2]) Il. IX, 647—8.

себя достойнымъ власти передъ достойнымъ быть подъ властью. Поэтому [поэтъ] говоритъ:

> Тягостенъ гнѣвъ царя, питомца Кроніона Зевса [1]).

а также:

> ... (царь) сокрытую злобу, доколѣ ее не исполнитъ,
> Въ сердцѣ хранитъ [2]).

Вѣдь они сердятся именно вслѣдствіе своего преимущества. Кромѣ того [человѣкъ имѣетъ притязаніе на уваженіе со стороны лицъ], отъ которыхъ онъ считаетъ себя въ правѣ ожидать услугъ; а таковы лица, которымъ оказалъ или оказываетъ услуги онъ самъ, или кто нибудь черезъ его посредство, или кто нибудь изъ его близкихъ,— или хочетъ, или хотѣлъ оказать.

Итакъ, изъ вышесказаннаго уже очевидно, въ какомъ состояніи люди гнѣваются, и на кого и за что. Они гнѣваются, когда испытываютъ чувство неудовольствія, потому что, испытывая неудовольствіе, человѣкъ стремится къ чему нибудь. И, притомъ, прямо ли кто противодѣйствуетъ въ чемъ либо, напримѣръ, жаждущему въ утоленіи жажды, или не прямо, онъ является дѣлающимъ совершенно то же [то-есть, служитъ препятствіемъ]. И если кто противодѣйствуетъ или не содѣйствуетъ человѣку, или чѣмъ нибудь другимъ надоѣдаетъ ему, когда онъ находится въ такомъ состояніи [то-есть, страдаетъ], онъ сердится на всѣхъ этихъ людей. Поэтому люди больные, голодные, ведущіе войну, влюбленные, жаждующіе, вообще люди, испытывающіе какое-нибудь желаніе и не имѣющіе возможности удовлетворить его, бываютъ гнѣвливы и раздражительны, особенно по отношенію къ людямъ, которые съ пренебреженіемъ относятся къ данному положенію, таковъ, напримѣръ, бываетъ больной по отношенію къ людямъ, [такъ относящимся] къ болѣзни, голодный по отношенію къ людямъ, такъ относящимся къ голоду, воюющій по отношенію къ людямъ, [такъ относящимся] къ войнѣ, влюбленный по отношенію къ людямъ, [такъ относящимся] къ любви, и подобнымъ же образомъ [относится онъ] и къ другимъ: каждый своимъ настоящимъ страданіемъ бываетъ подготовленъ къ гнѣву противъ каждаго человѣка. [Сердится человѣкъ] и въ томъ случаѣ, когда его постигаетъ что-нибудь противное его ожиданіямъ, ибо то, что [постигаетъ человѣка] совершенно неожиданно, способно болѣе огорчить его, точно такъ же

---

[1]) II, II, 196.
[2]) II, I, 82.

какъ человѣка радуетъ вещь, вполнѣ неожиданно случившаяся, если случилось именно то, чего онъ желалъ. Отсюда ясно, какія обстоятельства, какое время, расположеніе духа и какой возрастъ располагаютъ къ гнѣву, гдѣ и когда; и чѣмъ больше люди зависятъ отъ этихъ условій, тѣмъ легче поддаются гнѣву.

Итакъ, вотъ въ какомъ состояніи люди легко поддаются гнѣву. Сердятся они на тѣхъ, кто надъ ними насмѣхается, позоритъ ихъ и шутитъ надъ ними, потому что такіе люди выказываютъ пренебреженіе къ нимъ. [Сердятся они] также на тѣхъ, кто причиняетъ имъ вредъ поступками, носящими на себѣ признаки пренебреженія, а таковыми необходимо будутъ поступки, которые не имѣютъ характера возмездія и не приносятъ пользы людямъ, ихъ совершающимъ, потому что [такіе поступки], повидимому, совершаются ради пренебреженія. [Сердимся мы] еще на людей, дурно говорящихъ и презрительно относящихся къ вещамъ, которымъ мы придаемъ большое значеніе, какъ, напримѣръ, [сердятся] люди, гордящіеся своими занятіями философіей, если кто-нибудь такъ относится къ ихъ философіи, и люди, гордящіеся наружностью, если кто [такъ относится] къ ихъ наружности, и подобнымъ же образомъ и въ другихъ случаяхъ. И тутъ [мы сердимся] гораздо больше, если подозрѣваемъ, что [того, что въ насъ подвергается осмѣянію], въ насъ или совсѣмъ нѣтъ, или что оно есть въ незначительной степени, или же что [другимъ] кажется, что этого въ насъ нѣтъ. Если же мы считаемъ себя въ высокой степени обладающими тѣмъ, изъ-за чего надъ нами смѣются, тогда мы не обращаемъ вниманія [на насмѣшки]. И на друзей [въ такихъ случаяхъ мы сердимся] больше, чѣмъ на недруговъ, потому что считаемъ болѣе естественнымъ видѣть съ ихъ стороны добро, чѣмъ зло. [Сердимся мы] также на тѣхъ, кто обыкновенно обнаруживалъ по отношенію къ намъ уваженіе или вниманіе, если эти люди начинаютъ иначе относиться къ намъ, ибо полагаемъ, что они насъ презираютъ,—иначе они поступали бы попрежнему. [Мы сердимся] еще и на тѣхъ, кто не отплачиваетъ намъ за добро и не воздаетъ намъ равнымъ за равное, а также на тѣхъ, кто, будучи ниже насъ, дѣйствуетъ намъ наперекоръ, ибо всѣ такіе люди, повидимому, презираютъ насъ, одни—[потому что смотрятъ на насъ], какъ на людей, ниже ихъ стоящихъ. другіе—[такъ какъ считаютъ, что благодѣяніе оказано имъ людьми], ниже ихъ стоящими. И еще больше [мы сердимся], когда намъ выказываютъ пренебреженіе люди, совершенно ничтожные, потому что

гнѣвъ вызывается пренебреженіемъ со стороны лицъ, которымъ не слѣдовало бы нами пренебрегать, а людямъ, ниже насъ стоящимъ, именно не слѣдуетъ относиться къ намъ съ пренебреженіемъ. [Сердимся мы] и на друзей, если они не говорятъ хорошо о насъ или не поступаютъ подружески по отношенію къ намъ, и еще болѣе [мы сердимся], если они держатся противоположнаго образа дѣйствій и если они не замѣчаютъ, что мы въ нихъ нуждаемся, какъ напримѣръ, Плексиппъ [1]) въ трагедіи Антифонта, сердился на Мелеагра, потому что не замѣчать этого есть признакъ пренебреженія, и [нужды тѣхъ], о комъ мы заботимся, не ускользаютъ отъ нашего вниманія. [Сердимся мы] еще на тѣхъ, кто радуется нашимъ несчастьямъ или кто вообще чувствуетъ себя хорошо при нашихъ бѣдствіяхъ, потому что такое отношеніе свойственно врагу или человѣку, относящемуся къ намъ съ пренебреженіемъ. [Гнѣвъ нашъ обращается] и противъ тѣхъ лицъ, которыя, огорчая насъ, нисколько объ этомъ не заботятся; поэтому мы сердимся на тѣхъ, кто приноситъ намъ дурныя вѣсти,—а также на тѣхъ, кто спокойно слышитъ о нашихъ несчастьяхъ или созерцаетъ ихъ, потому что такіе люди тождественны съ людьми, презирающими насъ или враждебными намъ, такъ какъ друзья соболѣзнуютъ намъ и всѣ чувствуютъ печаль, взирая на свои собственныя бѣдствія. Еще [мы сердимся] на тѣхъ, кто выказываетъ намъ пренебреженіе въ присутствіи пяти родовъ лицъ: тѣхъ, съ кѣмъ мы соперничаемъ, кому мы удивляемся, для кого желаемъ быть предметомъ удивленія, кого совѣстимся и кто насъ совѣстится; если кто нибудь обнаружитъ къ намъ пренебреженіе въ присутствіи такихъ лицъ, мы сильнѣе сердимся. Еще [мы сердимся] на тѣхъ, кто обнаруживаетъ пренебреженіе къ лицамъ, которыхъ намъ стыдно не защитить, напримѣръ, къ нашимъ родителямъ, дѣтямъ, женамъ, подчиненнымъ. [Сердимся мы] и на тѣхъ, кто не благодаритъ насъ, потому что въ [этомъ случаѣ] пренебреженіе противно приличію, а также на тѣхъ, кто иронизируетъ, когда мы говоримъ серьезно, такъ какъ иронія заключаетъ въ себѣ нѣчто презрительное, и на тѣхъ, кто, благотворя другимъ, не благотворитъ намъ, потому что не удосто-

---

[1]) Плексиппъ былъ братъ Алѳеи, матери Мелеагра. Послѣдній, убивъ Калидонскаго кабана, отдалъ голову его Аталантѣ, дочери Аркадскаго царя. Это обидѣло Плексиппа и Токсея, которые стали искать повода къ ссорѣ съ племянникомъ; ссора кончилась тѣмъ, что Мелеагръ убилъ обоихъ своихъ дядей. Эта трагедія Антифонта не сохранилась. Въ концѣ 6-й гл. II кн. „Риторики“ упоминается имя этого поэта.

ивать человѣка того, чего удостоиваешь другихъ, значитъ презирать его. И забвеніе можетъ вызывать гнѣвъ, напримѣръ, забвеніе именъ, хотя это вещь незначительная. Дѣло въ томъ, что забвеніе кажется признакомъ пренебреженія: забвеніе является слѣдствіемъ нѣкотораго рода нерадѣнія, а нерадѣніе есть нѣкотораго рода пренебреженіе.

Итакъ, мы сказали о томъ, на кого люди сердятся, въ какомъ состояніи и по какимъ причинамъ. Очевидно, что обязанность [оратора] — привести слушателей въ такое состояніе, находясь въ которомъ люди сердятся, и [убѣдить ихъ], что противники причастны тому, на что [слушатели] должны сердиться, и что [эти противники] таковы, каковы бываютъ люди, на которыхъ сердятся.

ГЛАВА III.

Опредѣленіе понятія „быть милостивымъ“.—Къ кому и почему люди бываютъ милостивы?—Въ какомъ настроеніи люди бываютъ милостивы?—Какъ долженъ пользоваться ораторъ этой страстью для своей цѣли?

Такъ какъ понятіе „сердиться“ противоположно понятію „быть милостивымъ“ и гнѣвъ противоположенъ милости, то слѣдуетъ разсмотрѣть: находясь въ какомъ состояніи, люди бываютъ милостивы, по отношенію къ кому они бываютъ милостивы и вслѣдствіе чего они дѣлаются милостивыми. Опредѣлимъ понятіе „смилостивиться“, какъ прекращеніе и успокоеніе гнѣва. Если же люди гнѣваются на тѣхъ, кто ими пренебрегаетъ, а пренебреженіе есть нѣчто произвольное, то очевидно, что они бываютъ милостивы по отношенію къ тѣмъ, кто не дѣлаетъ ничего подобнаго, или дѣлаетъ это непроизвольно, или кажется таковымъ, и къ тѣмъ, кто желалъ сдѣлать противоположное тому, что сдѣлалъ, и ко всѣмъ тѣмъ, кто къ намъ относится такъ же, какъ къ самому себѣ, ибо ни о комъ не думаютъ, что онъ относится съ пренебреженіемъ къ самому себѣ, — и къ тѣмъ, кто сознается и раскаивается [въ своей винѣ]: въ этомъ случаѣ люди перестаютъ сердиться, какъ бы получивъ вознагражденіе въ видѣ сожалѣнія о сдѣланномъ. Доказательство этому [можно найдти] при наказаніи рабовъ: мы больше наказываемъ тѣхъ, кто намъ возражаетъ и отрицаетъ свою вину, а на тѣхъ, кто признаетъ себя достойнымъ наказанія, мы перестаемъ сердиться. Причина этому та, что отрицаніе очевиднаго есть безстыдство, а безстыдство есть пренебреженіе и презрѣніе, потому что мы не стыдимся тѣхъ, кого сильно прези-

раемъ. [Мы бываемъ милостивы] еще къ тѣмъ, кто принижаетъ себя по отношенію къ намъ и не противорѣчитъ намъ, ибо полагаемъ, что такіе люди признаютъ себя болѣе слабыми, [чѣмъ мы], а люди болѣе слабые испытываютъ страхъ, испытывая же страхъ, никто не склоненъ къ пренебреженію. А что гнѣвъ исчезаетъ по отношенію къ лицамъ, принижающимъ себя, это видно и на собакахъ, которыя не кусаютъ людей, когда они садятся. [Милостивы мы] и по отношенію къ тѣмъ, кто серьезно относится къ намъ, когда мы серьезны: намъ кажется, что такіе люди заботятся о насъ, а не относятся къ намъ съ презрѣніемъ, — и къ тѣмъ, кто оказалъ намъ услуги бо́льшей важности [чѣмъ ихъ вина предъ нами], и къ тѣмъ, кто упрашиваетъ и умоляетъ насъ, потому что такіе люди ниже насъ. [Милостивы мы] и къ тѣмъ, кто не относится высокомѣрно, насмѣшливо и пренебрежительно или ни къ кому, или ни къ кому изъ хорошихъ людей, или ни къ кому изъ такихъ, каковы мы сами. Вообще понятіе того, что способствуетъ милостивому настроенію слѣдуетъ выводить изъ понятія противоположнаго. Не сердимся мы и на тѣхъ, кого боимся или стыдимся, пока мы испытываемъ эти чувства, потому что невозможно въ одно и тоже время бояться и сердиться. И на тѣхъ, кто сдѣлалъ что нибудь подъ вліяніемъ гнѣва, мы или совсѣмъ не сердимся, или менѣе сердимся, потому что они, какъ представляется, поступили такъ не вслѣдствіе пренебреженія, ибо никто не чувствуетъ пренебреженія въ то время какъ сердится-пренебреженіе не заключаетъ въ себѣ огорченія, а гнѣвъ соединенъ съ нимъ. [Милостиво мы относимся] еще къ тѣмъ, кто насъ уважаетъ.

Очевидно, что тѣ, состояніе которыхъ противоположно гнѣву, милостивы, а такое [состояніе сопровождаетъ] шутку, смѣхъ, праздникъ, счастье, успѣхъ, насыщеніе, вообще безпечальное состояніе, не высокомѣрное удовольствіе и скромную надежду. [Милостивое настроеніе является] и въ тѣхъ случаяхъ, когда гнѣвъ затягивается и не имѣетъ свѣжести, потому что время утоляетъ гнѣвъ. Точно также наказаніе, наложенное раньше на какое нибудь лицо, смягчаетъ даже болѣе сильный гнѣвъ, направленный противъ какого нибудь другаго лица. Поэтому то, когда народъ гнѣвался на Филократа [1]), послѣдній на вопросъ какого то человѣка: „почему ты не оправдываешься?" благоразумно отвѣчалъ: „еще не время". — „А когда же будетъ время?" — „Когда увижу, что кто нибудь другой оклеве-

[1]) Филократъ—по имени котораго принято называть миръ 346 года.

танъ".—Потому что люди смягчаются, когда сорвутъ свой гнѣвъ на комъ нибудь другомъ, какъ это было съ Эргофиломъ [1]): хотя на него сердились больше, чѣмъ на Каллисѳена, однако оправдали его именно потому, что наканунѣ осудили на смерть Каллисѳена. [Милостивы мы] и къ тѣмъ, къ кому чувствуемъ состраданіе, а также къ тѣмъ, кто перенесъ бо́льшее бѣдствіе, чѣмъ какое мы могли бы причинить имъ подъ вліяніемъ гнѣва; въ этомъ случаѣ мы какъ бы думаемъ, что получили удовлетвореніе. [Мы бываемъ милостивы] и тогда, когда, по нашему мнѣнію, мы сами неправы и терпимъ по справедливости, потому что гнѣвъ не бываетъ направленъ противъ справедливаго, въ данномъ же случаѣ, по нашему мнѣнію, мы страдаемъ не противно справедливости, а гнѣвъ, какъ мы сказали, возбуждается именно этимъ [то-есть, противнымъ справедливости]. Въ виду этого прежде [чѣмъ наказывать дѣломъ], слѣдуетъ наказывать словомъ; въ такомъ случаѣ даже и рабы, подвергаемые наказанію, менѣе негодуютъ. [Гнѣвъ нашъ смягчается] еще и въ томъ случаѣ, когда мы думаемъ, что [наказываемый] не догадается, что онъ [терпитъ] именно отъ насъ и именно за то, что мы отъ него претерпѣли, потому что гнѣвъ бываетъ направленъ противъ какого нибудь опредѣленнаго лица, какъ это очевидно изъ опредѣленія гнѣва. Поэтому справедливо говоритъ поэтъ:

Назови Одиссея, городовъ сокрушителя... [2]).

какъ будто бы онъ не счелъ себя отмщеннымъ, если бы [его противникъ] не почувствовалъ, кѣмъ и за что [онъ наказанъ]. Такимъ образомъ мы не сердимся и на всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ этого чувствовать, и на мертвыхъ, въ виду того, что они испытали самое ужасное бѣдствіе и не почувствуютъ боли и не ощутятъ нашего гнѣва, чего именно и хотятъ гнѣвающіеся. Поэтому хорошо [сказалъ] поэтъ о Гекторѣ, желая утишить гнѣвъ Ахилла за умершаго друга:

Землю, землю нѣмую неистовый мужъ оскорбляетъ! [3])

Очевидно, что ораторы, желающіе смягчить [своихъ слушателей], должны въ своей рѣчи исходить изъ этихъ общихъ положеній; такимъ путемъ они могутъ [слушателей] привести въ нужное настроеніе, а

---

[1]) Каллисѳенъ и Эргофилъ—два аѳинскіе полководца, преданные суду по обвиненію въ измѣнѣ (362 г.).

[2]) Od. IX, 504.

[3]) Il. XXIV, 54.

тѣхъ, на кого [слушатели] гнѣваются, выставить или страшными, или достойными уваженія, или оказавшими услугу раньше, или поступившими противъ воли, или весьма сожалѣющими о своемъ поступкѣ.

ГЛАВА IV.

Опредѣленіе понятія „любить“ и понятія „другъ“.—Кого и почему люди любятъ?—Виды дружбы и отношеніе дружбы къ услугѣ.—Понятія вражды и ненависти, отношеніе ихъ къ гнѣву.—Какъ можетъ пользоваться этими понятіями ораторъ для своей цѣли?

Кого люди любятъ и кого ненавидятъ и почему, объ этомъ мы скажемъ, опредѣливъ понятіе дружбы и любви. Пусть „любить“ значитъ желать кому нибудь того, что считаешь благомъ, ради него [то-есть этого другаго человѣка], а не ради самого себя, и стараться по мѣрѣ силъ доставлять ему эти блага. Другъ—тотъ, кто любитъ и взаимно любимъ. Люди, которымъ кажется, что они такъ относятся другъ къ другу, считаютъ себя друзьями. Разъ эти положенія установлены, другомъ необходимо будетъ тотъ, кто вмѣстѣ съ нами радуется нашимъ радостямъ и горюетъ о нашихъ горестяхъ, не ради чего нибудь другаго, а ради насъ самихъ. Всѣ радуются, когда сбывается то, чего они желаютъ, и горюютъ, когда дѣло бываетъ наоборотъ, такъ что горести и радости служатъ признакомъ желанія. [Друзья] и тѣ, у кого одни и тѣ же блага и несчастья, и тѣ, кто друзья однимъ и тѣмъ же лицамъ и враги однимъ и тѣмъ же лицамъ, потому что такіе люди необходимо имѣютъ одинаковыя желанія. Итакъ желающій другому того, чего онъ желаетъ самому себѣ, кажется другомъ этого другаго человѣка.

Мы любимъ и тѣхъ, кто оказалъ благодѣяніе или намъ самимъ или тѣмъ, въ комъ мы принимаемъ участіе—если [оказалъ] большое благодѣяніе, или [сдѣлалъ это] охотно, или [поступилъ такъ] при такихъ то обстоятельствахъ и ради насъ самихъ; [любимъ] и тѣхъ, въ комъ подозрѣваемъ желаніе оказать благодѣяніе. [Любимъ мы] также друзей нашихъ друзей и тѣхъ, кто любитъ людей, любимыхъ нами, и тѣхъ, кто любимъ людьми, которыхъ мы любимъ.

[Любимъ мы] также людей, враждебно относящихся къ тѣмъ, кому мы враги, и ненавидящихъ тѣхъ, кого мы ненавидимъ, и ненавидимыхъ тѣми, кому ненавистны мы сами. Для всѣхъ такихъ людей, благомъ представляется то же, что для насъ, такъ что они желаютъ

того, что есть благо для насъ, а это, какъ мы сказали, свойство друга.

[Любимъ мы] также людей, готовыхъ оказать помощь въ отношеніи денегъ, или въ отношеніи безопасности; поэтому то такимъ уваженіемъ пользуются люди щедрые, мужественные и справедливые, а такими считаются люди, не живущіе въ зависимости отъ другихъ, каковы люди, существующіе трудами рукъ своихъ, и изъ нихъ въ особенности люди, добывающіе себѣ пропитаніе обработкой земли и другими ремеслами. [Мы любимъ] также людей скромныхъ, за то что они не несправедливы, и людей покойныхъ по той же причинѣ.

[Любимъ мы] и тѣхъ, кому желаемъ быть друзьями, если и они, какъ намъ кажется, желаютъ этого; таковы люди, отличающіеся добродѣтелью и пользующіеся хорошей славой или среди всѣхъ людей, или среди лучшихъ, или среди тѣхъ, кому мы удивляемся, или среди тѣхъ, кто намъ удивляется.

[Любимъ] мы и тѣхъ, съ кѣмъ пріятно жить и проводить время, а таковы люди обходительные, несклонные изобличать ошибки [другихъ], не любящіе спорить и ссориться, потому что всѣ люди такого сорта любятъ сражаться, а разъ люди сражаются, представляется, что у нихъ противоположныя желанія.

[Любимъ мы] и тѣхъ, кто умѣетъ пошутить и перенести шутку, потому что умѣющіе перенести шутку и прилично пошутить, и тѣ, и другіе доставляютъ одинаковое удовольствіе своему ближнему. [Мы любимъ] также людей, хвалящихъ тѣ хорошія качества, которыя въ насъ есть, особенно, если мы боимся оказаться лишенными этихъ качествъ. [Пользуются любовью] еще люди чистоплотные въ своей внѣшности, одеждѣ и во всей своей жизни, а также люди, не имѣющіе привычки попрекать насъ нашими ошибками и оказанными благодѣяніями, потому что тѣ и другіе имѣютъ видъ обличителей. [Любимъ мы] также людей не злопамятныхъ, не помнящихъ обидъ и легко идущихъ на примиреніе, ибо думаемъ, что они по отношенію къ намъ будутъ таковы же, каковы по отношенію къ другимъ—а также людей не злорѣчивыхъ и обращающихъ вниманіе не на дурныя, а на хорошія качества людей намъ близкихъ и насъ самихъ, потому что такъ поступаетъ человѣкъ хорошій. [Любимъ мы] также тѣхъ, кто намъ не противорѣчитъ, когда мы сердимся или когда заняты, потому что такіе люди склонны къ столкновеніямъ. [Любимъ мы] и тѣхъ, кто оказываетъ намъ какое нибудь вниманіе, напримѣръ, удивляется намъ, или считаетъ насъ людьми серьезными, или радуется

за насъ, особенно если они поступаютъ такъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы особенно желаемъ возбудить удивленіе, или показаться серьезными или пріятными.

[Любимъ мы] также подобныхъ намъ и тѣхъ, кто занимается тѣмъ же, [чѣмъ мы], если только эти люди не досаждаютъ [намъ и не добываютъ себѣ пропитаніе тѣмъ же, [чѣмъ мы], потому что въ послѣднемъ случаѣ „и горшечникъ негодуетъ на горшечника“ [1]). [Любимъ мы] и тѣхъ, кто желаетъ того же, чего желаемъ мы, если есть возможность обоимъ достигнуть желаемаго, если же [этой возможности] нѣтъ, и здѣсь будетъ то же. [Любимъ мы] также людей, къ которымъ относимся такъ, что не стыдимся ихъ въ вещахъ, отъ которыхъ можетъ зависѣть репутація въ свѣтѣ, если такое отношеніе не обусловлено презрѣніемъ, и тѣхъ, кого мы стыдимся въ вещахъ дѣйствительно постыдныхъ. Мы любимъ или желаемъ быть друзьями тѣхъ, съ кѣмъ соперничаемъ и для кого желаемъ быть объектомъ соревнованія, а не зависти.

[Любимъ мы] и тѣхъ, кому помогаемъ въ чемъ нибудь хорошемъ, если отъ этого не должно произойдти бо́льшее зло для насъ самихъ. [Мы любимъ] и тѣхъ, кто съ одинаковою любовью относится къ намъ въ глаза и за глаза, поэтому то всѣ любятъ тѣхъ, кто такъ относится къ мертвымъ. Вообще [мы любимъ] тѣхъ людей, которые сильно привязаны къ своимъ друзьямъ и не покидаютъ ихъ, потому что изъ хорошихъ людей наибольшей любовью пользуются именно тѣ, которые хороши въ любви.

[Любимъ мы] и тѣхъ, кто не притворяется передъ нами,—таковы, напримѣръ, тѣ люди, которые говорятъ о своихъ недостаткахъ, ибо, какъ мы сказали, передъ друзьями мы не стыдимся того, отъ чего можетъ зависѣть репутація; итакъ если человѣкъ, испытывающій [въ подобныхъ случаяхъ] стыдъ, не любитъ, то человѣкъ, не испытывающій стыда, похожъ на любящаго. [Мы любимъ] еще людей, которые не внушаютъ намъ страха и на которыхъ полагаемся, потому что никто не любитъ того, кого боится. Виды любви—товарищество, свойство, родство и т. п. Порождаетъ дружбу услуга—когда окажешь ее, не ожидая просьбы, и когда, оказавъ ее, не выставляешь ее на видъ, ибо въ такомъ случаѣ кажется, что [услуга оказана] ради самого человѣка, а не ради чего нибудь другаго.

---

[1]) Эта пословица взята изъ Ἔργα καὶ Ἡμέραι Исіода (ст. 25). гдѣ весь стихъ таковъ: Καὶ κεραμεὺς κεραμεῖ κοτέει καὶ τέκτονι τέκτων.

Что касается вражды и ненависти, то очевидно, что ихъ нужно разсматривать съ помощью понятій противоположныхъ. Вражду порождаетъ гнѣвъ, оскорбленіе, клевета. Гнѣвъ проистекаетъ изъ вещей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ намъ самимъ, а вражда можетъ возникнуть и безъ этого, потому что разъ мы считаемъ человѣка такимъ-то, мы ненавидимъ его. Гнѣвъ всегда бываетъ направленъ противъ отдѣльныхъ объектовъ, напримѣръ, противъ Калліи или Сократа, а ненависть [можетъ быть направлена] и противъ цѣлаго рода объектовъ, напримѣръ, всякій ненавидитъ вора и клеветника. Гнѣвъ врачуется временемъ, ненависть же неизлечима. Первый есть стремленіе вызвать досаду, а вторая [стремится причинить] зло, ибо человѣкъ гнѣвающійся желаетъ дать почувствовать свой гнѣвъ, а для человѣка ненавидящаго это совершенно безразлично. Все, возбуждающее огорченіе, даетъ себя чувствовать, но вовсе не даетъ себя чувствовать величайшее зло, несправедливость и безуміе, такъ какъ насъ нисколько не огорчаетъ присутствіе порока. Гнѣвъ соединенъ съ чувствомъ огорченія, а ненависть не соединена съ нимъ: человѣкъ сердящійся испытываетъ огорченіе, а человѣкъ ненавидящій не испытываетъ; первый можетъ смягчиться, если [на долю ненавидимаго] падетъ много [непріятностей], а второй [не смягчится] ни въ какомъ случаѣ, потому что первый желаетъ, чтобы тотъ, на кого онъ сердится, за что-нибудь пострадалъ, а второй желаетъ, чтобы [его врага] не было.

Изъ вышесказаннаго очевидно, что возможно какъ доказать, что такіе-то люди друзья или враги, когда они дѣйствительно таковы, такъ и выставить ихъ таковыми, когда на самомъ дѣлѣ они не таковы, возможно и уничтожить [дружбу или вражду], существующую только на словахъ, и склонить въ какую угодно сторону тѣхъ, кто колеблется подъ вліяніемъ гнѣва или вражды.

ГЛАВА V.

Опредѣленіе страха. — Чего люди боятся? — Что подходитъ подъ понятіе страшнаго и почему?—Въ какомъ состояніи люди испытываютъ страхъ?— Понятіе смѣлости, опредѣленіе его.—Когда и почему люди бываютъ смѣлы?

Чего и кого и въ какомъ состояніи люди боятся, будетъ ясно изъ слѣдующаго. Пусть будетъ страхъ—нѣкотораго рода непріятное ощущеніе или смущеніе, возникающее изъ представленія о предстоящемъ злѣ, которое можетъ погубить насъ или причинить намъ непріят-

ность: люди вѣдь боятся не всѣхъ золъ, напримѣръ, [не боятся] быть несправедливыми или лѣнивыми,—но лишь тѣхъ, которыя могутъ причинить страданіе, сильно огорчить или погубить, и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда [эти бѣдствія] не [угрожаютъ] издали, а находятся такъ близко, что кажутся неизбѣжными. Бѣдствій отдаленныхъ люди не особенно боятся. Всѣ знаютъ, что смерть неизбѣжна, но такъ какъ она не близка, то никто о ней не думаетъ.

Если же въ этомъ заключается страхъ, то страшнымъ необходимо будетъ все то, что, какъ намъ представляется, имѣетъ большую возможность разрушать или причинять вредъ, влекущій за собой большія горести. Поэтому страшны и признаки подобныхъ вещей, потому что тогда страшное кажется близкимъ. Это вѣдь называется опасностью, близость чего-нибудь страшнаго; такова вражда и гнѣвъ людей, имѣющихъ возможность причинить какое-нибудь зло: очевидно въ такомъ случаѣ, что они желаютъ [причинить его], такъ что близки къ совершенію его. Такова и несправедливость, обладающая силой, потому что человѣкъ несправедливый несправедливъ въ томъ, къ чему онъ стремится. [Такова] и окорбленная добродѣтель, когда она обладаетъ силой: очевидно, что, разъ она получаетъ оскорбленіе, она всегда стремится [отмстить], въ данномъ же случаѣ она можетъ [это сдѣлать]. [Таковъ] и страхъ людей, которые имѣютъ возможность сдѣлать намъ что-нибудь [дурное], потому что и такіе люди необходимо должны быть наготовѣ [причинить намъ какое-нибудь зло]. Такъ какъ многіе люди оказываются дурными и слабыми въ виду выгодъ и трусливыми въ минуту опасности, то вообще страшно быть въ зависимости отъ другаго человѣка, и для того, кто совершилъ что-нибудь ужасное, люди, знающіе объ этомъ, страшны тѣмъ, что могутъ выдать или покинуть его. И тѣ, кто можетъ обидѣть, [страшны] для тѣхъ, кого можно обидѣть, потому что по большей части люди обижаютъ, когда могутъ. [Страшны] и обиженные или считающіе себя таковыми, потому что [такіе люди] всегда выжидаютъ удобнаго случая. Страшны и обидѣвшіе, разъ они обладаютъ силой, потому что они боятся возмездія, а подобная вещь, какъ мы сказали, страшна. [Страшенъ] и соперникъ, добивающійся всего того же, [чего добиваемся мы], если оно не можетъ достаться обоимъ вмѣстѣ,—потому что съ соперниками постоянно ведется борьба. [Страшны для насъ] также люди, страшные для людей, болѣе сильныхъ, чѣмъ мы, потому что если [они могутъ вредить] людямъ болѣе сильнымъ, чѣмъ мы, то тѣмъ болѣе могутъ повредить намъ. По той же причинѣ [страшны] тѣ, кого

боятся люди болѣе сильные, чѣмъ мы, а также тѣ, кто погубилъ людей болѣе сильныхъ, чѣмъ мы. [Страшны] и тѣ, кто нападаетъ на людей болѣе слабыхъ, чѣмъ мы: они страшны для насъ или уже [въ данный моментъ], или по мѣрѣ своего усиленія.

Изъ числа людей нами обиженныхъ, нашихъ враговъ и соперниковъ [страшны] не пылкіе и откровенные, а спокойные, насмѣшливые и коварные, потому что незамѣтно, когда они близки [къ исполненію возмездія], такъ что никогда не разберешь, далеки ли они отъ этого.

И все страшное еще страшнѣе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда совершившимъ ошибку не удается исправить ее, когда [исправленіе ея] или совсѣмъ невозможно, или зависитъ не отъ насъ, а отъ нашихъ противниковъ. [Страшно] и то, въ чемъ нельзя или нелегко оказать помощь. Вообще же говоря, страшно все то, что возбуждаетъ въ насъ состраданіе, когда случается и должно случиться съ другими людьми.

Вотъ, можно сказать, главныя изъ вещей, которыя страшны и которыхъ мы боимся.

Скажемъ теперь о томъ, находясь въ какомъ состояніи люди испытываютъ страхъ. Если страхъ всегда бываетъ соединенъ съ ожиданіемъ какого-нибудь страданія, которое можетъ погубить насъ и которое намъ предстоитъ перенести, то, очевидно, не испытываетъ страха никто изъ тѣхъ людей, которые считаютъ себя обезпеченными отъ страданія: [они не боятся] ни того, чего, какъ имъ кажется, имъ не придется переносить, ни тѣхъ людей, которые, по ихъ мнѣнію, не заставятъ ихъ страдать, ни тогда, когда, по ихъ мнѣнію, имъ не угрожаетъ страданіе.

Отсюда необходимо слѣдуетъ, что испытываютъ страхъ тѣ, которые, какъ имъ кажется, могутъ пострадать, и притомъ [они боятся] такихъ-то людей и такихъ-то вещей и тогда-то. Недоступными страданію считаютъ себя люди, дѣйствительно или, какъ кажется, находящіеся въ высшей степени благопріятныхъ условіяхъ (тогда они бываютъ горды, пренебрежительны и дерзки; такими ихъ дѣлаетъ богатство, физическая сила, обиліе друзей, власть), а также люди, которымъ кажется, что они перенесли уже всѣ возможныя несчастья, и которые поэтому окоченѣли по отношенію къ будущему, подобно людямъ, забитымъ уже до потери чувствительности.

[Для того, чтобы испытывать страхъ], человѣкъ долженъ имѣть нѣкоторую надежду на спасеніе того, за что онъ тревожится; доказательствомъ этому служитъ то, что страхъ заставляетъ людей размышлять, между тѣмъ какъ о безнадежномъ никто не размышляетъ. По-

этому въ такое именно состоянiе [ораторъ] долженъ приводить своихъ слушателей, когда для него выгодно, чтобы они испытывали страхъ; [онъ долженъ представить ихъ] такими людьми, которые могутъ подвергнуться страданiю, [для этого онъ долженъ обратить ихъ вниманiе на то], что пострадали другiе люди, болѣе могущественные, [чѣмъ они], что люди, имъ подобные, страдаютъ или страдали и отъ такихъ людей, отъ которыхъ не думали [пострадать], и въ такихъ вещахъ и въ такихъ случаяхъ, когда не ожидали.

Разъ ясно, что̀ такое страхъ и страшныя вещи, а также—въ какомъ состоянiи люди испытываютъ страхъ,—ясно будетъ также, что̀ такое быть смѣлымъ, по отношенiю къ чему люди бываютъ смѣлы и въ какомъ настроенiи они бываютъ смѣлы, потому что смѣлость противоположна страху и внушающее смѣлость противоположно страшному. Такимъ образомъ смѣлость есть надежда, причемъ спасенiе представляется близкимъ, а все страшное—далекимъ или совсѣмъ не существующимъ. Быть смѣлымъ значитъ считать далекимъ все страшное и близкимъ все, внушающее смѣлость. [Смѣлость является въ томъ случаѣ], если есть много способовъ исправить и помочь, или если эти способы значительны, или и то, и другое вмѣстѣ. [Мы чувствуемъ себя смѣлыми], если никогда не испытывали несправедливости и сами никогда не поступали несправедливо, если у насъ или совсѣмъ нѣтъ противниковъ, или же они безсильны, или если они, обладая силой, дружески къ намъ расположены, въ силу того, что они или оказали намъ благодѣянiе, или сами видѣли отъ насъ добро,—и если люди, интересы которыхъ тождественны съ нашими, составляютъ большинство, или превосходятъ остальныхъ силой, или то и другое вмѣстѣ. А смѣлое настроенiе является у людей въ тѣхъ случаяхъ, когда они сознаютъ, что, имѣвъ во многомъ успѣхъ, они ни въ чемъ не терпѣли неудачи, или что, бывъ много разъ въ ужасномъ положенiи, они всегда счастливо выходили изъ него. Вообще люди безстрастно относятся [къ опасности] по одной изъ двухъ причинъ: потому что не испытали ея и потому что знаютъ, какъ помочь. Такъ и во время морскаго путешествiя смѣло смотрятъ на предстоящiя опасности люди, незнакомые съ бурями, и люди, по своей опытности знающiе средства къ спасенiю. [Смѣлы мы] и въ тѣхъ случаяхъ, когда данная вещь не страшна для подобныхъ намъ, или для болѣе слабыхъ, чѣмъ мы, и для тѣхъ, кого, какъ намъ кажется, мы превосходимъ силой, а таковыми мы считаемъ людей въ томъ случаѣ, если мы одержали верхъ надъ ними

самими, или надъ людьми, превосходящими ихъ силой, или надъ людьми имъ подобными. [Смѣлы мы] и тогда, когда, какъ намъ кажется, на нашей сторонѣ перевѣсъ и въ количествѣ, и въ качествѣ тѣхъ средствъ, обладаніе которыми дѣлаетъ людей страшными, а таковы: значительное состояніе, физическая сила, могущество друзей, укрѣпленность страны, обладаніе всѣми или важнѣйшими способами для борьбы. [Смѣлы мы] и въ томъ случаѣ, если мы никого не обидѣли, или обидѣли немногихъ, или тѣхъ, кого не боимся, и если боги вообще намъ покровительствуютъ, [и это выражается] какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ знаменіяхъ и прорицаніяхъ оракула: гнѣвъ соединенъ съ смѣлостью, а сознаніе, что не мы неправы, а насъ обижаютъ, возбуждаетъ гнѣвъ; божество же мы представляемъ себѣ помощникомъ обиженныхъ. [Мы бываемъ смѣлы] еще тогда, когда, дѣлая сами нападеніе, мы полагаемъ, что ни теперь, ни впослѣдствіи мы не можемъ потерпѣть никакой неудачи, или что, напротивъ, будемъ имѣть успѣхъ.

ГЛАВА VI.

Опредѣленіе стыда.—Что постыдно и почему?—Кого люди стыдятся и почему?—Въ какомъ состояніи люди испытываютъ стыдъ?

Итакъ мы сказали о томъ, что внушаетъ страхъ и дѣлаетъ смѣлымъ. Изъ послѣдующаго станетъ ясно, чего мы стыдимся и чего не стыдимся, передъ кѣмъ и въ какомъ состояніи мы испытываемъ стыдъ. Пусть будетъ стыдъ — нѣкотораго рода страданіе или смущеніе по поводу золъ, настоящихъ, прошедшихъ или будущихъ, которыя, какъ представляется, влекутъ за собой безчестіе, а безстыдство есть нѣкотораго рода презрѣніе и равнодушіе къ тому же самому. Если стыдъ таковъ, какъ мы его опредѣлили, то человѣкъ необходимо долженъ стыдиться всѣхъ тѣхъ золъ, которыя кажутся постыдными или ему самому, или тѣмъ, на кого онъ обращаетъ вниманіе. Таковы, во-первыхъ, всѣ дѣйствія, проистекающія отъ дурныхъ нравственныхъ качествъ, напримѣръ, бросить щитъ или убѣжать [съ поля битвы], потому что это является слѣдствіемъ трусости; присвоить себѣ ввѣренный залогъ, потому что это происходитъ отъ несправедливости; сближаться съ людьми, съ которыми не слѣдуетъ, гдѣ не слѣдуетъ или когда не слѣдуетъ, потому что это происходитъ отъ распущенности. [Постыдно] также добиваться выгоды въ вещахъ незначительныхъ или

постыдныхъ или отъ лицъ беззащитныхъ, напримѣръ, бѣдныхъ или мертвыхъ, откуда и пословица „содрать съ мертваго“ — потому что это происходитъ отъ позорнаго корыстолюбія и скаредности. Постыдно, имѣя возможность оказать помощь деньгами, не помочь или помочь меньше, [чѣмъ можно], а также [постыдно] получать пособіе отъ людей менѣе достаточныхъ, [чѣмъ мы], и занимать деньги у человѣка, который, повидимому, самъ готовъ просить взаймы, и просить еще, когда [тотъ, повидимому, хочетъ] получить обратно, и требовать обратно у того, кто, [повидимому, хочетъ] просить, и хвалить вещь для того, чтобы показалось, будто мы ее просимъ, и продолжать это, потерпѣвъ неудачу; все это—признаки скаредности. Хвалить людей въ лицо—признакъ лести; слишкомъ расхваливать хорошее и замазывать дурное, чрезмѣрно соболѣзновать горю человѣка въ его присутствіи, и все подобное постыдно, потому что все это—признаки лести. [Постыдно] также не переносить трудовъ, которые переносятъ люди болѣе старые или болѣе изнѣженные, [чѣмъ мы], или люди, находящіеся въ лучшемъ положеніи, [чѣмъ мы], или вообще люди болѣе слабые, потому что все это—признаки изнѣженности. [Постыдно] получать благодѣянія отъ другаго и часто получать ихъ, [постыдно] также попрекать оказаннымъ благодѣяніемъ, потому что все это—признаки малодушія и низости. [Постыдно] также постоянно говорить о себѣ, выставлять себя напоказъ и выдавать чужое за свое, потому что [все это — признаки] хвастовства. Сюда же относятся и поступки, вытекающіе изъ всѣхъ другихъ дурныхъ нравственныхъ качествъ, признаки ихъ и все подобное имъ, потому что [все такое] позорно и безстыдно.

Сверхъ того [позорно] быть совершенно непричастнымъ тѣмъ прекраснымъ качествамъ, которыми обладаютъ всѣ, или всѣ подобные намъ люди, или большинство ихъ (подобными я называю единоплеменниковъ, согражданъ, сверстниковъ, родственниковъ, вообще всѣхъ, находящихся въ равныхъ съ нами условіяхъ); постыдно во всякомъ случаѣ не обладать, напримѣръ, образованіемъ въ той степени, въ какой они имъ обладаютъ,—а также и другими подобными качествами. Все это тѣмъ еще болѣе [постыдно], если недостатокъ является слѣдствіемъ собственной вины человѣка: если онъ самъ виноватъ въ томъ, что̀ съ нимъ происходитъ, происходило или будетъ происходить, то это прямо зависитъ отъ его нравственнаго несовершенства.

Вовторыхъ, стыдъ вызывается и тѣмъ, что̀ люди претерпѣваютъ со стороны другихъ, именно когда они переносятъ, перенесли или имѣютъ перенести что либо такое, что ведетъ къ безчестію и позору;

когда, напримѣръ, оказываютъ услуги своимъ тѣломъ или являются объектомъ позорящихъ дѣяній, которыми наносится оскорбленіе. Если эти поступки проистекаютъ отъ распущенности, [они постыдны], произвольны они или непроизвольны; если они являются слѣдствіемъ насилія, [то они постыдны], если непроизвольны, потому что терпѣть и не защищаться значитъ выказать отсутствіе мужества и трусость.

Итакъ люди стыдятся такихъ и имъ подобныхъ вещей. Такъ какъ стыдъ есть представленіе о безчестіи и имѣетъ въ виду именно безчестіе, а не его послѣдствія, и такъ какъ всякій человѣкъ заботится о мнѣніи другихъ людей, имѣя въ виду именно людей, имѣющихъ это мнѣніе, то отсюда необходимо вытекаетъ, что человѣкъ стыдится тѣхъ, кого уважаетъ. Уважаетъ же онъ тѣхъ, кто ему удивляется, кому онъ самъ удивляется, для кого желаетъ быть предметомъ удивленія и съ кѣмъ соперничаетъ—вообще чье мнѣніе онъ не презираетъ. Люди желаютъ быть предметомъ удивленія для тѣхъ и сами удивляются тѣмъ, кто обладаетъ чѣмъ нибудь хорошимъ изъ числа вещей почетныхъ, или у кого они просятъ чего нибудь такого, чѣмъ тѣ обладаютъ, напримѣръ, [въ такомъ положеніи бываютъ] влюбленные. Соперничаютъ люди съ себѣ равными, заботятся же о мнѣніи людей мудрыхъ, какъ обладающихъ истиной, таковы люди старые и образованные. [Люди] больше [стыдятся того], что дѣлаютъ на глазахъ другихъ и явно, откуда и пословица „стыдъ находится въ глазахъ“. Поэтому мы больше стыдимся тѣхъ, кто постоянно будетъ съ нами и кто на насъ обращаетъ вниманіе, потому что въ томъ и другомъ случаѣ мы находимся на глазахъ этихъ людей. [Стыдимся мы] также тѣхъ, кто не подверженъ одинаковымъ съ нами [недостаткамъ], потому что такіе люди, очевидно, не могутъ быть согласны съ нами. [Стыдимся мы] также тѣхъ, кто не относится снисходительно къ людямъ, повидимому, заблуждающимся, ибо что человѣкъ самъ дѣлаетъ, за то, какъ говорится, онъ не взыщетъ съ ближнихъ, изъ чего слѣдуетъ, что чего онъ самъ не дѣлаетъ, за то онъ, очевидно, взыщетъ. [Стыдимся мы] и тѣхъ, кто имѣетъ привычку разглашать многимъ [то, что видитъ], потому что не быть замѣченнымъ [въ чемъ нибудь] и не служить объектомъ разглашенія — одно и то же. А разглашать склонны люди обиженные, вслѣдствіе того что они поджидаютъ [удобнаго случая для мести], и клеветники; ибо если они [затрогиваютъ] и людей, ни въ чемъ невиновныхъ, то тѣмъ скорѣе [затронутъ] людей виновныхъ.

Сюда [относятся] также люди, которые изъ ошибокъ своихъ близ-

кихъ дѣлаютъ предметъ постояннаго вниманія, таковы насмѣшники и комическіе поэты; до нѣкоторой степени они злые языки и болтуны. [Стыдимся мы] также тѣхъ, отъ кого никогда не получали отказа, потому что передъ такими людьми мы какъ бы находимся въ положеніи человѣка, пользующагося особеннымъ уваженіемъ. Поэтому мы стыдимся и тѣхъ, кто впервые обращается къ намъ съ просьбой, потому что мы ничего не сдѣлали, что бы унизило насъ въ ихъ мнѣніи. Таковы между прочимъ люди, лишь съ недавняго времени ищущіе нашей дружбы, ибо они видятъ только самыя лучшія изъ нашихъ качествъ; поэтому справедливъ отвѣтъ Еврипида Сиракузянамъ [1]). Таковы также люди, изъ числа нашихъ старыхъ знакомыхъ, не знающіе о насъ ничего [дурнаго].

Мы стыдимся не только вышеуказанныхъ постыдныхъ поступковъ, но и признаковъ ихъ, напримѣръ, не только прелюбодѣянія, но и признаковъ его, не только постыдныхъ поступковъ, но и постыдныхъ словъ, равнымъ образомъ мы стыдимся не только лицъ вышеуказанныхъ, но и тѣхъ, которыя могутъ имъ донести, напримѣръ ихъ слугъ и друзей. Вообще же мы не стыдимся тѣхъ, за коими мы не признаемъ основательнаго мнѣнія, ибо никто не стыдится ни дѣтей, ни звѣрей, и [стыдимся] не одного и того же передъ знакомыми и незнакомыми: передъ знакомыми [мы стыдимся] того, что намъ кажется дѣйствительно [постыднымъ], а передъ людьми далекими того, что считается [постыднымъ] передъ лицомъ закона.

Вотъ въ какомъ настроеніи люди могутъ испытывать стыдъ: во-первыхъ, если передъ ними находятся люди такого сорта, какихъ, какъ мы сказали, они стыдятся, а таковы, какъ мы замѣтили, люди, которыхъ мы уважаемъ, которые намъ удивляются и для которыхъ мы желаемъ быть предметомъ удивленія; [кромѣ того] такіе, которыхъ мы просимъ о какомъ нибудь одолженіи, причемъ оно не будетъ оказано, если мы окажемся обезславленными въ глазахъ этихъ лицъ; и если эти люди или видятъ [происходящее], (какъ говорилъ въ на-

---

[1]) Еврипидъ, по другому чтенію Иперидъ. (Иперидъ былъ ораторъ, котораго Аѳиняне неоднократно посылали въ качествѣ посла для переговоровъ съ чужеземными государствами). У греческаго схоліаста находится слѣдующее объясненіе этой фразы: Эврипидъ былъ посланъ къ Сиракузянамъ, чтобы заключить съ ними миръ, но Сиракузяне отклонили его предложеніе; тогда онъ сказалъ имъ, что они не должны бы были отказывать ему хотя бы по одному тому, что онъ впервые ведетъ съ ними переговоры.

родномъ собраніи Кидій о раздѣленіи [1]) самосскихъ владѣній, убѣждая аѳинянъ представить себѣ, что греки стоятъ здѣсь же вокругъ, такъ что они увидятъ, а не только услышатъ о томъ, что они постановятъ), или находятся близко, такъ что непремѣнно узнаютъ обо всемъ. Поэтому то въ несчастьи мы иногда не желаемъ быть на глазахъ своихъ соперниковъ, ибо соперники обыкновенно чувствуютъ къ намъ нѣкоторое удивленіе. [Мы испытываемъ стыдъ] еще тогда, когда знаемъ за собой, или за своими предками, или за кѣмъ нибудь другимъ, съ кѣмъ у насъ есть нѣкоторая близость, такіе поступки или вещи, которыхъ принято стыдиться. [Сюда же относятся] вообще [всѣ тѣ лица], за которыхъ мы стыдимся, а таковы лица перечисленныя, а также тѣ, которыя имѣютъ къ намъ какое нибудь отношеніе, или для которыхъ мы были учителями и совѣтниками; [сюда же относятся] другіе подобные люди, съ которыми мы соперничаемъ, потому что, подъ вліяніемъ стыда передъ такими людьми, многое мы дѣлаемъ и многаго не дѣлаемъ. Люди болѣе стыдливы въ томъ случаѣ, когда имъ предстоитъ быть на глазахъ и служить предметомъ вниманія для тѣхъ, кто знаетъ [ихъ проступки]. Вотъ почему и поэтъ Антифонтъ [2]), приговоренный къ смертной казни по повелѣнію Діонисія, сказалъ, видя, какъ люди, которымъ предстояло умереть вмѣстѣ съ нимъ, закрывали себѣ лице, проходя черезъ городскія ворота: Для чего вы закрываетесь? Или для того, чтобы кто нибудь изъ нихъ не увидѣлъ васъ завтра? Вотъ что можно сказать о стыдѣ. А о безстыдствѣ мы можемъ составить себѣ понятіе изъ противоположныхъ положеній.

ГЛАВА VII.

Опредѣленіе благодѣянія (услуги), кому и когда слѣдуетъ оказывать его?— Какъ можетъ пользоваться этимъ понятіемъ ораторъ для своей цѣли?

Что касается того, къ кому люди чувствуютъ благодарность, за что или въ какомъ состояніи, то это станетъ для насъ ясно, когда

---

[1]) Раздѣлъ Самосскихъ владѣній произошелъ въ 439 году, послѣ того, какъ Периклъ подавилъ возстаніе на Самосѣ. Личность Кидія мало извѣстна.

[2]) Имя Антифонта уже встрѣчалось выше, во 2-й главѣ II книги Какъ передаетъ Плутархъ, Діонисій спросилъ Антифонта, какая мѣдь самая лучшая? Та, отвѣчалъ Антифонтъ, изъ которой сдѣлана статуя Гармодія и Аристогитона. Эти слова стоили ему жизни.

мы опредѣлимъ, что̀ такое благодѣяніе. Пусть благодѣяніе (то-есть, поступокъ, который даетъ поводъ сказать, что человѣкъ, совершающій его, оказываетъ благодѣяніе), будетъ услуга человѣку, который въ ней нуждается, не взамѣнъ услуги и не для того, чтобы [изъ этого получилась] какая нибудь [выгода] для человѣка, оказывающаго услугу, но чтобы получилась выгода для того, [кому услуга оказывается]. [Услуга важна], если она оказывается человѣку, сильно нуждающемуся въ ней, или если [она касается] важныхъ и трудныхъ вещей, или если [она оказывается] именно въ такой то моментъ или если человѣкъ оказываетъ ее] одинъ, или первый, или въ наибольшей степени. Нужды суть стремленія, и особенно къ такимъ вещамъ, отсутствіемъ которыхъ причиняется нѣкоторое страданіе: таковы страсти, напримѣръ, любовь, а также тѣ страсти, которыя [человѣкъ испытываетъ] во время физическихъ страданій и въ опасностяхъ, потому что, подвергаясь опасности или испытывая страданіе, человѣкъ чувствуетъ страстное желаніе [избѣжать ихъ]. Потому то люди, явившіеся на помощь человѣку въ бѣдности или въ изгнаніи, даже если ихъ одолженіе ничтожно, считаются оказавшими услугу, такъ велика нужда и [важно] время; такъ, напримѣръ, поступилъ человѣкъ, давшій въ лицеѣ рогожу [1]). Итакъ, услуга непремѣнно должна касаться такихъ вещей, если же не [такихъ], то равныхъ имъ или болѣе важныхъ, такъ что разъ ясно, кого, за что и въ какомъ состояніи люди благодарятъ, отсюда, очевидно, слѣдуетъ вывести заключеніе, показавъ, что одни люди находятся или находились въ такомъ огорченіи и нуждѣ, а другіе оказали или оказываютъ какую нибудь подобную услугу въ такой нуждѣ. Очевидно также, какимъ образомъ можно уничтожить значеніе услуги и избавить человѣка отъ необходимости благодарить: [можно сказать], или что люди оказываютъ или оказали услугу ради собственной выгоды—а это, какъ мы сказали, не есть услуга—или что они поступили такъ подъ вліяніемъ стеченія обстоятельствъ, или были принуждены такъ поступить, или что они не просто дали, а отдали — съ умысломъ или безъ умысла; въ обоихъ случаяхъ [услуга оказывается] ради чего то другаго, такъ что и не можетъ быть названа услугой.

При этомъ нужно имѣть въ виду всѣ категоріи, потому что услуга есть услуга, посколько она есть то-то, или [посколько она] такова

[1]) Φορμός можетъ значить и рогожа, и корзинка, и ноша, и хлѣбная мѣра. Не извѣстно, на какой фактъ намекаетъ здѣсь Аристотель.

по объему, или [поскольку она обладаетъ] такими то качествами; или [поскольку она совершается] тогда то, или тамъ то. Доказательствомъ же [могутъ служить соображенія], что намъ не оказали услугу въ менѣе важномъ случаѣ, или что для враговъ сдѣлали то же самое, или что нибудь равное, или что нибудь бо́льшее, ибо, очевидно, и это [дѣлается] не ради насъ,—или [если] сдѣлано сознательно что нибудь дурное, ибо никто не сознается, что имѣетъ нужду въ дурныхъ вещахъ.

ГЛАВА VIII.

Опредѣленіе состраданія.—Кто доступенъ и кто недоступенъ этому чувству?—Что и кто возбуждаетъ состраданіе?

Итакъ мы сказали и о томъ, что̀ такое оказывать благодѣяніе и не оказывать его.

Скажемъ теперь о томъ, что̀ возбуждаетъ въ насъ состраданіе, къ кому и находясь въ какомъ состояніи мы испытываемъ состраданіе. Пусть будетъ состраданіе нѣкотораго рода печаль при видѣ бѣдствія, которое можетъ повлечь за собой гибель или вредъ и которое постигаетъ человѣка, этого не заслуживающаго, [бѣдствія], которое могло бы постигнуть или насъ самихъ, или кого нибудь изъ нашихъ, и притомъ, когда оно кажется близкимъ. Вѣдь, очевидно, человѣкъ, чтобы почувствовать состраданіе, долженъ считать возможнымъ, что самъ онъ, или кто нибудь изъ его близкихъ можетъ потерпѣть какое нибудь бѣдствіе, и притомъ такое, какое указано въ [данномъ нами] опредѣленіи, или подобное ему, или близкое къ нему. Потому то люди совершенно погибшіе не испытываютъ состраданія: они полагаютъ, что больше ничего не могутъ потерпѣть, ибо [все уже] претерпѣли; также и тѣ люди, которые считаютъ себя вполнѣ счастливыми, не [испытываютъ состраданія], но держатъ себя надменно: если они считаютъ себя обладающими всѣми благами, то, очевидно, и благомъ не терпѣть никакого зла, ибо и это принадлежитъ къ числу благъ. Къ числу же тѣхъ, которые считаютъ для себя возможнымъ потерпѣть, принадлежатъ люди уже пострадавшіе и избѣжавшіе гибели, и люди болѣе зрѣлые, и вслѣдствіе размышленія, и вслѣдствіе опыта, люди слабые и, еще болѣе, люди очень трусливые, также люди образованные, ибо [такіе люди] правильно разсуждаютъ.

И тѣ, у кого есть родители, или дѣти, или жены, ибо всѣ они намъ близки и способны потерпѣть указанныя [несчастья]. И люди не находящіеся подъ вліяніемъ мужественной страсти, напримѣръ, гнѣва или смѣлости, ибо здѣсь не разсуждаютъ о будущемъ, и не находящіеся въ высокомѣрномъ настроеніи, ибо такіе люди не размышляютъ о томъ, что могутъ потерпѣть, но [по своему настроенію] занимающіе середину между тѣми и другими. [Сюда относятся] также люди, вполнѣ находящіеся подъ вліяніемъ страха, ибо люди перепуганные не испытываютъ сострадaнія, будучи поглощены своимъ собственнымъ состояніемъ. И [испытываютъ состраданіе] только тѣ люди, которые нѣкоторыхъ людей считаютъ хорошими, ибо тотъ, кто никого не считаетъ такимъ, будетъ считать всѣхъ заслуживающими несчастье. Вообще [мы испытываемъ состраданіе], когда обстоятельства складываются такъ, что мы вспоминаемъ о подобномъ несчастьи, постигшемъ насъ или близкихъ намъ людей, или думаемъ, что оно случится съ нами или съ близкими намъ.

Итакъ мы сказали, въ какомъ состояніи люди испытываютъ состраданіе. Что же касается вещей, возбуждающихъ наше состраданіе, то онѣ ясны изъ опредѣленія: все горестное и мучительное, способное повлечь за собой гибель, возбуждаетъ состраданіе, точно такъ же, какъ все, что можетъ отнять жизнь; [сюда же относятся] и всѣ великія бѣдствія, причиняемыя случайностью. Къ числу вещей мучительныхъ и влекущихъ за собой гибель относятся различные роды смерти, раны, побои, старость, болѣзни и недостатокъ въ пищѣ, а къ числу вещей, причиняемыхъ случайностью — неимѣніе друзей или малое количество ихъ; возбуждаетъ состраданіе также насильственная разлука съ друзьями и съ близкими, позоръ, слабость, увѣчье, бѣда, явившаяся именно съ той стороны, откуда можно было ожидать чего нибудь хорошаго, частое повтореніе одного и того же подобнаго, и благо, приходящее уже тогда, когда человѣкъ испыталъ горе, какъ, напримѣръ, были присланы отъ персидскаго царя Діопиѳу дары [1]), когда онъ уже былъ мертвъ; наконецъ, [возбуждаетъ состраданіе] такое положеніе, когда или совсѣмъ не случилось ничего хорошаго, или оно случилось, но имъ нельзя было воспользоваться.

---

[1]) Трудно рѣшить, о комъ здѣсь говоритъ Аристотель.

Такія и имъ подобныя вещи возбуждаютъ состраданіе. Мы чувствуемъ состраданіе къ людямъ знакомымъ, если они не очень близки намъ, къ очень близкимъ же относимся такъ же, какъ если бы намъ самимъ предстояло [несчастье]; потому то и Амазисъ[1]), какъ разсказываютъ, не плакалъ, видя, какъ его сына ведутъ на смерть, и заплакалъ при видѣ друга, просящаго милостыню: послѣднее возбудило въ немъ состраданіе, а первое ужасъ. Ужасное отлично отъ того, что возбуждаетъ состраданіе, оно уничтожаетъ состраданіе и часто способствуетъ возникновенію противоположной [страсти]. Мы испытываемъ еще состраданіе, когда несчастье намъ самимъ близко. Мы чувствуемъ состраданіе къ людямъ подобнымъ намъ по возрасту, по характеру, по способностямъ, по положенію, по происхожденію, ибо при видѣ всѣхъ подобныхъ лицъ намъ кажется болѣе возможнымъ, что и съ нами случится нѣчто подобное. Вообще и здѣсь слѣдуетъ заключить, что мы испытываемъ состраданіе къ людямъ, когда съ ними случается все то, чего мы боимся для самихъ себя. Если страданія, кажущіяся близкими, возбуждаютъ состраданіе, а тѣ, которыя были десять тысячъ лѣтъ тому назадъ или будутъ черезъ десять тысячъ лѣтъ, или совсѣмъ не возбуждаютъ состраданія, или [возбуждаютъ его] не въ такой степени, ибо вторыхъ мы не дождемся, а первыхъ не помнимъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что люди, воспроизводящіе что нибудь наружностью, голосомъ, костюмомъ и вообще игрой, въ сильной степени возбуждаютъ состраданіе, ибо, воспроизводя передъ глазами какое нибудь несчастье, какъ грядущее или какъ свершившееся, они достигаютъ того, что оно кажется близкимъ. Весьма также возбуждаетъ состраданіе [то бѣдствіе], которое недавно случилось или должно скоро случиться. Поэтому [мы чувствуемъ состраданіе] по поводу признаковъ, напримѣръ, платья людей потерпѣвшихъ несчастье, и тому подобныхъ вещей, и по поводу словъ или дѣйствій людей, находящихся въ бѣдѣ, напримѣръ, людей уже умирающихъ. Особенно же мы испытываемъ состраданіе, если въ подобномъ положеніи находятся люди хорошіе. Всѣ эти обстоятельства усиливаютъ въ насъ состраданіе, ибо въ такихъ случаяхъ бѣда кажется близкой и незаслуженной и, кромѣ того, она у насъ передъ глазами.

---

[1]) То, что Аристотель относитъ здѣсь къ Амазису, у Иродота (III, 14) сообщается о сынѣ его Псамменитѣ.

ГЛАВА IX.

Опредѣленіе негодованія, отношеніе негодованія къ зависти.—Кто и что возбуждаетъ въ людяхъ негодованіе, и почему?—Въ какомъ состояніи люди легко приходятъ въ негодованіе?—Какъ можетъ пользоваться этимъ понятіемъ ораторъ для своей цѣли?

Сожалѣнію противополагается главнымъ образомъ негодованіе, ибо противоположностью чувству печали при видѣ незаслуженныхъ бѣдствій является нѣкоторымъ образомъ и изъ того же источника чувство печали при видѣ незаслуженнаго благоденствія. Обѣ эти страсти составляютъ принадлежность честнаго характера, ибо должно испытывать печаль и сострааніе при видѣ людей, незаслуженно бѣдствующихъ, и негодовать при видѣ людей, [незаслуженно] благоденствующихъ, такъ какъ то, что выпадаетъ незаслуженно, несправедливо; поэтому то мы приписываемъ и богамъ чувство негодованія. Можетъ показаться, что и зависть такимъ же образомъ противоположна состраданію, какъ понятіе близкое къ негодованію и тождественное съ нимъ, но [на самомъ дѣлѣ] она есть нѣчто иное: зависть точно также есть причиняющая намъ безпокойство печаль, точно также [она возникаетъ] при видѣ благоденствія, но не человѣка [его] недостойнаго, а [при видѣ благоденствія] человѣка намъ равнаго и подобнаго. У всѣхъ этихъ понятій одинаково долженъ быть тотъ смыслъ, что они касаются нашего ближняго и не [имѣютъ въ виду того], случится ли съ нами отъ этого что нибудь дурное: ибо, разъ возникаетъ въ насъ смятеніе или печаль оттого, что вслѣдствіе благоденствія другаго человѣка съ нами должно случиться что нибудь дурное, это уже не будетъ негодованіе или зависть, а будетъ страхъ.

Очевидно, что въ связи съ этими страстями стоятъ страсти противоположныя: человѣкъ, огорчающійся при видѣ людей, которые незаслуженно терпятъ горе, будетъ радоваться или не будетъ горевать, если терпятъ горе люди противоположнаго рода, напримѣръ, ни одинъ честный человѣкъ не огорчится, если понесутъ наказаніе убійцы и отцеубійцы, ибо въ подобныхъ случахъ мы должны радоваться — точно такъ же, какъ при видѣ людей, которые по заслугамъ пользуются счастьемъ: и то, и другое справедливо и заставляетъ радоваться хорошаго человѣка, ибо у него необходимо является надежда самому получить на свою долю то, что выпало на долю подобнаго [ему]. И всѣ эти [черты] представляютъ свойства одного и того же

характера, а черты противоположныя — свойства противоположнаго характера, ибо одинъ и тотъ же человѣкъ бываетъ злораденъ и завистливъ: тотъ, кого огорчаетъ возникновеніе и присутствіе чего нибудь, необходимо будетъ радоваться отсутствію или уничтоженію того же самаго. Поэтому всѣ эти [страсти] препятствуютъ возникновенію состраданія; они различаются между собой по вышеуказаннымъ причинамъ, такъ что одинаково пригодны для того, чтобы дѣлать все не возбуждающимъ состраданіе.

Прежде всего скажемъ о негодованіи—на кого, за что и въ какомъ состояніи люди негодуютъ, затѣмъ послѣ этого [скажемъ] и объ остальномъ. Изъ сказаннаго это ясно: если негодовать значитъ горевать при видѣ счастья кажущагося незаслуженнымъ, то отсюда очевидно прежде всего, что нельзя негодовать при видѣ всякаго счастья: мы не будемъ негодовать на человѣка, если онъ справедливъ, мужественъ или обладаетъ добродѣтелью, равно какъ мы не будемъ чувствовать состраданія къ людямъ противоположнаго характера; [негодованіе является] при видѣ богатства, могущества и т. п.—при видѣ всего того, чего, вообще говоря, достойны только люди прекрасные и люди, обладающіе благами, даруемыми отъ природы, каковы благородство происхожденія, красота и все подобное. Но такъ какъ давно существующее кажется до нѣкоторой степени близкимъ къ природному, то человѣкъ необходимо будетъ сильнѣе негодовать на тѣхъ, кто обладаетъ тѣмъ же самымъ благомъ, но обладаетъ имъ съ недавняго времени и вслѣдствіе этого [т. е. обладанія благомъ] благоденствуетъ; люди, недавно разбогатѣвшіе, причиняютъ бо́льшее огорченіе, чѣмъ люди, давно, изъ рода въ родъ [владѣющіе богатствомъ]; то же самое [можно сказать] о людяхъ, обладающихъ властью, могуществомъ, множествомъ друзей, прекраснымъ потомствомъ и другими тому подобными благами. Точно такъ же [бываетъ] въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе этого [т. е. одного блага] у нихъ получается какое нибудь другое благо; поэтому то больше огорчаютъ люди недавно разбогатѣвшіе, если черезъ свое богатство они получаютъ власть, чѣмъ люди, владѣющіе родовымъ богатствомъ. Точно то же бываетъ и въ другихъ случаяхъ, и причина этому та, что вторые имѣютъ видъ людей, владѣющихъ тѣмъ, что составляетъ ихъ собственность, а первые—нѣтъ; истиннымъ представляется то, что всегда имѣетъ одинаковый видъ, такъ что первые [изъ названныхъ нами людей] имѣютъ видъ людей владѣющихъ не тѣмъ, что составляетъ ихъ собственность. Такъ какъ не всякое благо достойно всякаго человѣка, но здѣсь есть нѣкоторая аналогія и соотвѣтствіе, какъ

напримѣръ, прекрасное оружіе подходитъ не для справедливаго, а для храбраго человѣка, то и блестящія партіи [приличны] не людямъ недавно разбогатѣвшимъ, а людямъ благороднаго происхожденія; и досадно, если человѣку хорошему выпадаетъ на долю что нибудь неподходящее, точно такъ же, какъ если болѣе слабый тягается съ болѣе сильнымъ, особенно, если оба они въ одинаковомъ положеніи, почему и сказано:

Но съ Аяксомъ борьбы избѣгалъ съ Теламоновымъ сыномъ:
Зевсъ раздражился бы, еслибъ онъ съ мужемъ сильнѣйшимъ сразился [1]).

Если же это и не такъ [то-есть, они не въ одинаковомъ положеніи], то [досадно], если человѣкъ, въ чемъ бы то ни было болѣе слабый, тягается съ болѣе сильнымъ, напримѣръ, человѣкъ, занимающійся музыкой, съ человѣкомъ справедливымъ, ибо справедливость выше музыки.

Изъ сказаннаго ясно, на кого и за что люди негодуютъ: это бываетъ въ указанныхъ и имъ подобныхъ случаяхъ. Сами же люди въ томъ случаѣ склонны приходить въ негодованіе, если они заслуживаютъ величайшихъ благъ и обладаютъ ими, ибо несправедливо, чтобы люди неравные между собой удостоились одинаковыхъ [благъ]. Во-вторыхъ [люди легко приходятъ въ негодованіе], если они честны и серьезны, потому что [въ такомъ случаѣ] они имѣютъ правильныя сужденія и ненавидятъ все несправедливое; еще, когда люди честолюбивы и стремятся къ какимъ нибудь цѣлямъ, особенно если ихъ честолюбіе касается того, чего другіе достигли незаслуженно. Вообще люди, считающіе себя достойными того, чего не считаютъ достойными другихъ, легко приходятъ въ негодованіе на этихъ людей за это. Поэтому то люди съ рабской душой, низкіе и нечестолюбивые не легко приходятъ въ негодованіе, потому что нѣтъ ничего такого, чего они считали бы себя достойными.

Изъ сказаннаго очевидно, какого рода тѣ люди, несчастье, бѣдствіе и неуспѣхъ которыхъ долженъ радовать или не причинять огорченія, ибо изъ изложеннаго очевидно противоположное ему, такъ что если рѣчь приведетъ судей въ такое настроеніе и покажетъ, что люди, просящіе о состраданіи и то, ради чего они просятъ о состраданіи, не заслуживаетъ того, чтобы достигнуть [своей цѣли], а заслуживаетъ того, чтобы не имѣть успѣха—[въ такомъ случаѣ] невозможно имѣть [къ нимъ] состраданіе.

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь о троянцѣ Кебріонѣ (Il. XI, 543, 544).

ГЛАВА X.

Опредѣленіе зависти.—Кто завистливъ?—Что возбуждаетъ зависть?—Кто возбуждаетъ зависть?—Какъ можетъ вліять зависть на рѣшеніе судей?

Очевидно также, изъ-за чего люди завидуютъ, кому и въ какомъ состояніи, если зависть есть нѣкотораго рода печаль, являющаяся при видѣ благоденствія подобныхъ намъ людей, наслаждающихся выше указанными благами—[печаль] не имѣющая цѣлью доставить что нибудь самому завидующему [человѣку], но имѣющая въ виду только этихъ другихъ людей. Зависть будутъ испытывать такіе люди, для которыхъ есть подобные или кажущіеся подобными. Подобными—я разумѣю, по происхожденію, по родству, по возрасту, по дарованіямъ, по славѣ, по состоянію. [Завидуютъ] и тѣ, которые обладаютъ почти всѣмъ, поэтому то люди высокопоставленные и пользующіеся счастьемъ, бываютъ завистливы, такъ какъ думаютъ, что всѣ пользуются ихъ собственностью. [Завистливы] бываютъ также люди, особенно пользующіеся уваженіемъ за что нибудь, преимущественно же за мудрость или удачу. И люди честолюбивые болѣе завистливы, чѣмъ люди безъ честолюбія. И мнимые мудрецы [также завистливы], потому что ихъ честолюбіе имѣетъ своимъ объектомъ мудрость, и вообще люди, славолюбивые по отношенію къ чему нибудь бываютъ завистливы въ этомъ отношеніи. И люди малодушные [также завистливы], потому что имъ все представляется великимъ.

Мы назвали блага, изъ-за которыхъ люди завидуютъ: гдѣ люди обнаруживаютъ любовь къ славѣ, гдѣ есть мѣсто честолюбію — касается ли это ихъ поступковъ или ихъ состоянія,—гдѣ они домогаются славы, и во всѣхъ родахъ успѣха—во всѣхъ этихъ случаяхъ, можно сказать, бываетъ зависть, и въ особенности по отношенію къ тѣмъ вещамъ, которыхъ люди домогаются и которыми они считаютъ себя въ правѣ обладать, или въ обладаніи которыми они немного превосходятъ [другихъ] или немного уступаютъ [имъ]. Очевидно также, кому люди завидуютъ, такъ какъ мы сказали объ этомъ одновременно: люди завидуютъ тѣмъ, кто къ нимъ близокъ по времени, по мѣсту, по возрасту и по славѣ, откуда и говорится: „родня умѣетъ и завидовать“ [1]).

---

[1]) Схоліастъ приписываетъ этотъ стихъ Эсхилу, но не указываетъ, въ какой трагедіи онъ находится.

[Завидуютъ] также тѣмъ, съ кѣмъ соперничаютъ, потому что соперничаютъ съ перечисленными категоріями лицъ; что же касается тѣхъ, кто жилъ десятки тысячъ лѣтъ раньше насъ, или кто будетъ жить черезъ десятки тысячъ лѣтъ послѣ насъ, или кто уже умеръ—то имъ никто [не завидуетъ], точно такъ же, какъ тѣмъ, кто живетъ у Геркулесовыхъ столповъ. [Не завидуемъ мы] и тѣмъ, кто, по нашему мнѣнію или по мнѣнію другихъ, сильно насъ превосходятъ или сильно намъ уступаютъ. Одинаковымъ образомъ [мы относимся] и къ людямъ занимающимися подобными вещами [1]). Такъ какъ люди соперничаютъ съ своими противниками въ бою, соперниками въ любви и вообще съ тѣми, кто домогается того же, [чего они], то необходимо они завидуютъ всего больше этимъ лицамъ, почему и говорится „и горшечникъ [завидуетъ] горшечнику“ [2]). Завидуемъ мы и тѣмъ, чьи пріобрѣтенія или успѣхи являются для насъ упрекомъ; вѣдь такіе люди намъ близки и подобны намъ: здѣсь очевидно, что мы по собственной винѣ не обладаемъ даннымъ благомъ, такъ что это [соображеніе], причиняя намъ печаль, порождаетъ зависть. [Завидуемъ мы] и тѣмъ, кто имѣетъ или пріобрѣлъ то, чѣмъ слѣдовало бы обладать намъ или чѣмъ мы обладали; поэтому-то старики [завидуютъ] молодымъ, а люди, много истратившіе на что-нибудь, завидуютъ тѣмъ, кто истратилъ на то же немного. И тѣ, кто еще не достигъ или совсѣмъ не достигъ чего нибудь, завидуютъ тѣмъ, кто быстро [достигъ этого же самаго].— Очевидно, изъ-за чего такіе люди радуются, по отношенію къ кому и въ какомъ состояніи: какъ въ одномъ случаѣ они огорчаются, потому что не обладаютъ чѣмъ нибудь, такъ въ случаяхъ противоположныхъ они будутъ радоваться, потому что обладаютъ чѣмъ нибудь. Такимъ образомъ если [судьи] придутъ въ такое настроеніе, а люди, просящіе ихъ о состраданіи или о дарованіи какого нибудь блага, таковы, каковы указанные нами люди, то очевидно, что эти послѣдніе не добьются состраданія отъ власть имѣющихъ.

ГЛАВА XI.

Опредѣленіе соревнованія.—Кто доступенъ соревнованію?—Что возбуждаетъ соревнованіе?—Кто возбуждаетъ соревнованіе?—Отношеніе соревнованія къ презрѣнію.

Отсюда ясно, въ какомъ состояніи люди соревнуютъ, кому они соревнуютъ и въ чемъ. Соревнованіе есть нѣкоторая печаль при видѣ

---

[1]) То есть, вещами, которыя много выше или много ниже насъ.

[2]) Пословица, заимствованная изъ Исіода; она встрѣчается выше (гл. IV).

кажущагося присутствія у людей, подобныхъ намъ по своей природѣ, благъ, которыя связаны съ почетомъ и которыя могли быть пріобрѣтены нами самими, [печаль, являющаяся] не потому, что эти блага есть у другаго, а потому что ихъ нѣтъ также у насъ самихъ. Поэтому то соревнованіе есть нѣчто хорошее и бываетъ у людей хорошихъ, а зависть есть нѣчто низкое и бываетъ у низкихъ людей. Въ первомъ случаѣ человѣкъ, подъ вліяніемъ соревнованія, старается самъ о томъ, чтобы достигнуть благъ, а во-второмъ, подъ вліяніемъ зависти,—о томъ, чтобы его ближній не пользовался этими благами. Склонными же къ соревнованію будутъ необходимо люди, считающіе себя достойными тѣхъ благъ, которыхъ они не имѣютъ, ибо никто не желаетъ того, что кажется невозможнымъ. Поэтому то такими [то-есть склонными къ соревнованію] бываютъ люди молодые и люди великодушные, а также люди, обладающіе такими благами, которыя достойны мужей пользующихся уваженіемъ; къ числу этихъ благъ принадлежитъ богатство, обиліе друзей, власть и другія тому подобныя блага: такъ какъ имъ подобаетъ быть людьми хорошими, то они соревнуютъ въ достиженіи такихъ благъ, потому что они должны принадлежать людямъ хорошимъ. [Склонны къ соревнованію] также люди, которыхъ другіе считаютъ достойными [этихъ благъ]. Точно также люди, предки, или родственники, или близкіе, или соотечественники, или отечество которыхъ пользуется уваженіемъ, выказываютъ въ этомъ отношеніи соревнованіе, потому что считаютъ это близкимъ себѣ и себя достойными этого.—Если соревнованіе проявляется по отношенію къ благамъ, пользующимся уваженіемъ, то сюда необходимо нужно относить добродѣтели и все то, съ помощью чего можно приносить пользу и оказывать благодѣяніе другимъ людямъ, потому что люди уважаютъ благодѣтелей и людей добродѣтельныхъ, а также всѣ тѣ блага, которыми могутъ пользоваться и наши ближніе, каковы, напримѣръ, богатство и красота болѣе, чѣмъ здоровье.

Очевидно также, кто такіе люди, возбуждающіе соревнованіе: возбуждаютъ соревнованіе люди, обладающіе этими и имъ подобными благами. Эти блага таковы, какъ вышеуказанныя, напримѣръ, мужество, мудрость, власть, потому что люди, власть имѣющіе, могутъ благодѣтельствовать многимъ; таковы полководцы, ораторы, вообще всѣ, обладающіе подобнымъ могуществомъ. [Сюда, т. е. къ лицамъ, возбуждающимъ соревнованіе, относятся люди], которымъ многіе желаютъ быть подобны или знакомы или съ которыми многіе желаютъ

быть друзьями, также тѣ, кому многіе удивляются или кому мы удивляемся, и тѣ, кого воспѣваютъ и прославляютъ поэты или писатели. Люди противоположнаго сорта пользуются презрѣніемъ, ибо презрѣніе противоположно соревнованію, и „презирать" [противоположно] понятію „соревновать". Люди, находящіеся въ такомъ состояніи, что соревнуютъ кому нибудь или служатъ предметомъ соревнованія для кого нибудь, необходимо склонны презрительно относиться ко всѣмъ вещамъ и лицамъ, обладающимъ недостатками противоположными тѣмъ благамъ, которыя возбуждаютъ соревнованіе. Поэтому они часто презираютъ людей, пользующихся удачей, когда удача выпадаетъ имъ безъ благъ, пользующихся уваженіемъ.

Мы сказали, при помощи чего возникаютъ и исчезаютъ страсти, изъ чего образуются способы убѣжденія. Вслѣдъ за этимъ изложимъ, каковы бываютъ нравы сообразно со страстями людей, ихъ качествами, возрастомъ и жребіемъ.

ГЛАВА XII.

Нравы (черты характера) людей въ различныхъ возрастахъ: черты, свойственныя юности.

Я называю страстями гнѣвъ, желаніе и тому подобныя [движенія души], о которыхъ мы говорили раньше [1]), качествами — добродѣтели и пороки [2]) — о нихъ сказано раньше, а также о томъ, что̀ предпочитаютъ отдѣльныя личности и что̀ они способны дѣлать. Возрастъ—это юность, зрѣлый возрастъ и старость. Жребіемъ я называю благородство происхожденія, богатство, власть и вещи противоположныя этимъ, и вообще удачу и неудачу.

Юноши по своему нраву склонны къ желаніямъ, а также склонны исполнять то, чего пожелаютъ, и изъ желаній плотскихъ они всего болѣе склонны слѣдовать желанію любовныхъ наслажденій и невоздержны относительно его. По отношенію къ страстямъ они перемѣнчивы и легко пресыщаются ими, они сильно желаютъ и скоро перестаютъ [желать]; ихъ желанія пылки, но не сильны, какъ жажда и голодъ у больныхъ. Они страстны, вспыльчивы и склонны слѣдовать гнѣву. Они слабѣе гнѣва [не могутъ совладать съ гнѣвомъ], ибо по

[1]) То-есть въ предыдущихъ главахъ этой книги.

[2]) О добродѣтеляхъ и порокахъ см. IX гл. I книги.

своему честолюбію они не переносятъ пренебреженія, и негодуютъ, когда считаютъ себя обиженными. Они любятъ почетъ, но еще болѣе любятъ побѣду, потому что юность жаждетъ превосходства, а побѣда есть нѣкотораго рода превосходство. Обоими этими качествами они обладаютъ въ бóльшей степени, чѣмъ корыстолюбіемъ: они совсѣмъ не корыстолюбивы, потому что еще не испытали нужды, какъ говоритъ изреченіе Питтака противъ Амфіарая [1]). Они не злы, а добродушны, потому что еще не видѣли многихъ низостей. Они легковѣрны, потому что еще не во многомъ были обмануты. Они исполнены надеждъ, потому что юноши такъ разгорячены природой, какъ люди, упившіеся виномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ [они таковы], потому что еще не во многомъ потерпѣли неудачу. Они преимущественно живутъ надеждой, потому что надежда касается будущаго, а воспоминаніе прошедшаго, у юношей же будущее продолжительно, прошедшее же кратко: въ первый день не о чемъ помнить, надѣяться же можно на все. Ихъ легко обмануть вслѣдствіе сказаннаго: они легко поддаются надеждѣ. Они чрезвычайно смѣлы, потому что пылки и исполнены надеждъ; первое изъ этихъ качествъ заставляетъ ихъ не бояться, а второе быть увѣренными. Никто, будучи подъ вліяніемъ гнѣва, не испытываетъ страха, а надѣяться на что нибудь хорошее, значитъ быть смѣлымъ. Молодые люди стыдливы: они воспитаны исключительно въ духѣ закона и не имѣютъ понятія о другихъ благахъ. Они великодушны, потому что жизнь еще не унизила ихъ и они не испытали нужды; считать себя достойнымъ великихъ [благъ] означаетъ великодушіе, и это свойственно человѣку, исполненному надеждъ. Въ своихъ занятіяхъ они предпочитаютъ прекрасное полезному, потому что живутъ болѣе сердцемъ, чѣмъ расчетомъ; расчетъ касается полезнаго, а добродѣтель прекраснаго. Юноши болѣе, чѣмъ люди въ другихъ возрастахъ, любятъ друзей, семью и товарищей, потому что находятъ удовольствіе въ совмѣстной жизни и ни о чемъ не судятъ съ точки зрѣнія пользы, такъ что и о друзьяхъ не [судятъ такъ]. Они во

---

[1]) Схоліастъ объясняетъ эту ссылку Ар. такъ: Адрастъ убѣждалъ Амфіарая отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ походъ противъ Ѳивъ. Амфіарай, зная, какъ прорицатель, что ему суждено умереть во время этого похода, отказывался. Тогда Адрастъ, чтобы привлечь на свою сторону жену Амфіарая, прислалъ ей драгоцѣнные дары, но Амфіарай отослалъ ихъ братно, что дало поводъ Питтаку сказать объ Амфіараѣ: Σὺ δ'οὔπω χρυσῶν ἔρωτος ἐγεύσω. Ἦ γὰρ ἂν χεῖρας εἶχες ἑτοίμους λαβεῖν.

всемъ грѣшатъ крайностью и излишествомъ вопреки Хилонову [1]) изреченію: они все дѣлаютъ черезъ мѣру: черезчуръ любятъ и черезчуръ ненавидятъ и во всемъ остальномъ также. Они считаютъ себя всевѣдущими и утверждаютъ [это]; вотъ причина, почему [они все дѣлаютъ] чрезъ мѣру. И несправедливости они совершаютъ по своему высокомѣрію, а не по злобѣ. Они легко доступны состраданію, потому что считаютъ всѣхъ честными и слишкомъ хорошими: они мѣрятъ своихъ ближнихъ своей собственной неиспорченностью, такъ что полагаютъ, что тѣ терпятъ незаслуженно. Они любятъ посмѣяться и сказать острое словцо, такъ какъ остроуміе есть отшлифованное высокомѣріе.

ГЛАВА XIII.

Черты характера, свойственныя старости.

Таковъ нравъ юношей. Что же касается людей болѣе старыхъ и пожилыхъ, то ихъ нравы слагаются, можно сказать, по бóльшей части изъ чертъ противоположныхъ вышеизложеннымъ: такъ какъ они прожили много лѣтъ и во многомъ были обмануты и ошиблись, такъ какъ большая часть [человѣческихъ дѣлъ] оказывается ничтожными, то они ничего положительно не утверждаютъ и все дѣлаютъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ слѣдуетъ. И все они „полагаютъ", но ничего не „знаютъ"; въ своей нерѣшительности они всегда прибавляютъ „можетъ быть" и „пожалуй", и обо всемъ они говорятъ такъ, ни о чемъ не разсуждая рѣшительно. Они злонравны, потому что злонравіе есть пониманіе всего въ дурную сторону. Они подозрительны вслѣдствіе своей недовѣрчивости, а недовѣрчивы вслѣдствіе своей опытности. Поэтому они сильно не любятъ и не ненавидятъ, но, согласно совѣту Біанта [2]), любятъ, какъ бы готовясь возненавидѣть, и ненавидятъ, какъ бы намѣреваясь полюбить. Они малодушны, потому что жизнь смирила ихъ: они не жаждутъ ничего великаго и необыкновеннаго, но лишь того, что полезно для существованія. Они не щедры потому что имущество — одна изъ необходимыхъ вещей, а вмѣстѣ съ тѣмъ они знаютъ по опыту, какъ трудно пріобрѣсти и

---

[1]) Правило Хилона, одного изъ семи мудрецовъ: μηδὲν ἄγαν.

[2]) Біантъ, одинъ изъ семи мудрецовъ, бывшій современникомъ Креза.

какъ легко потерять. Они трусливы и способны всего заранѣе опасаться; они настроены противоположно юношамъ: они охлаждены годами, а юноши пылки; такимъ образомъ старость пролагаетъ дорогу трусости, ибо страхъ есть охлажденіе. Они привязаны къ жизни, особенно въ послѣдній день, потому что желаніе касается того, чего нѣтъ, и въ чемъ люди нуждаются, того они особенно желаютъ. Они эгоисты болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, потому что и это есть нѣкотораго рода малодушіе. Они болѣе чѣмъ слѣдуетъ живутъ для полезнаго, а не для прекраснаго, потому что они эгоисты, ибо полезное есть благо для самого [человѣка], а прекрасное есть безотносительное благо. И они болѣе безстыдны, чѣмъ стыдливы, потому что, не одинаково заботясь о прекрасномъ и полезномъ, они пренебрегаютъ тѣмъ, изъ чего слагается репутація. Они не поддаются надеждамъ вслѣдствіе своей опытности, ибо бо́льшая часть житейскаго ничтожно, и по большей части оканчивается дурно; [они таковы] еще вслѣдствіе своей трусости. И они болѣе живутъ воспоминаніемъ, чѣмъ надеждой, потому что для нихъ остающаяся часть жизни коротка, а прошедшая длинна, а надежда относится къ будущему, воспоминаніе же къ прошедшему. Въ этомъ же причина ихъ болтливости: они постоянно говорятъ о прошедшемъ, потому что испытываютъ наслажденіе, предаваясь воспоминаніямъ. И гнѣвъ ихъ пылокъ, но безсиленъ, а изъ страстей однѣ у нихъ исчезли, другія утратили свою силу, такъ что они не склонны желать и не склонны дѣйствовать сообразно своимъ желаніямъ, но сообразно выгодѣ. Поэтому люди въ такомъ возрастѣ кажутся умѣренными, ибо страсти ихъ ослабѣли и подчиняются выгодѣ. И они въ своей жизни болѣе руководятся расчетомъ, чѣмъ сердцемъ, потому что расчетъ имѣетъ въ виду полезное, а сердце—добродѣтель. Они поступаютъ несправедливо вслѣдствіе злобы, а не вслѣдствіе высокомѣрія. И старики доступны состраданію, но не по той самой причинѣ, по какой [ему доступны] юноши: эти послѣдніе—вслѣдствіе человѣколюбія, а первые—по своему безсилію, потому что на всѣ бѣдствія они смотрятъ, какъ на близкія къ нимъ, а это, какъ мы сказали, дѣлаетъ человѣка доступнымъ состраданію. Поэтому они ворчливы, не бойки и не смѣшливы, потому что ворчливое противоположно смѣшливому.

Таковы нравы юношей и стариковъ, и такъ какъ всѣ хорошо относятся къ рѣчамъ, соотвѣтствующимъ ихъ характеру, и къ людямъ себѣ подобнымъ, то отсюда очевидно, какъ должно поступать въ рѣчи, чтобы и сами [ораторы] и ихъ рѣчи показались таковыми.

ГЛАВА XIV.

Черты характера, свойственныя зрѣлому возрасту.

Что касается людей зрѣлаго возраста, то очевидно, что они по своему характеру будутъ между указанными возрастами, не обладая крайностями ни того, ни другаго, не выказывая ни чрезмѣрной смѣлости, потому что подобное качество есть дерзость, ни излишняго страха, но какъ слѣдуетъ относясь къ тому и другому, не выказывая всѣмъ ни довѣрія, ни недовѣрія, но разсуждая болѣе соотвѣтственно истинѣ, не живя исключительно ни для прекраснаго, ни для полезнаго, но для того и другаго вмѣстѣ, не склоняясь ни на сторону скупости, ни на сторону расточительности, но держась надлежащей мѣры. Подобнымъ же образомъ [они относятся] и къ гнѣву, и къ желанію. Они соединяютъ благоразуміе съ храбростью и храбрость съ благоразуміемъ. Въ юношахъ же и старцахъ эти качества являются разъединенными, ибо юноши мужественны и необузданны, а старые люди — благоразумны и трусливы. Вообще говоря, они обладаютъ всѣми полезными качествами, которыя есть у юности и у старости въ отдѣльности, что же касается качествъ, которыми юность и старость обладаютъ въ чрезмѣрной или недостаточной степени, то ими они обладаютъ въ степени умѣренной и надлежащей. Тѣло достигаетъ цвѣтущей поры отъ тридцати до тридцати пяти лѣтъ, а душа—около сорока девяти лѣтъ [1]).

ГЛАВА XV.

Черты характера, свойственныя людямъ благороднаго происхожденія.

Вотъ что слѣдуетъ сказать о юности, старости и зрѣломъ возрастѣ—какимъ характеромъ обладаетъ каждый изъ этихъ возрастовъ. Скажемъ теперь о всѣхъ тѣхъ зависящихъ отъ жребія (судьбы) благахъ, вслѣдствіе которыхъ у людей является данный характеръ.

Благородство происхожденія вліяетъ на характеръ такъ, что обладающій этимъ благородствомъ болѣе честолюбивъ: всѣ люди, разъ у нихъ есть что нибудь, обыкновенно копятъ это [свое достояніе], а благородство происхожденія есть почетное положеніе предковъ. [Люди

[1]) 49-й годъ, какъ квадратъ 7, есть годъ климактерическій; о дѣленіи жизни человѣческой на семилѣтія Ар. говоритъ еще и въ „Политикѣ“, VII, 16 и 17.

благороднаго происхожденія] склонны презирать даже и тѣхъ, кто подобенъ ихъ предкамъ, потому что [дѣянія] этихъ послѣднихъ, какъ далеко отстоящія, кажутся болѣе почетными и даютъ болѣе повода къ хвастовству, чѣмъ то, что происходитъ близко отъ насъ. Названіе „благороднаго по происхожденію" указываетъ на знатность рода, а названіе „благороднаго по характеру" на невырожденіе въ сравненіи съ природой, чего по большей части не случается съ людьми благороднаго происхожденія, такъ какъ обыкновенно они—люди ничтожные. Въ родахъ мужей, какъ и въ произведеніяхъ земли бываетъ какъ будто урожай, и иногда, если родъ хорошъ, изъ него въ продолженіе нѣкотораго времени происходятъ выдающіеся мужи, но затѣмъ они исчезаютъ; прекрасно одаренные роды вырождаются въ сумасбродные характеры, какъ напримѣръ, потомки Алкивіада и Діонисія Старшаго, а роды солидные—въ глупость и вялость, какъ напримѣръ, потомки Кимона [1]), Перикла [2]) и Сократа [3]).

ГЛАВА XVI.

Черты характера, свойственныя людямъ богатымъ.

Что касается характера, который связанъ съ богатствомъ, то его легко видѣть всѣмъ: [обладающіе имъ люди] высокомѣрны и надменны, находясь въ нѣкоторой зависимости отъ богатства. Они такъ настроены, какъ будто обладаютъ всѣми благами; богатство есть какъ бы мѣрка для оцѣнки всѣхъ остальныхъ благъ, поэтому кажется, что всѣ они могутъ быть куплены съ помощью богатства. Они склонны къ роскоши и хвастовству—къ роскоши ради самой роскоши и ради выказыванія своего внѣшняго благосостоянія; они хвастливы и дурно воспитаны, потому что всѣ люди обыкновенно постоянно говорятъ о томъ, что они сами любятъ и чему удивляются, и потому что они [то есть богатые] думаютъ, что другіе заботятся о томъ же, о чемъ они. Вмѣстѣ съ тѣмъ они въ правѣ такъ думать, потому что есть много

---

[1]) О сыновьяхъ Кимона мы ничего не знаемъ.

[2]) У Платона въ его „Алкивіадѣ" I есть довольно презрительный отзывъ о сыновьяхъ Перикла, Паралѣ и Ксанѳиппѣ.

[3]) Плутархъ въ жизнеописаніи Катона Старшаго приводитъ о дѣтяхъ Сократа, пренебрежительный отзывъ Катона.

нуждающихся въ тѣхъ, кто имѣетъ [состояніе]. Отсюда изреченіе Симонида о мудрыхъ и богатыхъ, обращенное къ женѣ Іерона [1]) просившей, чѣмъ лучше быть — богатымъ или мудрымъ? Богатымъ, сказалъ онъ, потому что приходитъ видѣть, какъ мудрецы постоянно торчатъ у дверей богатыхъ. [Богатые отличаются] еще тѣмъ, что считаютъ себя достойными властвовать, потому что, по ихъ мнѣнію, они обладаютъ тѣмъ, что дѣлаетъ людей достойными властвовать. И вообще характеръ, сообщаемый богатствомъ, есть характеръ человѣка неразумнаго и счастливаго. Характеръ у людей недавно разбогатѣвшихъ и у людей давно богатыхъ различенъ именно тѣмъ, что люди недавно разбогатѣвшіе обладаютъ всѣми пороками въ бо́льшей и худшей степени, потому что быть вновь разбогатѣвшимъ значитъ какъ бы быть невоспитаннымъ богачемъ. И несправедливые поступки, которые они совершаютъ, порождаются не злобой, но высокомѣріемъ и невоздержностью, какъ напримѣръ, побои и прелюбодѣяніе.

ГЛАВА XVII.

Черты характера, свойственныя людямъ: 1) могущественнымъ (обладающимъ властью), 2) счастливымъ (удачливымъ).

Равнымъ образомъ очевидны, можно сказать, всѣ главнѣйшія черты характера, стоящія въ связи съ властью, ибо власть обладаетъ отчасти тѣми же чертами, какими обладаетъ богатство, отчасти лучшими. По своему характеру люди, обладающіе властью, честолюбивѣе и мужественнѣе людей богатыхъ, потому что они стремятся къ дѣламъ, которыя имъ возможно исполнить вслѣдствіе ихъ власти. Они заботливѣе, такъ какъ находятся въ хлопотахъ, принужденные смотрѣть за [всѣмъ], что касается ихъ власти. Они держатся съ бо́льшей торжественностью и важностью, потому что ихъ санъ дѣлаетъ ихъ болѣе торжественными; поэтому то они умѣряютъ себя.

[1]) Діогенъ Лаэртскій, въ жизнеописаніи Аристиппа, разказываетъ, что Діонисій спросилъ однажды Аристиппа: Почему приходится видѣть, что философы ухаживаютъ за богатыми, но никогда не видишь, чтобы богатые ухаживали за философами?—Потому, отвѣчалъ Аристиппъ, что философы знаютъ, кто имъ нуженъ, а богатые не знаютъ, кто для нихъ необходимъ. Ср. Платона Госуд. VI, p. 283.

Торжественность ихъ отличается мягкостью, а важность благопристойностью. И когда они поступаютъ несправедливо, ихъ проступки значительны, а не ничтожны.

Что касается счастья [удачи], то оно отчасти обладаетъ указанными чертами характера, потому что счастье, кажущееся величайшимъ сводится къ этому, и еще къ хорошимъ дѣтямъ; счастье влечетъ за собой обиліе физическихъ благъ. Подъ вліяніемъ счастья люди дѣлаются высокомѣрнѣе и безразсуднѣе; съ счастьемъ связана одна прекраснѣйшая черта характера — именно та, что люди счастливые боголюбивы; они извѣстнымъ образомъ относятся къ божеству, вѣря въ него, подъ вліяніемъ того, что имъ даетъ жребій.

Мы сказали о чертахъ характера сообразно возрасту и счастью; противоположное же очевидно изъ противоположнаго, напримѣръ характеръ человѣка бѣднаго, несчастнаго и не имѣющаго власти.

ГЛАВА XVIII.

Цѣль, которую преслѣдуетъ въ своей рѣчи всякій ораторъ.—Способы доказательства, пригодные для всѣхъ трехъ родовъ рѣчей.

Убѣждающія рѣчи употребляются ради рѣшенія (ибо для того, что мы знаемъ и относительно чего приняли изѣстное рѣшеніе, не нужно никакихъ рѣчей), а это бываетъ въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь съ помощью рѣчи склоняетъ или отклоняетъ какое-нибудь отдѣльное лицо, какъ, напримѣръ, дѣлаютъ люди, уговаривая и убѣждая, такъ какъ одинъ человѣкъ есть все-таки судья; вообще говоря, тотъ судья, кого нужно убѣдить; и все равно, обращаетъ ли человѣкъ свою рѣчь къ противнику, или говоритъ на предложенную тему, потому что необходимо воспользоваться рѣчью и уничтожить противоположныя мнѣнія, къ которымъ, какъ къ противнику, обращается рѣчь. Такимъ же образомъ нужно поступать и въ эпидиктическихъ рѣчахъ, ибо рѣчь представляетъ себѣ какъ бы судью въ слушателѣ. Вообще въ политическихъ преніяхъ есть одинъ настоящій судья—[именно], рѣшающій данный вопросъ. Вопросомъ же является то, относительно чего сомнѣваются и о чемъ совѣщаются.

Раньше [1]), говоря о рѣчахъ совѣщательныхъ, мы сказали о характерахъ соотвѣтственно видамъ государственнаго устройства, такъ что

[1]) Раньше—см. кн. I, гл. 8.

теперь намъ слѣдовало бы разобрать вопросъ, какъ и съ помощью чего можно сдѣлать рѣчи этическими.

Такъ какъ для каждаго рода рѣчей мы указали свою особую цѣль [1]) и такъ какъ относительно всѣхъ ихъ были взяты нами мнѣнія и посылки, изъ которыхъ почерпаютъ способы убѣжденія ораторы въ рѣчахъ совѣщательныхъ, эпидиктическихъ и судебныхъ, такъ какъ, кромѣ того, мы разсмотрѣли, съ помощью чего возможно сдѣлать рѣчи этическими, то намъ остается сказать объ общихъ [принципахъ], ибо всѣмъ необходимо пользоваться въ своихъ рѣчахъ разсужденіемъ о возможномъ и невозможномъ и пытаться показать,—однимъ, что что-нибудь было, другимъ—что что-нибудь будетъ. Кромѣ того топъ о величинѣ является общимъ для всѣхъ рѣчей, такъ какъ фигурой преувеличенія и умаленія пользуются всѣ ораторы: совѣтующіе и отсовѣтующіе, хвалящіе и порицающіе, обвиняющіе и оправдывающіеся.

Разсмотрѣвъ это, мы попытаемся вообще сказать объ энтимемахъ, если найдемъ что, и о примѣрахъ, чтобы, присоединивъ остальное, исполнить поставленную съ самаго начала задачу. Изъ общихъ топовъ, преувеличеніе наиболѣе свойственно рѣчамъ эпидиктическимъ, какъ было сказано [2]), совершившееся рѣчамъ судебнымъ, ибо по поводу совершившагося постановляется рѣшеніе, а возможное и будущее—рѣчамъ совѣщательнымъ.

ГЛАВА XIX.

Понятіе возможнаго и невозможнаго.—Что подходитъ подъ эти понятія?—Доказательства, основанныя на предположеніи (вѣроятности): 1) относительно прошедшаго, 2) относительно будущаго.—О большемъ и меньшемъ.

Сначала скажемъ о возможномъ и невозможномъ. Если одна изъ противоположностей можетъ быть или явиться, то можетъ показаться возможною и другая противоположность, напримѣръ, если возможно для человѣка выздоровѣть, то возможно и заболѣть, ибо одна и таже возможность (способность) относится къ противоположностямъ, въ чемъ онѣ и противоположны. И если возможно одно подобное, то и другое подобное ему [возможно]. И если возможно болѣе трудное, то [возможно] и болѣе легкое. И если что-нибудь можетъ возникнуть въ хорошемъ и прекрасномъ видѣ, то оно вообще можетъ возникнуть, ибо

---

[1]) О цѣли каждаго рода рѣчей см. кн. I, гл. III.

[2]) См. кн. I, гл. 9.

труднѣе быть хорошему дому, чѣмъ дому [просто]. И конецъ того, начало чего можетъ возникнуть, [также можетъ возникнуть], ибо ничто не возникаетъ и не начинаетъ возникать изъ вещей невозможныхъ, напримѣръ, не можетъ начать возникать и не возникаетъ соизмѣримость діаметра. Возможно также начало того, конецъ [чего возможенъ], ибо все возникаетъ съ начала. И если можетъ возникнуть послѣдующее по бытію или по возникновенію, то возможно и предыдущее: напримѣръ, если можетъ возникнуть мужъ, [можетъ возникнуть] и ребенокъ, ибо послѣднее возникаетъ раньше. И если [возможно возникнуть] ребенку, возможно и мужу, ибо первое есть начало. [Возможно] и то, что отъ природы бываетъ предметомъ любви или страсти, ибо никто по бóльшей части не любитъ и не желаетъ вещей невозможныхъ. И то, что бываетъ предметомъ наукъ и искусствъ, можетъ быть, и бываетъ, и возникаетъ. [Возможно] и то, начало возникновенія чего во власти тѣхъ, кого мы можемъ принудить или убѣдить, а таковы люди, которыхъ мы превосходимъ силой, которыми мы распоряжаемся или съ которыми дружны. Возможно также цѣлое, части котораго возможны, и [по бóльшей части возможны] части, цѣлое которыхъ возможно; ибо если можетъ возникнуть разрѣзъ, шапочка и сандалій, можетъ возникнуть и обувь, и если [можетъ возникнуть] обувь, [можетъ возникнуть] и разрѣзъ и шапочка. И если весь родъ принадлежитъ къ числу вещей возможныхъ, то возможенъ и видъ, а если [возможенъ] видъ, [возможенъ] и родъ, напримѣръ, если можетъ возникнуть корабль, [возможна] и тріира, и если [возможна] тріира, [возможенъ] и корабль. И если [возможна] одна изъ двухъ вещей, по своей природѣ находящихся во взаимномъ соотношеніи, то [возможна] и другая изъ нихъ, напримѣръ, если [возможно] двойное, то [возможна] и половина, и если [возможна] и половина, [возможно] и двойное. И если что-нибудь можетъ возникнуть безъ искусства и приготовленія, то еще болѣе оно возможно при помощи искусства и прилежанія, отчего и сказано у Агаѳона [1]).

И одно нужно дѣлать съ помощью искусства,
Другое достается намъ благодаря необходимости и судьбѣ.

И то, что возможно для людей болѣе дурныхъ, болѣе слабыхъ и болѣе неразумныхъ, еще болѣе [возможно] для людей противопо-

---

[1]) Трагическій поэтъ, извѣстный намъ преимущественно по Платонову „Пиру“. Аристотель довольно часто упоминаетъ его имя.

ложныхъ, какъ сказалъ и Исократъ, что странно, если онъ не будетъ въ состояніи самъ изобрѣсти то, чему научился Евѳинъ [1]). Что касается невозможнаго, то очевидно, что оно вытекаетъ изъ противоположнаго сказанному.

[Доказательства того], что что-нибудь случилось, нужно выводить изъ слѣдующаго. Вопервыхъ, если случилось то, что по естественному ходу вещей случается рѣже, то могло случиться и то, что [случается чаще. И если случилось то, что обыкновенно случается послѣ, то случилось и предыдущее, напримѣръ, если кто-нибудь что-нибудь забылъ, то нѣкогда и научился [этому]. И если кто-нибудь могъ и желалъ [сдѣлать что-нибудь], то и сдѣлалъ, ибо всѣ, когда пожелаютъ чего-нибудь, имѣя возможность [исполнить свое желаніе], дѣлаютъ [то, чего желаютъ], такъ какъ ничто имъ не мѣшаетъ. Еще если [человѣкъ] чего-нибудь желалъ и ничто извнѣ ему не мѣшало, и если [онъ желалъ] возможнаго, и если онъ гнѣвался, и если могъ и стремился, [то сдѣлалъ], ибо по бо́льшей части люди дѣлаютъ то, къ чему стремятся, если только могутъ—негодные вслѣдствіе своей невоздержности, а люди нравственно-хорошіе, потому что желаютъ хорошаго. И если [кто-нибудь] намѣревался [сдѣлать что-нибудь], ибо естественно, что человѣкъ, намѣревавшійся [сдѣлать что-нибудь], сдѣлалъ. И если случилось что-нибудь такое, что по своей природѣ [бываетъ] раньше чего-нибудь другаго или вслѣдствіе чего-нибудь другаго, напримѣръ, если прогремѣлъ громъ, то сверкнула молнія, и если человѣкъ сдѣлалъ что-нибудь, то и попытался сдѣлать это. И изъ всѣхъ этихъ случаевъ одни имѣютъ характеръ необходимости, а другіе—случающагося по бо́льшей части. А относительно того, что не случилось, [доказательства], очевидно, почерпаются изъ противоположнаго сказанному.

Что касается того, что будетъ, то здѣсь дѣло очевидно изъ того же самаго: будетъ то, что для насъ возможно и чего мы желаемъ, и то, что соотвѣтствуетъ нашей страсти, гнѣву и расчету въ соединеніи съ возможностью [сдѣлать это], а также то, что находится въ области нашихъ стремленій и намѣреній, ибо обыкновенно больше случается то, что входитъ въ наши намѣренія, чѣмъ то, что не входитъ въ нихъ. И если уже случилось то, что по своей природѣ случается раньше [чего-нибудь другаго], напримѣръ, если

[1]) Евѳинъ, въ другомъ чтеніи Евѳимъ, лицо неизвѣстное.

небо покрылось облаками, то, вѣроятно, пойдетъ дождь. И если случилось [что-нибудь], что [всегда] бываетъ ради чего-нибудь другаго, напримѣръ, если [воздвигнуто] основаніе, [будетъ] и домъ.

Что касается великости и малости вещей, бо̀льшаго и меньшаго и вообще великихъ и малыхъ вещей, то все это ясно для насъ изъ раньше сказаннаго, ибо по поводу рѣчей совѣщательныхъ мы говорили [1]) о величинѣ благъ и вообще о бо̀льшемъ и меньшемъ; такъ какъ соотвѣтственно каждому роду рѣчи есть опредѣленная цѣль въ видѣ блага, каковы понятія прекраснаго и справедливаго, то, очевидно, съ помощью указанныхъ [доказательствъ] слѣдуетъ для каждаго рода рѣчи приводить увеличенія (αὐξήσεις). Дѣлать же помимо сказаннаго изслѣдованіе вообще о величинѣ и о превосходствѣ значило бы говорить пустое, ибо для практики больше значенія имѣютъ частные случаи, чѣмъ общее.

Вотъ что нужно сказать о возможномъ и невозможномъ, о томъ, случилось что-нибудь или нѣтъ, будетъ или нѣтъ, а также о великости и малости вещей.

ГЛАВА XX.

Примѣръ и энтимема.—Два рода примѣровъ, сравненія и басни (притчи).— Какъ и когда слѣдуетъ пользоваться примѣрами?

Остается сказать о способахъ убѣжденія, общихъ для всѣхъ [случаевъ], разъ мы сказали о частныхъ способахъ. Общіе способы убѣжденія бываютъ двоякаго рода: примѣръ и энтимема, такъ какъ изреченіе есть часть энтимемы. И такъ скажемъ сначала о примѣрѣ, потому что примѣръ подобенъ наведенію, а наведеніе есть начало.

Есть два вида примѣровъ; одинъ видъ примѣра заключается въ томъ, что приводятся факты прежде случившіеся, другой въ томъ, что [ораторъ] самъ сочиняетъ таковые; въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть, во-первыхъ, притча, во-вторыхъ, басня, каковы, напримѣръ, басни Эзопа и басни Ливійскія. Приводить въ примѣръ факты можно въ такомъ родѣ: можно сказать, что нужно готовиться къ войнѣ противъ Персидскаго царя и не позволять ему захватить Египетъ [2]),

---

[1]) См. кн. I, гл. 7.

[2]) Царь — вѣроятно, здѣсь идетъ рѣчь объ Артаксерксѣ III, который въ 350 г. вторгнулся въ Египетъ.

ибо и прежде Дарій перешелъ [въ Грецію] не прежде, чѣмъ захватилъ Египетъ, а, захвативъ его, переправился. Точно также и Ксерксъ двинулся [на Грецію] не прежде, чѣмъ взялъ [Египетъ], а взявъ [его] переправился, такъ что и этотъ [то-есть царствующій нынѣ] переправится [въ Грецію], если захватитъ [Египетъ], поэтому нельзя ему этого позволять. Притча (сравненіе)—это пріемъ Сократа, напримѣръ, если бы кто нибудь сказалъ, что не слѣдуетъ избирать власти по жребію, ибо это подобно тому, какъ если бы кто нибудь избиралъ по жребію въ атлеты—не тѣхъ, кто въ состояніи состязаться, но тѣхъ, кому выпадетъ жребій, или изъ корабельщиковъ избиралъ по жребію того, кому нужно управлять кораблемъ, какъ будто это нужно дѣлать не знающему человѣку, а тому, кому выпадетъ жребій. — Басня же бываетъ подобна разсказу Стисихора о Фаларидѣ и разсказу Эзопа въ защиту демагога. Когда жители Имеры [1]) избрали Фаларида полководцемъ съ неограниченной властью и намѣревались дать ему тѣлохранителей, Стисихоръ, приведя различные доводы [противъ этого], разказалъ имъ также басню о томъ, какъ лошадь одна владѣла пастбищемъ; когда же пришелъ олень и началъ портить пастбище, то лошадь, желая отмстить оленю, спросила какого то человѣка, не можетъ ли онъ посодѣйствовать ей въ этомъ; онъ отвѣчалъ, что можетъ, если возьметъ узду и самъ сядетъ на нее, съ копьемъ въ рукахъ. Когда лошадь согласилась на это и онъ сѣлъ на нее, то вмѣсто того, чтобы отомстить оленю, лошадь сама попала въ рабство. Такъ и вы, сказалъ Стисихоръ, берегитесь, какъ бы желая отмстить врагамъ, не попасть въ такое же положеніе, въ какое попала лошадь: у васъ уже есть узда, разъ вы избрали полководца съ неограниченной властью; если вы еще дадите ему тѣлохранителей и позволите ему сѣсть на себя, то будете рабами Фаларида.—А Эзопъ на островѣ Самосѣ, защищая демагога, котораго осуждали на смерть, разсказалъ, какъ лисица, переправляясь черезъ рѣку, попала въ обрывъ; не будучи въ состояніи выбраться оттуда, она долго тамъ страдала и въ нее впилось множество клещей; ежъ, пробиравшійся мимо, увидѣвъ ее, сжалился надъ ней и спросилъ, не вытащить ли изъ нея клещей, но она не согласилась на это и на вопросъ — почему? — отвѣчала: эти клещи уже полны мною и поглощаютъ мало крови; если же ты вы-

---

[1]) Имера — городъ на сѣверномъ берегу Сициліи. Агригентскій тираннъ Фаларидъ покорилъ, какъ полагаютъ, этотъ городъ около 560 г.

тащишь этихъ, то явятся другіе, голодные, и высосутъ у меня остальную кровь. Точно также и вамъ, мужи Самосскіе, этотъ человѣкъ не можетъ больше причинить вреда, потому что онъ богатъ. Если же вы умертвите его, то явятся другіе, бѣдные, которые, расхищая общественное достояніе, разорятъ васъ. Басни употребляются въ народныхъ собраніяхъ; онѣ имѣютъ ту хорошую сторону, что подыскать въ прошедшемъ факты, подобные [данному случаю], трудно, басни же [подыскать] легче; ихъ слѣдуетъ сочинять, какъ и притчи, если кто можетъ видѣть сходныя черты, а это легче дѣлать съ помощью философіи. Легче подыскать [примѣры] изъ области вымысла, но полезнѣе посовѣтовать что нибудь, опираясь на факты, ибо по бо̀льшей части будущее подобно прошедшему.

Примѣрами слѣдуетъ пользоваться въ томъ случаѣ, когда не имѣешь энтимемъ для доказательства, ибо для того, чтобъ убѣдить, требуется [какое нибудь] доказательство; когда же [энтимемы] есть, то примѣрами слѣдуетъ пользоваться, какъ свидѣтельствами, помѣщая ихъ вслѣдъ за энтимемами въ видѣ эпилога. Если ихъ поставить въ началѣ, то они походятъ на наведеніе, а риторическимъ рѣчамъ наведеніе не свойственно, за исключеніемъ немногихъ случаевъ; когда же они помѣщены въ концѣ они походятъ на свидѣтельства, а свидѣтель всегда возбуждаетъ довѣріе. Поэтому необходимо бываетъ привести много примѣровъ тому, кто помѣщаетъ ихъ въ началѣ, а кто помѣщаетъ ихъ въ концѣ, для того достаточно одного [примѣра], ибо свидѣтель, заслуживающій вѣры, бываетъ полезенъ даже въ томъ случаѣ, когда онъ одинъ.

Итакъ мы сказали о томъ, сколько есть видовъ примѣровъ, и какъ и когда слѣдуетъ ими пользоваться.

ГЛАВА XXI.

Опредѣленіе изреченія, его отношеніе къ энтимемамъ.—4 рода изреченій.—Какъ слѣдуетъ пользоваться изреченіями?—Двѣ выгодныя стороны, получающіяся отъ употребленія въ рѣчи изреченій.

Что касается употребленія изреченій (афоризмовъ), то послѣ опредѣленія того, что̀ такое изреченіе, станетъ совершенно ясно, относительно чего, когда и кому прилично пользоваться изреченіями въ рѣчахъ. Изреченіе есть утвержденіе, которое относится однако не къ отдѣльнымъ случаямъ, напримѣръ, не къ тому, какой человѣкъ Ификратъ, но имѣетъ общее значеніе; впрочемъ, оно [касается] не всѣхъ областей, (напримѣръ

что „прямое противоположно кривому"), но лишь того, около чего вращаются житейскія дѣла; [они имѣютъ въ виду то], что можно избирать и чего должно избѣгать въ своей дѣятельности. А такъ какъ энтимемы суть силлогизмы, касающіеся подобныхъ вещей [1]), то заключенія и посылки энтимемъ, если у нихъ отнять форму силлогизма, являются, можно сказать, изреченіями, напримѣръ:

Никогда не слѣдуетъ мужу, одаренному отъ природы здравымъ смысломъ,
Настолько выучить своихъ дѣтей, чтобы они стали черезчуръ мудры.

Это—изреченіе, а если присоединить къ нему причину и [объясненіе], почему это такъ, то все вмѣстѣ составитъ энтимему, напримѣръ:

— Такъ какъ помимо праздности, которую они обнаруживаютъ
Они возбуждаютъ въ своихъ согражданахъ враждебную зависть [2]).

Также:

Нѣтъ мужа, который былъ бы счастливъ во всемъ [3]).

Также:

Изъ мужей нѣтъ ни одного, который былъ бы свободенъ.

Это—изреченіе, но оно дѣлается энтимемой, если къ нему присоединить слѣдующее:

Ибо (всякій изъ нихъ) рабъ денегъ или жребія [4]),

Если приведенные примѣры—изреченія, то необходимо признать четыре вида изреченій,—ибо изреченіе можетъ быть съ эпилогомъ и безъ него. Тѣ изъ нихъ, которыя говорятъ о чемъ нибудь парадоксальномъ или спорномъ, нуждаются въ доказательствѣ; тѣ же, въ которыхъ нѣтъ ничего парадоксальнаго, бываютъ безъ эпилога. Изъ этихъ послѣднихъ одни совсѣмъ не нуждаются въ эпилогѣ, потому что раньше было извѣстно то [о чемъ они говорятъ], напримѣръ:

Самое лучшее для мужа, какъ намъ кажется, быть здоровымъ [5]),

---

[1]) Энтимема и силлогизмъ см. кн. I, гл. II.

[2]) Еврипидъ, Медея, ст. 296 и сл.

[3]) Это—стихъ изъ не дошедшей до насъ трагедіи Еврипида Сѳеновія. Въ Лягушкахъ (ст. 1217) Аристофанъ влагаетъ въ уста Еврипида этотъ стихъ и еще два стиха.

[4]) Еврипидъ, Экава, ст. 864.

[5]) По свидѣтельству схоліаста, стихъ этотъ одними приписывался Симониду, другими Эпихарму.

ибо это мнѣніе большинства; а другія—потому, что разъ ихъ произнесешь, смыслъ ихъ ясенъ при первомъ взглядѣ, напримѣръ:

Не любитъ тотъ. кто не любитъ всегда [1]).

Изъ числа [изреченій] съ эпилогомъ одни представляютъ собою часть энтимемы, напримѣръ:

Никогда не слѣдуетъ мужу, одаренному отъ природы здравымъ смысломъ...

Другія—энтимематическаго характера, но не составляютъ части энтимемы: они то и пользуются наибольшей извѣстностью; къ числу ихъ принадлежатъ всѣ тѣ, въ которыхъ видна причина того, что въ нихъ говорится, напримѣръ:

Не питай безсмертнаго гнѣва, самъ будучи смертнымъ [2]),

ибо слова „не должно питать“ представляютъ изреченіе, а присоединенныя къ нимъ слова „будучи смертнымъ“ представляютъ объясненіе причины; точно также и изреченіе, что „смертному нужно думать о смертномъ, а не о безсмертномъ“ [3]).

Изъ сказаннаго ясно, сколько есть видовъ изреченій и для чего каждый изъ нихъ пригоденъ; когда дѣло касается вещей спорныхъ и парадоксальныхъ, нельзя [употреблять] изреченіе безъ эпилога, но слѣдуетъ, или помѣстивъ эпилогъ впереди, пользоваться изреченіемъ, какъ заключеніемъ, напримѣръ, такимъ образомъ: что касается меня, то такъ какъ не слѣдуетъ ни быть предметомъ зависти, ни предаваться лѣни, — я полагаю, что не слѣдуетъ быть воспитаннымъ,—или же слѣдуетъ, сказавъ послѣднее сначала, помѣстить въ концѣ сказанное впереди. А когда дѣло касается вещей не парадоксальныхъ, но неясныхъ, то [слѣдуетъ пользоваться изреченіемъ], присоединивъ къ нему самое сжатое объясненіе причины. Въ подобныхъ случаяхъ пригодны также лаконическія изреченія и изреченія имѣющія видъ загадки, какъ напримѣръ, если кто нибудь скажетъ то, что сказалъ Стисихоръ локрійцамъ [4]), что имъ не слѣдуетъ быть высокомѣрными, чтобы кузнечики не пѣли съ земли. По возрасту пользоваться изреченіями прилично людямъ зрѣлымъ, и

---

[1]) Еврипидъ, Троянки, 1050.

[2]) Этотъ стихъ находится въ собраніи „моностиховъ“.

[3]) Стихъ, быть можетъ, принадлежащій Эпихарму.

[4]) Стисихоръ прибѣгнулъ къ такому обороту рѣчи съ цѣлью убѣдить Локрійцевъ не начинать войны съ сосѣдями. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что, разъ непріятели вторгнутся въ страну; она будетъ разорена, деревья срублены, такъ что кузнечики, не находя вѣтвей, помѣстившись на которыхъ они обыкновенно поютъ, будутъ пѣть, сидя на землѣ.

относительно того, въ чемъ человѣкъ опытенъ: употреблять изреченія, а также разказывать миѳы не прилично человѣку, не достигшему такого возраста, употребленіе же изреченій по поводу того, въ чемъ человѣкъ неопытенъ, есть признакъ неразумія и невоспитанности. Это достаточно доказывается тѣмъ, что сельскіе жители особенно изобрѣтательны по части нравоучительныхъ изреченій и легко употребляютъ ихъ. Говорить вообще, когда дѣло не въ общемъ, подобаетъ преимущественно при жалобахъ и преувеличеніяхъ; при этомъ [общее выраженіе слѣдуетъ употреблять] или въ началѣ, или послѣ доказательства. Слѣдуетъ пользоваться и распространенными и общеупотребительными изреченіями, если они пригодны: именно потому, что они общеупотребительны, они кажутся справедливыми, ибо какъ бы признаны всѣми за таковыя, напримѣръ: [полководецъ,] побуждающій [своихъ воиновъ] идти навстрѣчу опасности, не принеся предварительно жертвъ, [можетъ имъ сказать]:

Знаменье лучшее всѣхъ: за отечество храбро сражаться [1])!

а [побуждающій ихъ идти], хотя они слабѣе [противниковъ], [можетъ сказать].

Общій у смертныхъ Арей.... [2]).

И [полководецъ, приказывающій] умерщвлять дѣтей враговъ, хотя они ни въ чемъ неповинны, [можетъ сказать]:

Неразуменъ тотъ, кто, умертвивъ отца, оставитъ въ живыхъ дѣтей [3]).

Кромѣ того, нѣкоторыя изъ пословицъ являются въ то же время изреченіями, напримѣръ, пословица „Аттическій сосѣдъ" [4]). Слѣдуетъ употреблять также изреченія, противорѣчащія ходячимъ изреченіямъ, (я называю, напримѣръ, ходячимъ изреченіе „познай самого себя" и „ничего слишкомъ") въ тѣхъ случаяхъ, когда [приводимое] изреченіе или можетъ показаться лучшимъ со стороны нравственнаго смысла, или произносится подъ вліяніемъ страсти. Изреченіе имѣетъ своимъ источникомъ страсть, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если кто, подъ

---

[1]) Слова Гектора въ Иліадѣ, XII, 243.

[2]) Также слова Гектора, Il. XVIII, 309.

[3] Этотъ стихъ приписывается древнему эпическому поэту Стасину; въ нѣсколько измѣненномъ видѣ стихъ этотъ находимъ въ I кн., 15 гл. Риторики.

[4]) Т. е. дурной сосѣдъ. Аѳиняне, стремясь къ гегемоніи, сдѣлались ненавистными для всѣхъ остальныхъ грековъ. Собственно пословица эта стала употребляться съ тѣхъ поръ, какъ Аѳиняне, явившись на Самосъ, изгнали оттуда прежнихъ обитателей. (См. выше, 6-ю главу II кн.).

вліяніемъ гнѣва, назоветъ ложью изреченіе, что должно познать самого себя, ибо если бы такой то человѣкъ зналъ самого себя, онъ никогда не счелъ бы себя способнымъ быть полководцемъ [1]). А со стороны нравственнаго смысла [представляется] лучшимъ изреченіе, что не слѣдуетъ, какъ принято говорить, любить, какъ бы намѣреваясь возненавидѣть, но скорѣе [слѣдуетъ] ненавидѣть, какъ бы намѣреваясь полюбить. При этомъ слѣдуетъ словами вполнѣ ясно выражать свою мысль, если же она не [выражена ясно], слѣдуетъ присоединять объясненія въ видѣ эпилога, напримѣръ, выразившись такъ: слѣдуетъ любить не такъ, какъ принято это говорить, но какъ бы намѣреваясь любить вѣчно, ибо [любить] иначе свойственно человѣку коварному. Или можно выразиться такъ: не нравится мнѣ это распространенное [изреченіе], ибо истинный другъ долженъ любить такъ, какъ будто бы онъ намѣревался любить вѣчно. Точно также [не нравится мнѣ] изреченіе: „ничего слишкомъ", ибо дурныхъ людей нужно ненавидѣть въ крайней степени.

[Изреченія] представляютъ большую подмогу для рѣчей, вопервыхъ, вслѣдствіе тщеславія слушателей, которые радуются, когда кто нибудь, говоря вообще, выскажетъ мнѣнія, которыхъ держатся слушатели въ отдѣльныхъ случаяхъ. То, что я говорю, станетъ ясно изъ послѣдующаго, такъ же, какъ и способъ, какимъ должно ихъ [то-есть, изреченія] выискивать. Изреченіе, какъ мы сказали, есть утвержденіе съ общимъ значеніемъ, а слушатели радуются, когда ораторъ придаетъ общее значеніе тому, что они раньше признали своимъ мнѣніемъ по отношенію къ частнымъ случаямъ; такъ напримѣръ, кто нибудь, у кого дурные сосѣди или дурныя дѣти, согласится со словами [оратора], что „нѣтъ ничего тяжелѣе сосѣдства", или что „нѣтъ ничего нелѣпѣе дѣторожденія". Такимъ образомъ [ораторъ] долженъ имѣть въ виду, какія условія къ какимъ ведутъ предубѣжденіямъ, и говорить о томъ же съ общей точки зрѣнія. Таково первое изъ преимуществъ, которыя представляетъ употребленіе въ рѣчи изреченій; второе преимущество еще важнѣе: [изреченія] придаютъ рѣчамъ характеръ этическій. Тѣ рѣчи отражаютъ въ себѣ характеръ

---

[1]) Эти слова, по мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, могли принадлежать какому-нибудь панегиристу Ификрата, намекавшему на чрезвычайно скромное происхожденіе Ификрата; мысль здѣсь такая: если бы Ификратъ лучше зналъ свое низкое происхожденіе, онъ никогда не счелъ бы себя способнымъ властвовать.

[оратора], въ которыхъ ясны его намѣренія, а всѣ изреченія таковы, ибо [въ нихъ] приводящій изреченіе высказывается вообще о намѣреніяхъ; такъ что если изреченія по своему нравственному смыслу хороши, то они показываютъ, что и человѣкъ, приводящій ихъ, обладаетъ нравственно-хорошимъ характеромъ.

Вотъ что мы сочли нужнымъ сказать объ изреченіи: что̀ оно такое, сколько видовъ его, какъ слѣдуетъ пользоваться имъ и какую пользу оно приноситъ.

Скажемъ теперь объ энтимемахъ вообще—какимъ образомъ слѣдуетъ ихъ искать, —а потомъ о топахъ, такъ какъ каждая изъ этихъ вещей представляетъ особый видъ.

ГЛАВА XXII.

Энтимема, ея необходимыя свойства.—На основаніи чего слѣдуетъ строить энтимемы?—Два рода энтимемъ.

Ранѣе [1]) мы сказали, что энтимема есть силлогизмъ, и какимъ образомъ она есть силлогизмъ и чѣмъ она отличается отъ діалектическихъ силлогизмовъ. Не слѣдуетъ составлять энтимему, заимствуя [посылки] издалека или заключая въ нихъ все [возможное], ибо въ первомъ случаѣ получится неясность, благодаря длинѣ [энтимемы], а во второмъ это просто болтовня, такъ какъ говорятся вещи пошлыя. Въ этомъ причина, почему люди необразованные въ глазахъ толпы кажутся болѣе убѣдительными, чѣмъ образованные, какъ говорятъ и поэты [2]), что люди необразованные говорятъ болѣе музыкально передъ толпою: одни [т. е. люди образованные] говорятъ объ общихъ вопросахъ съ общей точки зрѣнія, а другіе [т. е. люди необразованные говорятъ] на основаніи того, что знаютъ и о вещахъ, близкихъ [толпѣ]. Такимъ образомъ нужно говорить не на основаніи всего, что покажется пригоднымъ, но на основаніи опредѣленной категоріи вещей, напримѣръ, [тѣхъ, которыя кажутся истинными] судьямъ или тѣмъ, съ мнѣніями которыхъ судьи соглашаются, и это потому, что такія вещи и кажутся очевидными всѣмъ или большинству; при этомъ слѣдуетъ составлять энтимему не только изъ необходимаго, но и изъ того, что бываетъ по бо̀льшей части.

---

[1]) Раньше, см. I кн., II гл. и II кн., гл. XXI.

[2]) Намекъ на стихъ Еврипида (Ипполитъ, 991):

. . . . οἱ γὰρ ἐν σοφοῖς
φαῦλοι παρ' ὄχλῳ μουσικώτεροι λέγειν.

Прежде всего нужно признать, что по поводу чего слѣдуетъ говорить и строить силлогизмы или политическіе, или какіе либо иные, относительно этого необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи и соотвѣтствующія данныя, или всѣ, или нѣкоторыя, ибо, разъ ничего не имѣешь въ распоряженіи, не изъ чего и строить силлогизмъ. Я разумѣю здѣсь, напримѣръ, [такой случай]: какимъ образомъ могли бы мы совѣтовать аѳинянамъ, слѣдуетъ имъ продолжать войну или нѣтъ, если бы мы не знали, каковы ихъ силы, въ чемъ онѣ заключаются — въ морскомъ или сухопутномъ войскѣ, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ, и какъ велики ихъ силы, каковы ихъ доходы, кто ихъ друзья и враги, какія войны они вели раньше и какъ вели и другіе подобные же вопросы. Или [какъ могли бы мы ихъ] хвалить, если бы не имѣли у [себя въ памяти] морскаго сраженія при Саламинѣ, или сраженія при Мараѳонѣ, или того, что сдѣлано было для Ираклидовъ, или чего нибудь другаго подобнаго же, потому что всѣ произносятъ похвалу на основаніи прекрасныхъ дѣяній или кажущихся таковыми. Точно также и хулятъ на основаніи фактовъ противоположнаго характера, разсматривая, что̀ подобное есть за ними [то-есть, за Аѳинянами] или кажется, что есть, напримѣръ, [указывая на то], что они поработили грековъ или обратили въ рабство Эгинетовъ и Потидейцевъ, сподвижниковъ и союзниковъ своихъ въ борьбѣ противъ варваровъ и т. д., вообще на всѣ ихъ прегрѣшенія этого рода. Точно такимъ же образомъ и люди, обвиняющіе и защищающіе, обвиняютъ и защищаютъ, основываясь на имѣющихся въ наличности фактахъ. И такъ нужно поступать безразлично и по отношенію къ Аѳинянамъ, и къ Лакедемонянамъ, и къ человѣку, и къ богу: подавая Ахиллу совѣтъ, и хваля или хуля его, и обвиняя или защищая его—во всѣхъ этихъ случаяхъ нужно брать факты дѣйствительные или кажущіеся таковыми, для того чтобы на основаніи ихъ говорить въ смыслѣ хвалы или порицанія, если есть что нибудь прекрасное или постыдное, въ смыслѣ обвиненія или оправданія, если есть что нибудь справедливое или несправедливое, и въ смыслѣ совѣта, если есть что нибудь полезное или вредное. Подобно этому [слѣдуетъ разсуждать] и о всякомъ другомъ вопросѣ, напримѣръ, о справедливости, есть ли она благо или нѣтъ—слѣдуетъ говорить на основаніи того, что заключаетси въ понятіи справедливости и блага. И такъ какъ всѣ, повидимому, такимъ образомъ строятъ доказательства — составляютъ ли они силлогизмы болѣе строгіе или менѣе строгіе, (ибо они заимствуютъ свои доказательства не отовсюду,

но изъ того, что есть въ наличности относительно каждаго вопроса) и такъ какъ ясно, что доказывать иначе съ помощью рѣчи невозможно — въ виду всего этого, очевидно, необходимо, какъ [мы сказали это] въ Топикѣ, прежде всего имѣть наготовѣ относительно каждаго вопроса избранныя доказательства, касающіяся того, что есть и что наиболѣе существенно. А относительно вопросовъ, возникающихъ случайно, [слѣдуетъ] разыскивать [доказательства] точно такимъ же образомъ, обращая при этомъ вниманіе не на что нибудь неопредѣленное, но на то, что заключается въ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь, и излагая какъ можно бóльшее число [доказательствъ], какъ можно болѣе близкихъ къ дѣлу, ибо чѣмъ бóльше доказательствъ, основанныхъ на фактахъ, тѣмъ легче доказывать, и чѣмъ ближе [они касаются вопроса], тѣмъ будутъ пригоднѣе и тѣмъ менѣе общи. Я называю общими [доказательствами], напримѣръ, восхваленіе Ахилла за то, что онъ былъ человѣкъ, или принадлежалъ къ числу полубоговъ, или что онъ отправился въ походъ противъ Трои; всѣ эти черты принадлежатъ и многимъ другимъ, такъ что такой человѣкъ восхваляетъ Ахилла нисколько не больше, чѣмъ Діомида. Частными [доказательствами я называю] то, что ни съ кѣмъ не случалось, кромѣ Ахилла, напримѣръ, [тотъ фактъ], что онъ убилъ Гектора, лучшаго изъ Троянцевъ, и Кикна [1]) который, будучи неуязвимъ, мѣшалъ всѣмъ высаживаться съ кораблей,—и [тотъ фактъ] что онъ отправился въ походъ, будучи самымъ молодымъ [изъ царей] и не будучи связанъ клятвой—и всѣ тому подобныя [доказательства].

Итакъ вотъ одинъ способъ избирать [доказательства], и этотъ способъ—первый топическій. [Теперь] скажемъ объ элементахъ энтимемы; я называю одно и тоже элементомъ и топомъ энтимемы. И сначала скажемъ о томъ, о чемъ необходимо сказать сначала. Есть два вида энтимемъ: однѣ показательныя, [показывающія], что что-нибудь существуетъ или не существуетъ, другія — обличительныя. Онѣ различаются между собою такъ же, какъ въ діалектикѣ доказательство (ἔλεγχος) и силлогизмъ. Показательная энтимема есть силлогизмъ построенный на основаніи посылокъ, признаваемыхъ [противникомъ], а энтимема изобличительная есть силлогизмъ съ посылками, не признаваемыми [противникомъ]. Можно сказать, относительно всѣхъ видовъ вещей полез-

---

[1]) Сынъ Нептуна, убитый Ахилломъ.

ныхъ и необходимыхъ есть топы, ибо есть особыя посылки относительно каждаго [вопроса]; такимъ образомъ у насъ есть заранѣе установленные топы, на основанiи которыхъ нужно строить энтимемы о хорошемъ или дурномъ, прекрасномъ или постыдномъ, справедливомъ или несправедливомъ, а равнымъ образомъ и о характерахъ, страстяхъ и нравственныхъ качествахъ.

Разсмотримъ еще и съ другой точки зрѣнія энтимемы вообще, при чемъ будемъ говорить о нихъ, различая топы изобличительные, показательные и топы кажущихся энтимемъ, которыя не энтимемы, такъ какъ онѣ не силлогизмы. Разъяснивъ это, разберемъ вопросъ о разрѣшеніяхъ энтимемъ и о противодѣйствіяхъ имъ — откуда слѣдуетъ ихъ брать.

ГЛАВА XXIII.

Различные топы, которыми можно пользоваться въ рѣчи для построенія энтимемъ.—Преимущество энтимемъ обличительныхъ.

Для показательныхъ энтимемъ одинъ топъ заключается въ понятіи противоположномъ: нужно смотрѣть, есть ли для противоположнаго противоположное, уничтожая [доказательство], если противоположнаго нѣтъ, и строя [доказательство], если противоположное есть, [таково] напримѣръ [доказательство], что быть умѣреннымъ хорошо, такъ какъ быть невоздержнымъ вредно. Или какъ въ Мессенской [рѣчи] [1]: если въ войнѣ причина настоящихъ бѣдствій, то съ наступленіемъ мира мы должны отправиться.

Если не справедливо впасть въ гнѣвъ на тѣхъ, кто сдѣлалъ намъ зло, не желая этого,
То также, если кто нибудь по принужденію сдѣлаетъ намъ добро,
Не слѣдуетъ считать себя обязанными благодарностью по отношенію къ нему [2]).

И:

Если возможно предъ людьми говорить ложь правдоподобнымъ образомъ,
То слѣдуетъ тебѣ предполагатъ и противоположное—
Что много истиннаго въ глазахъ людей является неправдоподобнымъ [3]).

Другой топъ [получается] изъ одинаковыхъ падежей, ибо въ

---

[1]) Это рѣчь Алкидаманта изъ Элеи, ученика Горгія. Аристотель упоминаетъ о немъ въ XIII гл. I кн.

[2]) Стихи неизвѣстнаго трагика.

[3]) Стихи Еврипида изъ потерянной трагедіи.

такихъ случаяхъ] одинаковымъ образомъ что нибудь должно быть или не быть, [таково], напримѣръ, [утвержденіе], что не все справедливое хорошо, такъ какъ [иначе] все, что дѣлается справедливо, было бы хорошо, а между тѣмъ нисколько не желательно справедливо умереть. Еще одинъ [топъ получается] изъ взаимнаго отношенія двухъ предметовъ, напримѣръ, если фактъ, что одно изъ двухъ лицъ совершило прекрасный и справедливый поступокъ, то фактъ также, что другое лицо испытало [на себѣ дѣйствіе этого поступка], и если [фактъ, что одно лицо что нибудь] приказало, то [фактъ, что другое лицо] исполнило приказаніе, какъ напримѣръ, [говорилъ] откупщикъ податей Діомедонтъ [1]) о податяхъ: если вамъ не стыдно продавать—и намъ не стыдно покупать. И если фактъ, что испытавшій что нибудь [испыталъ, это] прекрасно и справедливо, то [фактъ, что] и для совершившаго [это прекрасно и справедливо]. Но здѣсь возможно и невѣрное заключеніе, ибо если кто нибудь по справедливости испыталъ что нибудь, то онъ по справедливости потерпѣлъ, но, можетъ быть, ему слѣдовало потерпѣть не отъ тебя именно. Поэтому нужно разсматривать отдѣльно, достоинъ ли потерпѣвшій потерпѣть и совершившій совершить, а потомъ уже пользоваться [фактами] въ какую изъ двухъ сторонъ слѣдуетъ, ибо въ этихъ случаяхъ иногда получается противорѣчіе, какъ, напримѣръ, въ Алкмеонѣ Өеодекта [2]):

Развѣ кто изъ смертныхъ не чувствовалъ отвращенія къ твоей матери?

А онъ отвѣчаетъ:

Но здѣсь слѣдуетъ смотрѣть [на дѣло] съ различныхъ точекъ зрѣнія

И на вопросъ Альфесивіи [3])—какъ? онъ отвѣчаетъ:

Они осудили ее на смерть, но не [присудили] мнѣ умертвить ее.

[Такого же рода фактомъ является] и судъ надъ Демосөеномъ и надъ убійцами Никанора [4]): такъ какъ [судьи] рѣшили, что убійцы его справедливо убили, то показалось, что смерть его была

---

[1]) Діомедонтъ, лицо неизвѣстное въ исторіи.

[2]) Өеодектъ изъ Фасилиды въ Ликіи, ученикъ Платона и Исократа, ораторъ и трагическій поэтъ. По преданію онъ написалъ 50 трагедій. Алкмеонъ убилъ свою мать Эрифилу, которая была причиной смерти своего мужа Амфіарая.

[3]) Алфесивія—жена Алкмеона.

[4]) Никаноръ, одинъ изъ полководцевъ Александра Великаго: послѣ смерти Александра Никаноръ былъ правителемъ части Македоніи и хотѣлъ подчинить себѣ всю Грецію, но былъ убитъ своими родственниками.

справедлива. Тоже [можно сказать] и относительно человѣка убитаго въ Ѳивахъ [1]), по поводу [смерти] котораго [обвиняемый въ убійствѣ] предлагаетъ разсудить, было ли согласно со справедливостью, чтобы онъ умеръ, такъ какъ-де не несправедливо убить человѣка, смерть котораго согласна со справедливостью.

Еще одинъ [топъ получается] изъ понятія бо́льшаго и меньшаго, напримѣръ: если даже боги знаютъ не все, то едва ли [все знаютъ] люди. Это значитъ, что если чего нибудь нѣтъ [у человѣка], у котораго это должно бы быть въ бо́льшей степени, то ясно, что [этого] нѣтъ [и у человѣка], обладающаго этимъ въ меньшей степени. А [заключеніе], что бьетъ своихъ близкихъ тотъ, кто бьетъ своего отца, [выводится] изъ того, что если есть меньшее, то есть и бо́льшее, ибо рѣже бьютъ своихъ отцевъ, чѣмъ своихъ близкихъ. Можно доказывать или такъ, или же, если чего нибудь нѣтъ у человѣка, обладающаго этимъ въ бо́льшей степени, или если что нибудь есть у человѣка, обладающаго этимъ въ меньшей степени, нужно показать то и другое, [приходится ли доказывать], что что нибудь есть, или же, что чего нибудь нѣтъ. [Этотъ топъ имѣетъ силу и въ томъ случаѣ], если чего нибудь нѣтъ ни въ бо́льшей, ни въ меньшей степени [съ обѣихъ сторонъ], почему и сказано:

И твой отецъ достоинъ сожалѣнія, такъ какъ онъ потерялъ своихъ дѣтей;
Но не достоинъ ли сожалѣнія и Иней, потерявшій славнаго, потомка [2])?

И [отсюда также говорятъ], что если Тезей [3]) не совершилъ несправедливости, то не [совершилъ ея] и Александръ, и если не [поступили несправедливо] Тиндариды [4]), то не [поступилъ такъ] и Александръ, и если Гекторъ [не поступилъ несправедливо] по отношенію къ Патроклу, то [не поступилъ такъ] и Александръ по отношенію къ Ахиллу. И если другіе спеціалисты по какому либо дѣлу не ничтожны, то не [ничтожны] и философы. И если не заслуживаютъ

---

[1]) Рѣчь идетъ объ Евфронѣ, исторію котораго разказываетъ Ксенофонтъ въ Ἑλληνικά VII, 3.

[2]) Стихи неизвѣстнаго трагика, быть можетъ—Антифонта. Слова эти обращены къ Алѳеѣ, женѣ Инея и сестрѣ Токсея и Плексиппа, погибшихъ отъ руки Мелеагра, сына Инея.

[3]) Тезей прежде, чѣмъ Парисъ похитилъ Елену.

[4]) Касторъ и Полидевкъ, братья Елены, похитившіе дочерей Левкиппа.

презрѣнія полководцы за то, что ихъ часто осуждаютъ на смерть, то не [заслуживаютъ его] и софисты. И что если частному человѣку слѣдуетъ заботиться о вашей славѣ, то и вамъ слѣдуетъ заботиться о славѣ Грековъ.

Другой [топъ получается] изъ данныхъ времени, какъ, напримѣръ, говорилъ Ификратъ [1]) въ своей рѣчи противъ Армодія: если бы я, прежде чѣмъ сдѣлать дѣло, попросилъ у васъ статуи, вы бы дали мнѣ ее; и вы не дадите ея, когда я сдѣлалъ дѣло? Не обѣщайте же, когда имѣете въ виду что нибудь, и не отнимайте, когда получили желаемое. То же самое [можно сказать] по поводу того, что Ѳивяне должны пропустить Филиппа въ Аттику, ибо они пообѣщали бы ему это, если бы онъ попросилъ, прежде чѣмъ помочь имъ противъ Фокеянъ [2]). Не будетъ никакого смысла, если они не пропустятъ его потому, что онъ упустилъ изъ виду [возможность сопротивленія] и положился на нихъ.

Еще одинъ [топъ получается], если сказанное противъ насъ самихъ мы обратимъ противъ сказавшаго. Этотъ способъ имѣетъ много за себя; какъ, напримѣръ, [видно] изъ трагедіи „Тевкръ“ [3]). Ификратъ воспользовался этимъ способомъ противъ Аристофонта [4]), спросивъ его: продалъ ли бы онъ за деньги флотъ? И затѣмъ на отрицательный отвѣтъ его сказалъ: ты, Аристофонтъ, не продалъ бы, а я, Ификратъ, продалъ бы? Но [при этомъ способѣ] необходимое [условіе], чтобы противникъ казался болѣе способнымъ совершить несправедливость, [чѣмъ мы], въ противномъ случаѣ [фраза] показалась бы смѣшной, напримѣръ, если бы кто нибудь сказалъ это [то-есть то, что сказалъ Ификратъ] въ отвѣтъ на обвиненіе со стороны Аристида; [этотъ способъ пригоденъ лишь тогда], когда обвинитель уже пользуется недовѣріемъ. Вообще обвинитель желаетъ быть лучше обвиняемаго — и съ этой стороны

---

1) Рѣчь Ификрата, не дошедшая до насъ, носила заглавіе: Περὶ τῆς εἰκόνος πρὸς Ἁρμόδιον ἀπολογία. Личность Армодія точно не извѣстна. Изъ приводимаго Аристотелемъ отрывка рѣчи видно, что Ификратъ требовалъ себѣ статуи и что Армодій былъ противъ этого.

2) Здѣсь разумѣются событія, предшествовавшія Херонейской битвѣ.

3) Объ этой трагедіи упоминаетъ Аристотель еще разъ (см. III кн., XV гл.). Полагаютъ, что она принадлежала Софоклу.

4) Рѣчь Ификрата противъ Аристофонта носила заглавіе Περὶ προδοσίας. По смыслу приводимаго Аристотелемъ отрывка нужно предположить, что Аристофонтъ (по другому чтенію Антифонтъ) обвинялъ Ификрата въ государственной измѣнѣ.

его всегда нужно изобличать. Вообще нелѣпо въ другихъ порицать то, что самъ дѣлаешь или можешь сдѣлать, или другихъ побуждать дѣлать то, чего самъ не дѣлаешь и не можешь сдѣлать.

Еще одинъ [топъ получается] изъ опредѣленія понятія, напримѣръ, что такое [Сократовскій] „демоніонъ"? Есть ли это божество или созданіе божества? Впрочемъ тотъ, кто думаетъ, что демоніонъ — созданіе божества, тотъ необходимо вѣритъ въ существованіе боговъ [1]). И какъ [разсуждаетъ] Ификратъ, что лучшій изъ людей есть и благороднѣйшій, ибо въ Армодіи и Аристогитонѣ не было ничего благороднаго, прежде чѣмъ они совершили нѣчто благородное [2]). [И въ доказательство того], что самъ онъ болѣе сроденъ [Армодію и Аристогитону], чѣмъ его противникъ [прибавляется]: „мои дѣла болѣе сродны дѣламъ Армодія и Аристогитона, чѣмъ твои". И какъ [говорится] въ „Александрѣ" [3])—что всѣ согласятся, что люди невоздержные любятъ пользоваться тѣломъ не одного лица. [Таково же основаніе], почему и Сократъ не хотѣлъ идти къ Архелаю [4]): [какъ онъ говорилъ], одинаково оскорбительно не имѣть возможности отплатить за оказанное добро и за сдѣланное зло. Всѣ эти люди [то-есть разсуждающіе такимъ образомъ] строятъ силлогизмы по поводу того, о чемъ говорятъ, давъ опредѣленіе и разобравъ, въ чемъ то или другое понятіе заключается.

Еще одинъ [топъ составляется] на основаніи нѣсколькихъ значеній [которыя можетъ имѣть слово], какъ напримѣръ, [мы говорили] въ Топикѣ о словѣ „хорошо".

Еще одинъ [топъ получается] изъ раздѣленія, напримѣръ, если всѣ поступаютъ несправедливо по тремъ причинамъ—или по этой, или по той, или по той—по двумъ первымъ [поступить несправедливо въ данномъ случаѣ] невозможно, а о третьей не говорятъ сами [обвинители].

Еще одинъ [топъ заимствуется] изъ наведенія, [это видно], напримѣръ, изъ пепариѳійской рѣчи [5])—что относительно дѣтей вездѣ истину

[1]) Аристотель, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду обвиненія высказанныя противъ Сократа, и аргументацію Сократа для опроверженія ихъ.

[2]) Отрывокъ изъ рѣчи Ификрата противъ Армодія, о которой шла рѣчь выше.

[3]) Отрывокъ изъ неизвѣстно кому принадлежавшей рѣчи, имѣвшей, очевидно, цѣлью оправдать Париса.

[4]) Македонскій царь Архелай приглашалъ къ себѣ Сократа, но послѣдній отказался, на томъ основаніи, что онъ, Сократъ, не будетъ въ состояніи возвратить ему то, что отъ него получитъ.

[5]) Пепариѳа—одинъ изъ Цикладскихъ островов.

разбираютъ женщины, такъ въ Аѳинахъ, когда ораторъ Мантій[1]) началъ тяжбу противъ сына, выяснила дѣло мать, такъ и въ Ѳивахъ Додонида разрѣшила споръ Исминія и Стильвона, указавъ, что ребенокъ сынъ Исминія, и потому Ѳетталиска признали сыномъ Исминія. Тоже [видно] и изъ „Закона“ Ѳеодекта[2]): если мы не довѣряемъ своихъ лошадей людямъ, которые дурно смотрѣли за лошадьми другихъ лицъ, и своихъ кораблей людямъ, погубившимъ корабли другихъ лицъ, и если во всѣхъ случаяхъ [нужно поступать] одинаково— то не должно для собственнаго спасенія пользоваться помощью людей, которые дурно охранили благополучіе другихъ лицъ. И какъ Алкидамантъ [доказываетъ], что всѣ почитаютъ мудрецовъ: Паросцы почитали Архилоха, хотя онъ былъ клеветникъ, Хіосцы—Гомера хотя онъ не былъ ихъ согражданиномъ, Митиленцы—Сафо, хотя она была женщина, Лакедемоняне избрали Хилона въ число геронтовъ, хотя чрезвычайно мало любили науки, Италійцы—Пиѳагора, жители Лампсака похоронили Анаксагора, хотя онъ былъ чужестранецъ, и, почитаютъ его и понынѣ... что Аѳиняне пользовались благополучіемъ, пока руководились законами Солона, а Лакедемоняне—пока руководились законами Ликурга, что, точно также, какъ только въ Ѳивахъ во главѣ правленія стали философы, государство начало пользоваться благополучіемъ.

Еще оцинъ [топъ почерпается] изъ приговора, [произнесеннаго] по поводу такого же самаго [дѣла] или подобнаго, или противоположнаго, особенно, если [его произносятъ] всѣ и всегда, если же нѣтъ, то если [его произноситъ] большинство людей, или люди мудрые — или всѣ, или большинство ихъ, или люди хорошіе и сами судьи, или люди, мнѣнію которыхъ судьи придаютъ вѣсъ, или люди, рѣшенію которыхъ противорѣчить невозможно, напримѣръ, людямъ, власть имѣющимъ, или тѣ, съ рѣшеніемъ которыхъ расходиться не хорошо, напримѣръ, съ богами, отцомъ, наставниками, какъ Автоклъ[3]) говорилъ противъ Миксидимида: если Евменидамъ угодно было явиться предъ судомъ Ареопага, Миксидимиду это не [угодно]? Или какъ Сафо [доказывала], что смерть есть зло: сами боги такъ думаютъ, ибо [иначе] они умирали бы, [какъ мы]. Или какъ Ари-

[1]) Ораторъ Мантій—лицо неизвѣстное.

[2]) „Законъ“ былъ, вѣроятно, заглавіемъ одной изъ рѣчей Ѳеодекта, о которомъ см. стр. 64, прим. 2.

[3]) Автоклъ, ораторъ, котораго Ксенофонтъ называетъ очень краснорѣчивымъ (Ἑλλην. VII, 3, 7).

стиппъ [1]) [замѣтилъ] Платону, высказавшемуся по поводу чего то слишкомъ, какъ онъ думалъ, самонадѣянно: нашъ товарищъ [не сказалъ бы] ничего подобнаго,—разумѣя Сократа. И Игисиполидъ [2]) въ Дельфахъ спрашивалъ бога, предварительно вопросивъ оракула въ Олимпіи, такого ли же онъ [Аполлонъ] мнѣнія, какъ и его отецъ, такъ какъ постыдно сказать что нибудь противоположное. И какъ Исократъ [3]) писалъ о Еленѣ, что она была добродѣтельна, если Ѳисей призналъ [ее таковой], и объ Александрѣ, которому отдали предпочтеціе богини, и объ Евагорѣ [4]), что онъ добродѣтеленъ, какъ говоритъ Исократъ, ибо Кононъ, впавъ въ бѣдственное положеніе, оставилъ всѣхъ остальныхъ и пришелъ къ Евагору.

Еще одинъ [топъ почерпается] изъ частей, какъ въ Топикѣ [рѣшается вопросъ о томъ], какое движеніе есть душа? Потому что она есть движеніе такое или другое. Примѣръ этого можно заимствовать изъ Ѳеодектова Сократа [5]), [гдѣ говорится]: противъ какой святыни онъ согрѣшилъ? Кому изъ боговъ, почитаемыхъ государствомъ, не выказалъ почтенія?

Такъ какъ по бо́льшей части случается, что за однимъ и тѣмъ же слѣдуетъ или что нибудь хорошее, или что нибудь дурное, то еще одинъ топъ [заключается] въ убѣжденіи или отсовѣтованіи чего нибудь, обвиненіи или защитѣ, восхваленіи или порицаніи, на основаніи его послѣдствій, напримѣръ, [если сказать], что образованіе влечетъ за собой нѣчто дурное: [человѣкъ] дѣлается предметомъ зависти—и нѣчто хорошее: онъ становится мудрымъ. Итакъ не слѣдуетъ быть образованнымъ, ибо не слѣдуетъ быть предметомъ зависти, однако слѣдуетъ быть образованнымъ, ибо слѣдуетъ быть мудрымъ.

Этотъ топъ составлялъ искусство Каллиппа [6]), который кромѣ того пользовался еще доказательствомъ отъ возможнаго и другими [доказательствами], о которыхъ мы говорили.

Еще одинъ [топъ возникаетъ тогда], когда нужно совѣтовать или

---

[1]) Аристиппъ, извѣстный философъ изъ Кирины.

[2]) Подробнѣе та-же исторія разказана у Ксенофонта: Ἑλλ. IV, 7, 2.

[3]) Исократу принадлежитъ „Похвала Елены“.

[4]) Кипрскій царь, въ честь котораго Исократъ написалъ рѣчь.

[5]) Вѣроятно, Ѳеодектъ составилъ апологію Сократа, которую озаглавилъ именемъ Сократа.

[6]) Каллиппъ, аѳинскій риторъ, ученикъ, быть можетъ, Исократа.

отсовѣтовать какія нибудь двѣ вещи—и притомъ противоположныя и прилагать къ обѣимъ указанный сейчасъ способъ. Разница [между указаннымъ и настоящимъ случаемъ та], что тамъ противополагаются все равно какіе элементы, а здѣсь — дѣйствительныя противоположности, напримѣръ, одна жрица не позволяла своему сыну говорить политическія рѣчи, говоря: „если ты будешь говорить справедливое, тебя возненавидятъ люди, а если несправедливое—боги". Но [можно также сказать, что] должно говорить такія рѣчи, ибо если ты будешь говорить справедливое, тебя полюбятъ боги, если несправедливое—люди. Это совершенно тожественно съ пословицей: покупать болото и соль [1]). Когда за каждой изъ двухъ противоположныхъ вещей слѣдуетъ и [нѣкоторое] добро, и [нѣкоторое] зло, [причемъ и тѣ, и другія послѣдствія] взаимно противоположны—это называется βλαίσωσις (собственно, кривизна ногъ, выгнутыхъ—одна въ одну, другая въ другую сторону).

Еще одинъ [топъ получается], когда люди не одно и тоже хвалятъ на словахъ и про себя, но на словахъ хвалятъ преимущественно все справедливое и прекрасное, а про себя болѣе желаютъ полезнаго—здѣсь можно строить двоякій силлогизмъ; этотъ способъ наиболѣе пригоденъ по отношенію къ парадоксамъ.

Еще одинъ [топъ почерпается] изъ заключенія, что по аналогіи получалось бы то-то, какъ напримѣръ, когда сына Ификрата, по возрасту еще очень молодаго, хотѣли заставить принимать участіе въ государственныхъ повинностяхъ, на томъ основаніи, что онъ великъ ростомъ, то Ификратъ сказалъ, что если они дѣтей, высокихъ ростомъ, считаютъ мужами, то признаютъ людей, низкихъ ростомъ, за дѣтей. И [какъ] Ѳеодектъ [говорилъ] въ своемъ „Законѣ": вы даете право гражданства наемникамъ, напримѣръ, Страваку и Харидиму, за ихъ доблесть, и не отправите въ изгнаніе тѣхъ изъ наемниковъ, которые совершили ужасныя дѣла?

Еще одинъ [топъ получается] изъ [разсужденія], что если послѣдствія чего нибудь тожественны, то и причины, вызвавшія ихъ, также тожественны, какъ напримѣръ, Ксенофанъ говорилъ, что одинаково богохульствуютъ тѣ, кто утверждаетъ, что боги родились, и тѣ,

---

[1]) Смыслъ этого мѣста не вполнѣ ясенъ. Вѣроятно, смыслъ этой пословицы таковъ; покупая соль, то-есть нѣчто хорошее, покупаешь вмѣстѣ съ ней и болото (грязь, отъ которой соль еще не очищена), то-есть нѣчто дурное, слѣдовательно дѣлая эту покупку, дѣлаешь одновременно и нѣчто хорошее, и нѣчто дурное.

кто утверждаетъ, что боги умираютъ, ибо въ томъ и въ другомъ случаѣ выходитъ, что въ извѣстное время боги не существуютъ.— Вообще [нужно] утверждать, что слѣдствія всякой [причины] всегда тожественны: вамъ предстоитъ изрѣчь приговоръ не объ Исократѣ, а о занятіи: слѣдуетъ ли заниматься философіей. [Точно также можно сказать], что „давать землю и воду значитъ отдать себя въ рабство“, и что, „участвовать въ общемъ мирѣ значитъ исполнять условленное“. При этомъ [изъ двухъ способовъ] нужно брать тотъ, который полезенъ.

Еще одинъ [топъ получается] вслѣдствіе того, что люди не всегда въ послѣдствіи держатся такого же образа мыслей, какого [держались] раньше, но противоположнаго, какъ напримѣръ, въ слѣдующей энтимемѣ: если, находясь въ изгнаніи, мы сражались, чтобы вернуться въ отечество, неужели по возвращеніи въ отечество мы снова отправимся въ изгнаніе, чтобы не сражаться? [На самомъ же дѣлѣ], иногда люди предпочитали оставаться въ отечествѣ съ тѣмъ, чтобы взамѣнъ этого сражаться, а иногда [предпочитали] не сражаться [и покупали это право] цѣною изгнанія.

Еще одинъ [топъ заключается] въ утвержденіи, что что нибудь есть или произошло вслѣдствіе того, вслѣдствіе чего могло быть или произойдти, напримѣръ, что кто нибудь подарилъ [что нибудь] какому нибудь лицу съ тою цѣлью, чтобы огорчить потомъ это лицо, отнявъ [у него подарокъ], отчего и говорится: многимъ людямъ божество посылаетъ много удачъ не по своей благосклонности, но для того чтобы они подверглись болѣе явнымъ бѣдамъ. Отсюда также слова изъ [трагедіи] „Мелеагръ“ Антифонта: [Они собрались здѣсь], не для того, чтобы убивать звѣрей, но для того, чтобы стать свидѣтелями доблести Мелеагра передъ Греціей. Отсюда также слова изъ Ѳеодектова Эанта, что Діомидъ избралъ себѣ товарищемъ Одиссея не потому, что уважалъ его, но съ тою цѣлью, чтобы его спутникъ уступалъ ему въ мужествѣ; потому что возможно предположеніе, что онъ такъ сдѣлалъ именно поэтому.

Еще одинъ [топъ], общій при тяжбахъ и совѣщаніяхъ, [заключается] въ разсмотрѣніи обстоятельствъ, способствующихъ и препятствующихъ, а также тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ люди что нибудь дѣлаютъ или избѣгаютъ дѣлать; таковы обстоятельства, при наличности которыхъ нужно дѣлать что нибудь, а при отсутствіи—нужно не дѣлать, напримѣръ, если что нибудь возможно, легко и полезно или для самого человѣка, или для его друзей, или же вредно и невы-

годно для враговъ, или же если наказаніе [за проступокъ] меньше самаго проступка. Люди побуждаютъ, исходя изъ этихъ [мотивовъ], и отклоняютъ, исходя изъ [мотивовъ] противоположныхъ. Исходя изъ тѣхъ же самыхъ [мотивовъ], люди обвиняютъ и оправдываются: оправдываются, опираясь [на обстоятельства], препятствующія [совершенію чего нибудь], и обвиняютъ, опираясь на [обстоятельства] способствующія. Этотъ способъ составляетъ все искусство Памфила [1]) и Каллиппа [2]).

Еще одинъ [топъ получается] изъ вещей, которыя, повидимому, совершаются, но кажутся сами по себѣ невѣроятными; [топъ этотъ основывается на томъ], что данныя вещи не представлялись бы такими, если бы онѣ не существовали или не были близки [къ осуществленію]. И еще болѣе [онъ основанъ на томъ], что люди вѣрятъ въ то, что существуетъ или что правдоподобно; если же что нибудь не возбуждаетъ довѣрія и неправдоподобно, то оно все-таки можетъ быть истиннымъ, ибо вещь представляется такой [то-есть истинной], не потому что она возможна и правдоподобна, какъ напримѣръ, сказалъ Андроклъ [3]) изъ Питѳы, осуждая законъ,—когда въ отвѣтъ на его слова раздался шумъ: законы нуждаются въ законѣ, который бы ихъ исправилъ, потому что и рыбы нуждаются въ соли, хотя представляется невозможнымъ и неправдоподобнымъ, чтобы нуждались въ соли существа, питающіяся солоностью,—и оливы [нуждаются въ маслѣ, хотя кажется невѣроятнымъ, чтобы въ маслѣ нуждалось] то, изъ чего масло происходитъ.

Другой [топъ]—изобличительный [заключается] въ разсмотрѣніи противорѣчій, если какое нибудь противорѣчіе очевидно изо всѣхъ временъ, поступковъ и рѣчей, и его или [можно приписать] противнику, напримѣръ: онъ говоритъ, что любитъ васъ, а между тѣмъ онъ участвовалъ въ заговорѣ тридцати — или [отнести] къ самому себѣ, напримѣръ: онъ говоритъ, что я люблю тяжбы, но не можетъ доказать, чтобы я когда нибудь велъ хотя одну тяжбу,—или къ самому себѣ и къ противнику, напримѣръ: этотъ человѣкъ никогда ничего не ссужалъ, а я освободилъ [отъ рабства] многихъ изъ васъ.

---

[1]) Памфилъ былъ ученикъ Платона. Цицеронъ (De Natura deorum, I, 26) говоритъ, что Эпикуръ былъ его ученикомъ на Самосѣ.

[2]) Каллиппъ—см. выше, эту же главу.

[3]) Андроклъ—одинъ изъ обвинителей Алкивіада въ дѣлѣ о разбитыхъ статуяхъ Гермеса.

По отношенію къ людямъ и вещамъ, о которыхъ раньше дѣйствительно или повидимому создалась клевета, есть еще одинъ топъ, заключающійся въ изложеніи причины извращеннаго мнѣнія, ибо [всегда] есть нѣчто, вслѣдствіе чего это такъ кажется. Такъ напримѣръ, о какой то женщинѣ, вслѣдствіе того, что она цѣловала своего сына, распространился слухъ, что она въ связи съ мальчикомъ, но когда была высказана причина этого, то клевета уничтожилась. И еще какъ въ Θеодектовомъ Эантѣ Одиссей говоритъ Эанту, почему онъ, будучи мужественнѣе Эанта, не кажется [таковымъ].

Еще одинъ [топъ проистекаетъ] изъ причины; [онъ заключается въ доказательствѣ], что что нибудь есть, если есть [его причина], и что чего нибудь нѣтъ, если нѣтъ [причины]; ибо причина и то, чему она служитъ причиной, сосуществуютъ, и ничто не существуетъ безъ причины; такъ напримѣръ, Леодамантъ [1]), оправдываясь противъ обвиненія Θрасивула [2]) въ томъ, что имя его было начертано на колоннѣ въ Акрополѣ и что онъ стеръ надпись при Тридцати, сказалъ, что это не имѣетъ смысла, ибо Тридцать болѣе довѣряли бы ему, если бы о его ненависти къ народу было написано [на колоннѣ].

Еще одинъ [топъ заключается] въ обсужденіи, нельзя ли было или нельзя ли теперь сдѣлать иначе и лучше, чѣмъ совѣтуютъ, или дѣлаютъ, или сдѣлали, ибо очевидно, что если это такъ, то [человѣкъ] не сдѣлалъ [того то], такъ какъ никто добровольно и сознательно не предпочитаетъ дурное. Но такое [разсужденіе] невѣрно, ибо часто потомъ становится очевидно, какъ было лучше сдѣлать, а сначала это было неясно.

Еще одинъ [топъ], когда люди намѣрены сдѣлать что нибудь противоположное сдѣланному раньше, [заключается] въ разсмотрѣніи вмѣстѣ [того и другаго], какъ напримѣръ, Ксенофанъ на вопросъ Элеатовъ, нужно ли имъ приносить жертвы Левкоѳеѣ [3]) и оплакивать ее, или нѣтъ, посовѣтовалъ не оплакивать [ее], если они считаютъ ее богиней, если же человѣкомъ, то не приносить ей жертвъ.

Еще одинъ [топъ заключается] въ обвиненіи или оправдываніи на основаніи сдѣланныхъ ошибокъ, какъ напримѣръ, въ Медеѣ Кар-

---

[1]) Леодамантъ изъ Ахарнъ, ученикъ Исократа, по Эсхину, превосходившій изяществомъ рѣчи Демосѳена.

[2]) Θрасивулъ изъ Коллита, не тотъ, который ниспровергъ правленіе Тридцати.

[3]) Левкоѳея (Иноя), дочь Кадма, супруга Аѳаманта. Она утопилась въ Средиземномъ морѣ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Меликертомъ.

кина [1]) Медею обвиняютъ въ томъ, что она убила своихъ дѣтей, ибо они не появляются; Медея совершила проступокъ выразившійся въ удаленіи дѣтей. Она же оправдывается тѣмъ, что она убила бы не дѣтей, но Ясона, что она сдѣлала бы ошибку, не исполнивъ этого, если бы она и сдѣлала другое. Этотъ топъ и видъ энтимемы составляли первоначально все искусство Θеодора [2]).

Другой [топъ заимствуется] отъ имени, какъ напримѣръ, Софоклъ говоритъ: Это—точно Сидеро [3]), къ тому же и носящая это имя. Такъ обыкновенно говорятъ въ хваленіяхъ богамъ, такъ и Кононъ называлъ Θрасивула [4]) смѣлымъ на совѣтъ, и Иродикъ [5]) говорилъ Θрасимаху: ты всегда смѣлъ въ борьбѣ, и Полу: ты всегда жеребенокъ. [Онъ говорилъ] также о законодателѣ Драконѣ: это законы не человѣка, а Дракона, такъ они суровы. И какъ Экава у Еврипида [6]) [говоритъ] объ Афродитѣ:

И имя богини по справедливости начинается съ безумія.

И какъ Херимонъ [7]) [говоритъ]:

Пенθей, получившій имя отъ грядущаго бѣдствія [8]).

Изъ энтимемъ бо́льшей извѣстностью пользуются изобличительныя, чѣмъ показательныя, ибо изобличительная энтимема есть сводъ вкратцѣ противоположныхъ мнѣній, которыя, находясь рядомъ, становятся яснѣе для слушателя. Но изъ всѣхъ силлогизмовъ—изобличительныхъ и показательныхъ—всего болѣе впечатлѣнія производятъ тѣ, которые съ самаго начала предугадываются слушателями, но не потому, что они

---

[1]) Каркинъ, аθинскій поэтъ жившій въ IV вѣкѣ.

[2]) Θеодоръ родомъ изъ Византіи, современникъ Лисія.

[3]) Здѣсь непереводимая игра словъ: по греч. σίδηρος—желѣзо, въ тоже время Σιδηρὼ есть женское собственное имя.

[4]) Здѣсь опять игра словъ: имя Θрасивулъ въ переводѣ на русскій языкъ значитъ смѣлый совѣтомъ, имя Θрасимахъ—смѣлый въ бою, имя Полъ-жеребенокъ.

[5]) Имя Иродикъ встрѣчалось раньше, въ 5-й гл. I кн., здѣсь, повидимому, Аристотель имѣетъ въ виду то-же лицо, Селимврійца, медика.

[6]) См. Троянки Еврипида, ст. 990. Первая половина имени Афродиты напоминаетъ слово ἄφρων", „безумный".

[7]) Херимонъ, трагическій поэтъ, Аристотель упоминаетъ о немъ еще въ III кн. (гл. 12).

[8]) По гречески—Πένθος значитъ печаль, скорбь.

поверхностны: [слушатели] сами радуются, заранѣе предчувствуя [заключенiе]—а также тѣ, которые являются [въ рѣчи] такъ поздно, что слушатели понимаютъ ихъ, какъ только они произнесены.

ГЛАВА XXIV.

Кажущiяся энтимемы.—Различные топы, которыми можно пользоваться для кажущихся энтимемъ.

Такъ какъ возможны случаи, когда одно есть силлогизмъ, а другое не есть [силлогизмъ], а только кажется [имъ], то, необходимо, также одно есть энтимема, а другое не есть энтимема, но кажется [ею], ибо энтимема есть нѣкотораго рода силлогизмъ. Изъ топовъ кажущихся энтимемъ одинъ касается способа выраженiя: одинъ видъ [этого топа заключается въ томъ], чтобы какъ и въ дiалектикѣ, окончательно выводить заключенiе, не построивъ силлогизма, [напримѣръ]: итакъ того то и того то нѣтъ, слѣдовательно то-то и то-то необходимо есть. Такое разсужденiе. сжатое и противоположное [энтимемамъ], кажется энтимемой, ибо такой способъ выраженiя относится къ области энтимемы. Онъ представляется [энтимемой] по самой схемѣ выраженiя. Для того чтобы придать изложенiю силлогистическую форму, полезно приводить главные выводы многихъ силлогизмовъ, напримѣръ, что онъ спасъ однихъ, отмстилъ другимъ, освободилъ грековъ. Каждый изъ этихъ выводовъ доказанъ изъ другихъ [положенiй] но если [эти выводы] соединить, то кажется, что и изъ нихъ получается какой то [выводъ]. Другой видъ энтимемъ [кажущихся] основанъ на сходствѣ названiй, напримѣръ, если сказать, что мышь—совершенное животное, такъ какъ отъ имени ея названо самое уважаемое изъ всѣхъ таинствъ, ибо мистерiи—самое уважаемое изъ всѣхъ таинствъ. Или если кто нибудь восхваляя собаку, сопоставитъ съ ней небесное созвѣздiе Собаки или Пана, на томъ основанiи что Пиндаръ сказалъ

> Блаженъ, кого олимпiйскiе боги называютъ всеизмѣняющимся псомъ
> великой богини.

Или изъ того, что „крайне позорно не имѣть ни одной собаки", заключить, что, очевидно, собака — существо почтенное. Или если сказать, что Гермесъ самый общительный изъ всѣхъ боговъ, потому что онъ одинъ называется „общимъ" Гермесомъ. Или если сказать что рѣчь (λόγος) выше всего, на томъ основанiи, что хорошiе люди достойны уваженiя (λόγου), а не богатства; это выраженiе „λόγου ἄξιον" употребляется не просто [то-есть не одномъ только смыслѣ].

Другой [топъ заключается въ томъ], чтобы въ рѣчи сопоставлять разъединенное или же разъединять связанное между собой; такъ какъ часто вещи кажутся тожественными, не будучи таковыми, то слѣдуетъ дѣлать то, что полезнѣе. Таково разсужденіе Евѳидема, напримѣръ, что онъ знаетъ, что въ Пиреѣ есть тріира, ибо онъ знаетъ о существованіи каждаго [изъ этихъ двухъ предметовъ]. Или [если сказать], что знающій буквы знаетъ и слово, такъ какъ слово есть то же самое. Или утвержденіе, что если двойное количество чего нибудь вредно, то и вдвое меньшее количество не можетъ быть здорово, ибо нѣтъ смысла, чтобы двѣ хорошія вещи могли составить одну дурную. Въ такой формѣ [энтимема] есть изобличеніе, но она будетъ показаніемъ въ слѣдующей формѣ: потому что одна хорошая вещь не можетъ составить двухъ дурныхъ. Весь этотъ топъ сводится къ паралогизму. Таковы и слова Поликрата [1]) къ Ѳрасивулу, что онъ нисповергъ тридцать тиранновъ, ибо здѣсь Поликратъ соединяетъ вещи въ одно. Таковы и слова въ Орестѣ Ѳеодекта [2]), ибо они получаются изъ разъединенія [а именно]: справедливо, чтобы умерла женщина, убившая своего мужа и чтобы сынъ отмстилъ за отца. И не это ли и было сдѣлано? Но соединенное вмѣстѣ это уже не имѣетъ характера справедливаго [то-есть чтобы жену убилъ сынъ, мстя за отца]. Это можетъ произойдти и отъ пропуска, ибо не объяснено, кѣмъ она [должна быть убита].

Еще одинъ топъ [заключается] въ установленіи или отрицаніи факта съ помощью страха, Это бываетъ тогда, когда [ораторъ], не показавъ еще, что [кто нибудь вообще] совершилъ [данный проступокъ], преувеличитъ дѣло, ибо это заставляетъ думать, или что [обвиняемый] не сдѣлалъ этого, когда дѣло преувеличиваетъ обвиняемый, или что [обвиняемый] сдѣлалъ это, если обвинитель такимъ образомъ выражаетъ свой гнѣвъ. Это не есть энтимема, такъ какъ слушатель ошибочно разсуждаетъ, что [обвиняемый] сдѣлалъ что нибудь или не сдѣлалъ чего нибудь, между тѣмъ какъ [дѣло] не доказано.

Еще одинъ [топъ получается] изъ признака, такъ какъ и здѣсь

---

[1]) Здѣсь трудно переводимая игра словъ; κοινωνικός обозначаетъ человѣка, позволяющаго другимъ участвовать въ томъ, что ему принадлежитъ. Κοινός значитъ общій: Гермесъ имѣлъ этотъ эпитетъ потому, что онъ былъ равно пріятенъ, какъ земнымъ и небеснымъ, такъ и подземнымъ богамъ; superis deorum gratus et imis (Горацій, Оды, I, 10, ст. 19—20).

[2]) Поликратъ, софистъ, составившій похвалу египетскому царю Вусириду.

нѣтъ силлогизма, напримѣръ, если кто нибудь говоритъ, что влюбленные полезны для государствъ, на томъ основаніи что любовь Армодія и Аристогитона ниспровергла тиранна Иппарха. Или если кто нибудь говоритъ, что Діонисій воръ, на томъ основаніи, что онъ дурной человѣкъ, это не есть [правильный] силлогизмъ, ибо не всякій дурной человѣкъ—воръ, но всякій воръ дурной человѣкъ.

Еще одинъ [топъ получается] отъ совершенно—случайныхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ, говоритъ Поликратъ о мышахъ, что онѣ оказались полезными, перегрызя тетивы. Или еслибы кто нибудь сказалъ, что высшій почетъ быть приглашеннымъ на пиръ, ибо Ахиллъ въ Тенедосѣ разгнѣвался на ахеянъ, именно оттого, что не получилъ приглашенія; онъ разгнѣвался за нанесенное ему оскорбленіе, и это случилось [то-есть оскорбленіе было нанесено] путемъ неприглашенія.

Еще одинъ [топъ образуется] на основаніи послѣдствій, таково, напримѣръ, въ вопросѣ о Парисѣ заключеніе, что онъ — великодушный человѣкъ, на томъ основаніи, что онъ, презрѣвъ сообщество толпы, проводилъ время самъ съ собой на Идѣ: такъ какъ великодушные люди таковы, то и онъ можетъ показаться великодушнымъ. Или [заключеніе, что такой то человѣкъ] прелюбодѣй, на томъ основаніи, что онъ любитъ наряжаться и прогуливается по ночамъ, ибо [прелюбодѣи] отличаются этими свойствами. Подобно тому и [разсужденіе], что такъ какъ нищіе поютъ и пляшутъ въ храмахъ и такъ какъ изгнанники могутъ жить, гдѣ пожелаютъ, и такъ какъ это бываетъ съ людьми, которые кажутся счастливыми, то и люди, съ которыми это бываетъ, [то-есть нищіе и изгнанники] могутъ показаться счастливыми. Вся разница [здѣсь] въ томъ, „какъ" это [бываетъ]; поэтому [этотъ топъ] совпадаетъ съ [топомъ] выпущенія.

Еще одинъ [топъ заключается въ признаніи] причиной того, что не есть причина, напримѣръ, [если что нибудь признается причиною] на томъ основаніи, что случилосъ одновременно съ данной вещью или послѣ нея: „послѣ этого" принимается въ смыслѣ „вслѣдствіе этого", и особенно въ дѣлахъ государственныхъ, какъ напримѣръ, Димадъ [1]) [считалъ] управленіе Демосѳена причиной всевозможныхъ бѣдъ, на томъ основаніи, что послѣ его управленія началась война.

Еще одинъ [топъ образуется] съ помощью опущенія обстоятельствъ времени и образа дѣйствій, [таково] напримѣръ, [доказа-

[1]) Димадъ, ораторъ, современникъ и противникъ Демосѳена.

тельство], что Александръ по справедливости похитилъ Елену, потому что отецъ предоставилъ ей выборъ [супруга], но, можетъ быть, не навсегда, [то-есть предоставилъ выборъ], а только на первый разъ, ибо отецъ имѣетъ власть только до этого предѣла. Или если кто скажетъ, что бить свободныхъ людей преступленіе: [это будетъ преступленіемъ] не во всѣхъ случаяхъ, но лишь въ томъ случаѣ если кто нибудь противно справедливости начинаетъ рукопашную. Кромѣ того здѣсь, какъ въ рѣчахъ софистическаго характера является кажущійся силлогизмъ вслѣдствіе представленія нѣкоторыхъ вещей абсолютными или не абсолютными, а условными, какъ напримѣръ, въ діалектикѣ [доказывается], что существуетъ не существующее, ибо существующее существуетъ, какъ не существующее или что невѣдомое вѣдомо, ибо невѣдомое вѣдомо, какъ невѣдомое. Точно такъ же и въ риторикѣ кажущаяся энтимема является въ приложеніи не къ абсолютно—правдоподобному (εἰκός), но къ правдоподобному относительно. Это не есть полное понятіе, какъ говоритъ и Агаѳонъ [1]):

Пожалуй можно назвать правдоподобымъ и то,
Что съ смертными случается много не правдоподобныхъ вещей,

ибо случаются вещи противно правдоподобному, такъ что неправдоподобное дѣлается правдоподобнымъ. Если это такъ, то неправдоподобное станетъ правдоподобнымъ, но не безотносительно: какъ въ рѣчахъ софистическаго характера опущеніе предмета, [о которомъ идетъ рѣчь] цѣли и образа дѣйствій производитъ обманъ. такъ и здѣсь [ложное заключеніе получается] вслѣдствіе того, что правдоподобное здѣсь есть правдоподобное не абсолютно, а относительно. Изъ этого топа слагалось искусство Корака [2]): [онъ пригоденъ и въ томъ случаѣ], если [обвиняемый] не причастенъ взводимому на него обвиненію,—какъ напримѣръ, если въ нанесеніи побоевъ обвиняется человѣкъ слабый, [его можно защищать], на томъ основаніи, что это неправдоподобно,—и въ томъ случаѣ, если онъ причастенъ,—напримѣръ, если обвиняется человѣкъ сильный, [есть основаніе для защиты] на томъ основаніи, что это неправдоподобно, ибо должно было показаться правдоподобнымъ. Тоже [бываетъ] и въ другихъ случаяхъ: человѣкъ необходимо всегда или причастенъ, или непричастенъ

[1]) Трагическій поэтъ.

[2]) Коракъ, родомъ изъ Сициліи; онъ считается первымъ учителемъ краснорѣчія, который преподавалъ по извѣстнымъ правиламъ и изложилъ теорію своего искусства.

обвиненію, и то, и другое кажется правдоподобнымъ, причемъ первое правдоподобно [безотносительно], а второе небезотносительно, а такъ, какъ мы сказали [выше]. Это и есть что, то называется черное дѣлать бѣлымъ. Вслѣдствіе этого люди по справедливости порицали профессію Протагора: она представляетъ собою ложь и не истинно правдоподобное, а кажущееся таковымъ, которое [нельзя найдти] ни въ одномъ искусствѣ, кромѣ [риторики и софистики.

И такъ мы сказали объ энтимемахъ, настоящихъ и кажущихся. Теперь въ связи [съ сказаннымъ] слѣдуетъ сказать объ уничтоженіи энтимемъ.

ГЛАВА XXV.

Два способа уничтоженія (λύσις) силлогизмовъ.

Можно уничтожить [силлогизмъ], или построивъ противоположный силлогизмъ, или сдѣлавъ возраженіе. Что касается противоположнаго силлогизма, то очевидно, что его можно составлять на основаніи тѣхъ же самыхъ топовъ, [какіе мы указали], ибо силлогизмы должны составляться изъ вѣроятныхъ положеній, и многія, кажущіяся таковыми, положенія противоположны одно другому. Возраженія, какъ и въ Топикѣ, дѣлаются четырьмя способами: [они заимствуются] или изъ самого предмета, или изъ подобнаго ему, или изъ противоположнаго, или изъ предметовъ, уже обсуженныхъ. Я называю [возраженіемъ, заимствованнымъ] изъ самого предмета, напримѣръ, такой случай: если по поводу любви составлена энтимема въ томъ смыслѣ, что любовь прекрасна, то [возможно] двоякое возраженіе: [возможно] или сказать вообще, что всякій недостатокъ [есть нѣчто] дурное, или [замѣтить] въ частности, что не было бы выраженія, „любовь Кауновская“ [1]), если бы не могло быть случаевъ и дурной любви.

[Возраженіе заимствуется] изъ понятія противоположнаго [данному], напримѣръ, въ томъ случаѣ, если составлена энтимема, что хорошій человѣкъ благодѣтельствуетъ всѣмъ своимъ друзьямъ; [можно возразить], что и дурной человѣкъ не дѣлаетъ зла своимъ друзьямъ.

[Возраженіе заимствуется] отъ понятія подобнаго, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если составлена энтимема, что люди, которымъ сдѣлали

---

[1]) Аристотель говоритъ о любви Библиды къ родному ея брату Кауну. См. Овидія Metam. IX, 453 слл.

зло, всегда полны ненависти; на это [можно возразить], что люди, которымъ сдѣлали добро, не всегда полны любви.

Постановленія знаменитыхъ мужей [служатъ возраженіемъ] напримѣръ, въ томъ случаѣ, если бы кто нибудь сказалъ энтимему, что пьянымъ нужно прощать, ибо они совершаютъ проступки, не вѣдая, что творятъ. Возразить [на это можно] что [въ такомъ случаѣ] Питтакъ [1]) не заслуживаетъ одобренія, ибо въ противномъ случаѣ онъ не постановилъ бы закона о бо́льшихъ наказаніяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кто нибудь совершитъ проступокъ въ пьяномъ видѣ.

Итакъ энтимемы вытекаютъ изъ четырехъ источниковъ, а эти четыре источника суть: правдоподобіе, примѣръ, доказательство, признакъ. Энтимемы, составленныя на основаніи того, что бываетъ дѣйствительно или повидимому, по бо́льшей части, суть энтимемы, основательныя на правдоподобіи, Энтимемы [которыя составляются] съ помощью наведенія на основаніи подобія одного или многихъ случаевъ,— когда мы взявъ общее положеніе, затѣмъ дѣлаемъ заключеніе къ частному случаю, суть [энтимемы, основанныя] на примѣрѣ. Энтимемы, составленныя съ помощью понятія необходимаго и вѣчно — сущаго, [суть энтимемы, опирающіяся] на доказательство. Энтимемы [образованныя] съ помощью признаковъ, суть энтимемы, вытекающія изъ понятія общаго и частнаго — существующаго и не существующаго. Правдоподобіе есть нѣчто такое, что бываетъ не всегда, но по большей части. Очевидно, что подобныя энтимемы всегда можно уничтожить, противопоставивъ имъ возраженіе, причемъ возраженіе не всегда есть дѣйствительное, а [можетъ быть] и кажущееся, такъ какъ возражающій уничтожаетъ энтимему не потому, что она неправдоподобна, но потому что она не необходима. Поэтому то употребленіе этого паралогизма всегда выгоднѣе для защищающагося, чѣмъ для обвиняющаго, такъ какъ обвиняющій доказываетъ съ помощью правдоподобнаго, а не одно и тоже уничтожить [энтимему], потому что она неправдоподобна или потому что она не необходима: то, что бываетъ по большей части, всегда подаетъ поводъ къ возраженію, ибо въ противномъ случаѣ оно не было бы правдободобно, а было бы всегда и имѣло бы характеръ необходимости. Разъ [энтимема] такимъ образомъ уничтожена, судья думаетъ, что дѣло не правдоподобно, или что оно подсудно не ему, употребляя здѣсь паралогизмъ, какъ мы

[1]) Объ этомъ законѣ Питтака Аристотель говоритъ въ Политикѣ, кн. II, глава IX, и въ Никомаховой Этикѣ, кн. III, гл. VI.

говорили; ибо онъ долженъ судить не только на основаніи необходимаго, но и на основаніи правдоподобнаго; это и значитъ судить по своему лучшему разумѣнію. Недостаточно, если рѣшено, что что нибудь не необходимо, но нужно доказать, что оно не правдоподобно. Это удается въ томъ случаѣ, если возраженіе будетъ болѣе основано на томъ, что бываетъ по большей части. Такой характеръ оно можетъ имѣть въ зависимости отъ двухъ условій: времени или самого дѣла, и всего лучше, если [это бываетъ вслѣдствіе наличности] обоихъ [условій] вмѣстѣ, ибо если [какая нибудь вещь] часто бываетъ такимъ образомъ, то она является болѣе правдоподобной.

Признаки и указанныя нами энтимемы, основанныя на признакахъ, даже если они дѣйствительно существуютъ, уничтожаются, какъ было сказано въ началѣ. А что никакой признакъ не представляетъ почвы для силлогизма, это для насъ ясно изъ Аналитики.

Для уничтоженія [энтимемъ], основанныхъ на примѣрѣ, употребляется то же, что для энтимемъ, основанныхъ на правдоподобіи: разъ у насъ есть на лицо что нибудь несогласное [съ примѣромъ], [энтимема] уже уничтожена въ томъ смыслѣ, что [этотъ примѣръ] не имѣетъ характера необходимости, если даже бо́льшею частью или часто [дѣло бываетъ] иначе. Если же бо́льшая часть вещей и въ бо́льшемъ числѣ случаевъ [происходитъ] такъ [то-есть какъ говоритъ противникъ], то нужно спорить, [доказывая], что данный случай не походитъ [на тѣ случаи], или что онъ [произошелъ не при одинаковыхъ [съ ними] условіяхъ, или что вообще онъ чѣмъ нибудь отличается отъ нихъ.

Что касается доказательствъ и энтимемъ, основанныхъ на доказательствѣ, то ихъ нельзя уничтожать на томъ основаніи, что онѣ не представляютъ почвы для силлогизма; и это для насъ очевидно изъ Аналитики. Остается доказывать, что утверждаемое не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Разъ очевидно, что [такая вещь] существуетъ на самомъ дѣлѣ, и что она есть доказательство, [энтимема] не можетъ быть уничтожена, ибо доказательство во всѣхъ отношеніяхъ становится яснымъ.

ГЛАВА XXVI.

Преувеличеніе и умаленіе.

Преувеличеніе и умаленіе не представляетъ собой элемента энтимемы; я разумѣю одно и тоже подъ элементомъ и топомъ; элементъ и топъ есть то, что включаетъ въ себѣ много энтимемъ. Пре-

увеличеніе и умаленіе сами представляютъ собой энтимемы для доказательства, что что нибудь велико или мало, точно такъ же, какъ [для доказательства], что что нибудь хорошо или дурно, справедливо или несправедливо или что нибудь подобное. Все это представляетъ собой предметы, которыхъ [касаются] силлогизмы и энтимемы, такъ что если каждый изъ этихъ предметовъ не представляетъ собой топа энтимемы, то и преувеличеніе и умаленіе [также не имѣютъ этого свойства]. И энтимемы, которыя можно уничтожить, не представляютъ собой какого нибудь особаго вида энтимемы, ибо очевидно, что уничтожаетъ энтимему человѣкъ, доказавшій что нибудь, или сдѣлавшій какое нибудь возраженіе, а [его противники], наоборотъ, доказываютъ противное, какъ напримѣръ, если [первый] доказалъ, что что нибудь было, второй [старается доказать], что этого не было, или если [первый доказалъ], что чего нибудь не было, второй [доказываетъ], что что нибудь было. Такимъ образомъ въ этомъ, пожалуй, нѣтъ различія, ибо и тотъ, и другой пользуются одними и тѣми же [средствами], [именно], они приводятъ энтимемы въ доказательство того, что что нибудь не есть или есть; возраженіе же не есть энтимема, но, какъ [мы объяснили] въ Топикѣ, оно представляетъ собой произнесеніе какого нибудь мнѣнія, изъ котораго будетъ очевидно, что [противникъ] не вывелъ заключенія [согласно съ правилами силлогизма], или что онъ призналъ какое нибудь ложное положеніе [за истинное].

Такъ какъ есть три пункта, на которые слѣдуетъ обращать вниманіе при составленіи рѣчи, мы считаемъ, что сказали достаточно о примѣрахъ, изреченіяхъ, энтимемахъ и вообще обо всемъ, что касается мыслительной способности; намъ остается изложить способъ произнесенія и построенія рѣчи.

Книга III.

ГЛАВА I.

О стилѣ.

Три основные вопроса, касающіеся риторическаго искусства.—Стиль (декламація), три качества, обусловливающія его достоинство.—Важное значеніе стиля.—Разница между стилемъ поэтическимъ и стилемъ риторическимъ.

Есть три пункта, которые должны быть обсужены по отношенію къ ораторской рѣчи: во-первыхъ, откуда возникнутъ способы убѣжденія, во-вторыхъ, о стилѣ, въ-третьихъ, какъ слѣдуетъ строить части рѣчи. Мы говорили уже [1]) о способахъ убѣжденія, и [о томъ], изъ скольких [источниковъ они возникаютъ], [а именно], что они возникаютъ изъ трехъ [источниковъ]), и о томъ, каковы эти [источники], и почему ихъ только такое число, (такъ какъ всѣ, произносящіе судебный приговоръ, убѣждаются въ чемъ либо или потому, что сами испытали что нибудь, или потому, что понимаютъ ораторовъ, какъ людей такого-то нравственнаго склада, или потому, что [дѣло] доказано). Мы сказали также [2]) и о томъ, откуда слѣдуетъ почерпать энтимемы, такъ какъ [источниками для нихъ служатъ] или частныя энтимемы, или топы [3]). Въ связи съ этимъ слѣдуетъ сказать о стилѣ, потому что не достаточно знать, что̀ слѣдуетъ сказать, но необходимо также сказать это, какъ должно; это много способствуетъ тому, чтобы рѣчь произвела нужное впечатлѣніе. Прежде всего, согласно естественному порядку вещей, поставленъ былъ во-

---

[1]) См. кн. I, гл. 2.

[2]) См. кн. II, гл. 22 и сл.

[3]) О топахъ см. 22 гл. II кн. Риторики

просъ о томъ, что̀ по своей природѣ является первымъ, то-есть, о самыхъ вещахъ, изъ которыхъ вытекаетъ убѣдительное, во-вторыхъ, о способѣ расположенія ихъ при изложеніи. Затѣмъ, въ третьихъ, [слѣдуетъ] то, что имѣетъ наибольшую силу, хотя еще не было предметомъ изслѣдованія—вопросъ о декламаціи. Въ трагедію и рапсодію [дѣйствіе] проникло поздно, а сначала поэты сами декламировали свои трагедіи. Очевидно, что и для риторики есть условія, подобныя условіямъ для поэтики, о чемъ трактовали нѣкоторые другіе, въ томъ числѣ Главконъ Тіосскій [1]). Дѣйствіе заключается здѣсь въ голосѣ; [слѣдуетъ знать], какъ нужно пользоваться голосомъ для каждой страсти, напримѣръ, когда слѣдуетъ [говорить] громкимъ голосомъ, когда тихимъ, когда среднимъ, и какъ нужно пользоваться интонаціями, напримѣръ, пронзительной, глухой и средней, и какіе ритмы [употреблять] для каждаго даннаго случая. Здѣсь есть три пункта, на которые обращается вниманіе: сила, гармонія и ритмъ. И на состязаніяхъ одерживаютъ побѣду преимущественно эти, [то-есть, ораторы, отличающіеся въ этомъ]. И какъ на сценѣ актеры значатъ больше, чѣмъ поэты, [такъ бываетъ] и въ политическихъ состязаніяхъ, благодаря испорченности государствъ. Относительно этого еще не создалось искусства, такъ какъ стиль поздно выдвинулся впередъ и въ самомъ дѣлѣ представляется чѣмъ то грубымъ.

Такъ какъ все дѣло риторики направлено къ возбужденію [того или другаго] мнѣнія, то слѣдуетъ заботиться о стилѣ, не какъ о чемъ то, заключающемъ въ себѣ истину, а какъ о чемъ то необходимомъ, ибо всего справедливѣе стремиться только къ тому, чтобы рѣчь не причиняла ни печали, ни радости: справедливо сражаться оружіемъ фактовъ, такъ, чтобы все, находящееся внѣ области доказательства, становилось излишнимъ. Однако, какъ мы сказали, [стиль] оказывается весьма важнымъ вслѣдствіе нравственной испорченности слушателя. При всякомъ обученіи стиль необходимо имѣетъ нѣкоторое небольшое значеніе, потому что для выясненія [чего либо] есть разница въ томъ, выразишься ли такъ или этакъ; но все таки [значеніе это] не такъ велико, [какъ обыкновенно думаютъ]: все это относится къ внѣшности и касается слушателя, поэтому никто не пользуется этими пріемами при обученіи геометріи. А разъ ими пользуются, они производятъ такое же

[1]) Главконъ Тіосскій писалъ о декламаціи.

дѣйствіе, какъ искусство актера. Нѣкоторыя лица пробовали слегка говорить объ этомъ, напримѣръ, Ѳрасимахъ [1]) въ своемъ трактатѣ „О возбужденіи состраданія". Искусство актера дается природой и менѣе зависитъ отъ техники; что же касается стиля, то онъ пріобрѣтается техникой. Поэтому то лавры достаются тѣмъ, кто владѣетъ словомъ, точно такъ же, какъ въ области драматическаго искусства [они приходятся на долю] декламаторовъ. И сила рѣчи написанной заключается болѣе въ стилѣ, чѣмъ въ мысляхъ.

Поэты первые, какъ это и естественно, пошли впередъ [въ этой области]: слова представляютъ собой подражаніе, а изъ всѣхъ нашихъ органовъ голосъ наиболѣе способенъ къ подражанію; такимъ то образомъ и возникли искусства: рапсодія, драматическое искусство и другія. Но такъ какъ поэты, трактуя объ обыденныхъ предметахъ, какъ казалось, пріобрѣтали себѣ славу своимъ стилемъ, то сначала создался поэтическій стиль, какъ напримѣръ, у Горгія. И теперь еще многіе необразованные люди полагаютъ, что именно такіе люди выражаются всего изящнѣе. На самомъ же дѣлѣ это не такъ, и стиль въ ораторской рѣчи и въ поэзіи совершенно различенъ, какъ это доказываютъ факты: вѣдь даже авторы трагедій, уже не пользуются тѣми же оборотами, [какими пользовались прежде], а подобно тому, какъ они, перешли отъ тетраметра къ ямбу [2]), на томъ основаніи, что послѣдній болѣе всѣхъ остальныхъ метровъ подобенъ разговорному языку; точно такъ же они отбросили всѣ выраженія, которыя не подходятъ къ разговорному языку, но которыми первоначально они украшали свои произведенія и которыми еще и теперь пользуются поэты, пишущіе гексаметрами. Поэтому смѣшно подражать людямъ, которые уже и сами не пользуются этими оборотами.

Отсюда ясно, что мы не обязаны подробно разбирать все, что можно сказать по поводу стиля, но должны сказать лишь о томъ, что касается искусства, о которомъ мы говоримъ. Объ остальномъ мы сказали въ сочиненіи о поэтическомъ искусствѣ [3]).

---

[1]) Ѳрасимахъ изъ Халкидона, современникъ оратора Лисія, переселившись въ Аѳины, занялся теоріей и преподаваніемъ ораторскаго искусства; онъ написалъ много сочиненій, преимущественно риторическаго содержанія. Въ Риторикѣ Аристотеля неоднократно упоминается его имя (см. кн. II, гл. 23, кн. III, гл. 8, 11).

[2]) Ср. „Піитику", конецъ 4-й главы и гл. 24.

[3]) См. „Піитики" гл. 20—22.

ГЛАВА II.

Достоинство стиля—ясность.—Выраженія, способствующія ясности стиля.—Что годится для рѣчи стихотворной и что для прозаической?—Какія выраженія должно употреблять въ рѣчи прозаической?—Употребленіе синонимовъ и омонимовъ.—Употребленіе эпитетовъ и метафоръ.—Откуда слѣдуетъ заимствовать метафоры?—Какъ слѣдуетъ создавать эпитеты?

Разсмотрѣвъ это, опредѣлимъ, что достоинство стиля заключается въ ясности; доказательствомъ этого служитъ то, что, разъ рѣчь не ясна, она не достигнетъ своей цѣли. [Стиль не долженъ быть] ни слишкомъ низокъ, ни слишкомъ высокъ, но долженъ подходить [къ предмету рѣчи]; и поэтическій стиль, конечно, не низокъ, но онъ не подходитъ къ ораторской рѣчи. Изъ именъ и глаголовъ тѣ отличаются ясностью, которые вошли во всеобщее употребленіе. Другія имена, которыя мы перечислили въ сочиненіи, касающемся поэтическаго искусства [1]), дѣлаютъ рѣчь не низкой, но изукрашенной, такъ какъ отступленіе [отъ рѣчи обыденной] способствуетъ тому, что рѣчь кажется болѣе торжественной: вѣдь люди такъ же относятся къ стилю, какъ къ иноземцамъ и своимъ согражданамъ. Поэтому то слѣдуетъ придавать языку характеръ иноземнаго, ибо люди склонны удивляться тому, что [приходитъ] издалека, а то, что возбуждаетъ удивленіе, пріятно. Въ стихахъ многое производитъ такое дѣйствіе и годится тамъ [то-есть, въ поэзіи], потому что предметы и лица, о которыхъ [тамъ] идетъ рѣчь, болѣе удалены [отъ житейской прозы]. Но въ прозаической рѣчи такихъ средствъ гораздо меньше, потому что предметъ ихъ менѣе возвышенъ; здѣсь было бы еще неприличнѣе, если бы рабъ, или человѣкъ слишкомъ молодой, или кто „нибудь, говорящій о слишкомъ ничтожныхъ предметахъ, выражался возвышеннымъ слогомъ. Но и здѣсь прилично говорить то принижая, то возвышая слогъ, сообразно [съ трактуемымъ предметомъ], и это слѣдуетъ дѣлать незамѣтно, дѣлая видъ, будто говоришь не искусственно, а естественно, потому что естественное способно убѣждать, а искусственное напротивъ. [Люди] недовѣрчиво относятся къ такому [оратору], какъ будто онъ замышляетъ [что нибудь противъ нихъ], точно такъ же, какъ къ подмѣшаннымъ винамъ. [Стиль оратора дол-

---

[1]) „Піитика“ гл. 23.

женъ быть таковъ], какимъ былъ голосъ Θеодора [1]) по сравненію съ голосами другихъ актеровъ: его голосъ казался голосомъ того человѣка, который говорилъ, а ихъ голоса звучали совершенно чуждо. Хорошо скрываетъ [свое искусство] тотъ, кто составляетъ свою рѣчь изъ выраженій, взятыхъ изъ обыденной рѣчи, что̀ и дѣлаетъ Еврипидъ, первый показавшій примѣръ этого.

Рѣчь составляется изъ именъ и глаголовъ; есть столько видовъ именъ, сколько мы разсмотрѣли въ сочиненіи, касающемся поэтическаго искусства [2]); изъ числа ихъ слѣдуетъ въ рѣдкихъ случаяхъ и въ немногихъ мѣстахъ употреблять необычныя выраженія, слова имѣющія двоякій смыслъ, и слова, вновь составленныя; гдѣ [именно слѣдуетъ ихъ употреблять], объ этомъ мы скажемъ потомъ [3]), а почему— объ этомъ мы уже сказали, а именно: потому что употребленіе этихъ словъ дѣлаетъ рѣчь отличной [отъ обыденной рѣчи] въ большей, чѣмъ слѣдуетъ, степени. Слова общеупотребительныя, туземныя, метафоры— вотъ единственный матеріалъ, полезный для стиля прозаической рѣчи. Доказывается это тѣмъ, что всѣ пользуются только такого рода выраженіями: всѣ обходятся съ помощью метафоръ и словъ общеупотребительныхъ и туземныхъ. Но, очевидно, у того, кто съумѣетъ это ловко сдѣлать, иностранное слово проскользнетъ въ рѣчи незамѣтно и будетъ имѣть ясный смыслъ. Въ этомъ и заключается достоинство ораторской рѣчи. Изъ именъ омонимы полезны для софиста, потому что съ помощью ихъ софистъ прибѣгаетъ къ дурнымъ уловкамъ, а синонимы—для поэта; я называю общеупотребительными словами и синонимами, напримѣръ, такія слова, какъ πορεύεσθαι (отправляться) и βαδίζειν (идти): оба они и общеупотребительны, и однозначущи.

О томъ, что̀ такое каждый изъ этихъ [терминовъ], сколько есть видовъ метафоры, а равно и о томъ, что послѣдняя имѣетъ очень важное значеніе и въ поэзіи, и въ прозѣ,—обо всемъ этомъ было говорено, какъ мы уже замѣтили, въ сочиненіи, касающемся піитики; въ прозаической рѣчи на это слѣдуетъ обращать тѣмъ больше вниманія, чѣмъ меньше вспомогательныхъ средствъ, которыми пользуется прозаическая рѣчь, по сравненію съ метрической. Метафора въ высокой степени обладаетъ ясностью, пріятностью и прелестью новизны и нельзя заимствовать ее отъ другаго лица [4]). Нужно употреблять въ

[1]) Θеодоръ, знаменитый трагическій актеръ.

[2]) „Піитика“ гл. 21.

[3]) См. гл. 3 и 7 книги III.

[4]) Ср. „Піитику“ гл. 22.

рѣчи подходящіе эпитеты и метафоры, а этого можно достигнуть съ помощью аналогіи; въ противномъ случаѣ [метафора и эпитетъ] покажутся неподходящими, вслѣдствіе того что противоположность двухъ понятій наиболѣе ясна въ томъ случаѣ, когда эти понятія стоятъ рядомъ. Нужно разсудить, что̀ такъ же [подходитъ] для старика, какъ пурпуровый плащъ для юноши, потому что тому и другому приличествуетъ не одно и то же. И если желаешь представить что нибудь въ прекрасномъ свѣтѣ, слѣдуетъ заимствовать метафору отъ предмета лучшаго въ этомъ самомъ родѣ вещей; если же [хочешь] выставить что нибудь въ дурномъ свѣтѣ, то [слѣдуетъ заимствовать ее] отъ худшихъ вещей, напримѣръ, такъ какъ [приводимыя понятія] являются противоположностями въ одномъ и томъ же родѣ вещей, о просящемъ милостыню сказать, что онъ просто обращается съ просьбой, а объ обращающемся съ просьбой сказать, что онъ проситъ милостыню, на томъ основаніи, что оба [выраженія обозначаютъ] просьбу, и значитъ сдѣлать сказанное нами. Такъ и Ификратъ называлъ Каллія нищенствующимъ жрецомъ Кивелы [1]), а не факелоносцемъ. На это Каллій говорилъ, что онъ (Ификратъ)—человѣкъ непосвященный, ибо въ противномъ случаѣ онъ называлъ бы его не нищенствующимъ жрецомъ Кивелы, а факелоносцемъ. И та, и другая должность имѣетъ отношеніе къ богинѣ, но одна изъ нихъ почетна, а другая нѣтъ. Точно также [лица посторонніяя] называютъ [окружающихъ Діонисія] Діонисіевыми льстецами [2]), а сами они называютъ себя художниками. И то, и другое названіе—метафора, но первое [исходитъ отъ лицъ], придающихъ этому грязное значеніе, а другое [отъ лицъ, подразумѣвающихъ] противоположное. Точно также и грабители называютъ себя теперь пористами (сборщиками чрезвычайныхъ податей). Съ такимъ же основаніемъ можно сказать про человѣка, поступившаго несправедливо, что онъ ошибся, а про человѣка

[1]) Жрецы Кивелы, матери боговъ, странствуя съ изображеніемъ богини, собирали ея именемъ деньги и дары, предлагая за это отмстить съ помощью богини врагамъ подавшаго или добиться отпущенія грѣховъ самого подавшаго - или его умершихъ родственниковъ. По видимому, жрецы эти были самой низшей ступенью въ іерархіи священнослужителей. Должность факелоносца, напротивъ, по своей важности занимала при элевсинскихъ таинствахъ первое мѣсто послѣ іерофанта.

[2]) Діонисіевы льстецы (Διονυσοκόλακες)—выраженіе, перешедшее въ поговорку. Діонисій Старшій, Сиракузскій тираннъ, питавшій большое пристрастіе къ трагической поэзіи и даже самъ сочинявшій трагедіи, любилъ окружать себя поэтами и актерами.

впавшаго въ ошибку, что онъ поступилъ несправедливо, и про человѣка, совершившаго кражу, что онъ взялъ, а также, что онъ ограбилъ. Выраженіе, подобное тому, какое употребляетъ Тилефъ у Еврипида, говоря:

Владычествуя надъ рукояткой меча и прибывъ въ Мизію [1]),

[такое выраженіе] неподходяще, потому что выраженіе „владычествовать" есть болѣе возвышенное, чѣмъ слѣдуетъ, выраженіе, и [искуственность] не [достаточно] замаскирована. Ошибка можетъ заключаться и въ самыхъ слогахъ, когда они не заключаютъ въ себѣ признаковъ пріятнаго звука; такъ, напримѣръ, Діонисій [2]), прозванный Мѣднымъ, называетъ въ своихъ элегіяхъ поэзію крикомъ Калліопы, на томъ основаніи, что и то, и другое звуки. Эта метафора нехороша вслѣдствіе неяснаго смысла выраженій. Кромѣ того на предметы, не имѣющіе имени, слѣдуетъ переносить названія не издалека, а отъ предметовъ родственныхъ и однородныхъ, такъ, чтобы было ясно, что оба предмета родственны, разъ названіе произнесено, какъ напримѣръ, въ извѣстной загадкѣ:

Я видѣлъ человѣка, который съ помощью огня приклеивалъ мѣдь къ человѣку.

Эта операція не имѣетъ термина, но то и другое означаетъ нѣкоторое приставленіе, поэтому ставленіе банокъ названо приклеиваніемъ. И вообще изъ хорошо составленныхъ загадокъ можно заимствовать прекрасныя метафоры; метафоры заключаютъ въ себѣ загадку, такъ что ясно, что [загадки]—хорошо составленныя метафоры. [Слѣдуетъ еще переносить названія] отъ предметовъ прекрасныхъ; красота слова, какъ говоритъ Ликимній [3]), заключается въ самомъ звукѣ или въ его значеніи, точно также и безобразіе. Есть еще третье [условіе], которымъ опровергается софистическое правило: невѣрно утвержденіе Врисона [4]), будто нѣтъ ничего дурнаго въ томъ, чтобы одно слово употребить вмѣсто другаго, если они значатъ одно и то же. Это ошибка, потому что одно слово болѣе употребительно, болѣе подходитъ, скорѣй можетъ представить дѣло передъ глазами,

---

[1]) Eurip. fragm. 705.

[2]) Діонисій, аттическій поэтъ и ораторъ, жившій въ первые годы Пелопоннисской войны. Прозваніе Мѣдный дано было ему за данный имъ Аѳинянамъ совѣтъ не чеканить другой монеты, кромѣ мѣдной.

[3]) Ликимній—греческій риторъ, ученикъ Горгія, написавшій сочиненіе объ ораторскомъ искусствѣ.

[4]) Врисонъ изъ Ираклеи, сынъ Иродора; это былъ софистъ и математикъ, старавшійся доказать квадратуру круга.

чѣмъ другое. Кромѣ того, и разныя слова представляютъ предметъ не въ одномъ и томъ же свѣтѣ, такъ что и съ этой стороны слѣдуетъ предположить, что одно [слово] прекраснѣе или безобразнѣе другаго. Оба слова означаютъ прекрасное или безобразное, но не [говорятъ], посколько оно прекрасно или посколько безобразно, или [говорятъ объ этомъ], но [одно] въ бо́льшей, [другое] въ меньшей степени. Метафоры слѣдуетъ заимствовать отъ словъ прекрасныхъ по звуку, или по значенію, или [заключающихъ въ себѣ нѣчто пріятное] для зрѣнія или для какого либо другаго чувства. Напримѣръ, есть разница въ выраженіяхъ „розоперстая заря", это лучше, чѣмъ „пурпуроперстая", и еще хуже „красноперстая".

То же и въ области эпитетовъ: можно создавать эпитеты на основаніи дурнаго или постыднаго, напримѣръ, [эпитетъ] „матереубійца", но можно также создавать ихъ на основаніи хорошаго, напримѣръ, „мститель за отца". Точно также и Симонидъ, когда побѣдитель на мулахъ предложилъ ему незначительную плату, отказался написать стихотвореніе, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ затрудняется воспѣвать „полуословъ". Когда же ему было предложено достаточное вознагражденіе, онъ написалъ:

Привѣтъ вамъ, дочери быстроногихъ кобылицъ,

хотя эти мулы были также дочери ословъ. Съ тою же цѣлью можно прибѣгать къ уменьшительнымъ выраженіямъ: уменьшительнымъ называется выраженіе представляющее и зло, и добро меньшимъ [чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ]; такъ Аристофанъ въ шутку говорилъ въ своихъ „Вавилонянахъ" [1]): кусочекъ золота, вмѣсто золотая вещь, вмѣсто платье—платьице, вмѣсто поношеніе—поношеньице—и нездоровьице. Но здѣсь слѣдуетъ быть осторожнымъ и соблюдать мѣру въ томъ и другомъ.

III ГЛАВА.

Четыре причины, способствующія холодности стиля: 1) употребленіе сложныхъ словъ, 2) необычныхъ выраженій, 3) ненадлежащее пользованіе эпитетами, 4) употребленіе неподходящихъ метафоръ.

Холодность стиля можетъ происходить отъ четырехъ причинъ вопервыхъ, отъ употребленія сложныхъ словъ, какъ напримѣръ Ликофронъ [2]) говоритъ о „многоликомъ небѣ высоковершинной земли"

---

[1]) Эта комедія Аристофана не сохранилась.

[2]) Ликофронъ, софистъ.

и объ „узкодорожномъ берегѣ". Или какъ Горгій выражался „искусный въ выпрашиваніи милостыни льстецъ" и говорилъ объ „истинно или ложно поклявшихся". Или какъ Алкидамантъ [1]) говорилъ о „душѣ, исполненной гнѣва", и о „лицѣ, дѣлающемся огнецвѣтнымъ", и какъ онъ полагалъ, что „ихъ усердіе будетъ цѣлесообразнымъ", и какъ онъ считалъ также „цѣлесообразной" убѣдительную рѣчь, и морскую поверхность называлъ „темноцвѣтной". Всѣ эти выраженія поэтичны, потому что они составлены изъ двухъ словъ. Вотъ въ чемъ заключается одна причина [холодности стиля]. Другая состоитъ въ употребленіи необычныхъ выраженій, какъ, напримѣръ, Ликофронъ называетъ Ксеркса „мужемъ-чудовищемъ" и Скиронъ [2]) у него „мужъ-хищникъ", и какъ Алкидамантъ [говоритъ] объ „игрушкахъ" поэзіи и о „природномъ грѣхѣ", и о человѣкѣ, „возбужденномъ неукротимымъ порывомъ своей мысли". Третья причина заключается въ употребленіи эпитетовъ или длинныхъ, или неумѣстныхъ, или въ большомъ числѣ; въ поэзіи, напримѣръ, вполнѣ возможно называть молоко бѣлымъ, въ прозѣ же [подобные эпитеты] совершенно неумѣстны; если ихъ слишкомъ много, они обнаруживаютъ [риторическую искусственность] и доказываютъ, что, разъ нужно ими пользоваться, это есть уже поэзія, такъ какъ употребленіе ихъ измѣняетъ обычный характеръ рѣчи и сообщаетъ стилю оттѣнокъ чего то чуждаго. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ стремиться къ умѣренности, потому что [неумѣренность здѣсь] есть бо́льшее зло, чѣмъ рѣчь простая, [то-есть лишенная эпитетовъ]: въ послѣднемъ случаѣ рѣчь не имѣетъ достоинства, а въ первомъ она заключаетъ въ себѣ недостатокъ. Вотъ почему произведенія Алкидаманта кажутся холодными: онъ употребляетъ эпитеты, не какъ приправу, а какъ кушанье, та́къ у него они часты, преувеличены и бросаются въ глаза, напримѣръ [онъ говоритъ] не „потъ", а влажный потъ", не на „Исѳмійскія игры", а на „торжественное собраніе на Исѳмійскихъ играхъ", не „законы", а „законы, властители государствъ", не „быстро", а быстрымъ движеніемъ души"; [онъ говоритъ] не о „музеѣ", а о „музеѣ природы", о „мрачной душевной заботѣ"; [онъ называетъ кого нибудь] не „творцомъ милости", по „всенародной милости". [называетъ оратора] „распредѣлителемъ удовольствія для слушателей"; [онъ говоритъ], что нибудь спрятано не „подъ вѣтвями", а „подъ вѣтвями лѣса",

[1]) Алкидамантъ изъ Элеи, ученикъ Горгія, современникъ и соперникъ Исократа.

[2]) Скиронъ—миѳическій разбойникъ, убивавшій путниковъ на границѣ между Аттикой и Мегарой.

что кто нибудь прикрылъ не „тѣло", а „тѣлесный стыдъ", называетъ страсть „соперницей души"; послѣднее выраженіе (ἀντίμιμος) есть въ одно и то-же время и составное слово, и эпитетъ, такъ что является принадлежностью поэзіи; точно также [онъ называетъ] крайнюю степень испорченности „выходящей изъ всякихъ границъ". Вслѣдствіе такого неумѣстнаго употребленія поэтическихъ оборотовъ стиль дѣлается смѣшнымъ и холоднымъ, а отъ болтливости неяснымъ, потому что когда кто нибудь излагаетъ дѣло лицу знающему [это дѣло], то онъ уничтожаетъ ясность темнотою изложенія. Люди употребляютъ сложныя слова, когда у даннаго понятія нѣтъ названія или когда легко составить сложное слово, таково, напримѣръ, слово „χρονοτριβεῖν"—времяпрепровожденіе, но если [такихъ словъ] много, то [слогъ дѣлается] совершенно поэтическимъ. Употребленіе двойныхъ словъ всегда болѣе свойственно поэтамъ, пишущимъ диѳирамбы, такъ какъ они любители громкаго, а употребленіе старинныхъ словъ—поэтамъ эпическимъ, потому что [такія слова заключаютъ въ себѣ] нѣчто торжественное и самоувѣренное. [Употребленіе же] метафоры [свойственно] ямбическимъ стихотвореніямъ, которыя, какъ мы сказали, пишутся теперь. Наконецъ, четвертая [причина, отъ которой можетъ происходить] холодность стиля, заключается въ метафорахъ. Есть метафоры, которыя не слѣдуетъ употреблять,—однѣ потому, что [онѣ имѣютъ] смѣшной смыслъ, почему и авторы комедій употребляютъ метафоры, другія потому, что смыслъ ихъ слишкомъ торжественъ и трагиченъ; кромѣ того [метафоры имѣютъ] неясный смыслъ, если [онѣ заимствованы] издалека, такъ напримѣръ, Горгій говоритъ о дѣлахъ „блѣдныхъ" и „кровавыхъ". Или: „ты въ этомъ дѣлѣ посѣялъ позоръ и пожалъ несчастье". Подобныя выраженія имѣютъ слишкомъ поэтическій видъ. Или какъ Алкидамантъ называетъ философію „укрѣпленіемъ законовъ" и Одиссею „прекраснымъ зеркаломъ человѣческой жизни" и „не внося никакихъ подобныхъ игрушекъ въ поэзію". Всѣ подобныя выраженія неубѣдительны вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ. И слова, обращенныя Горгіемъ къ ласточкѣ, которая, пролетая сбросила на него нечистоту, всего приличнѣе были бы для трагика: „Стыдно, Филомила", сказалъ онъ. Для птицы, сдѣлавшей это, это не позорно, а для дѣвушки [было бы] позорно. Упрекъ, заключающійся въ этихъ словахъ, хорошо подходилъ къ тому, чѣмъ птица была раньше, но не къ тому, что она есть теперь [1]).

---

[1]) Здѣсь разумѣется извѣстный греческій миѳъ о превращеніи дочерей Аѳинскаго царя Пандіона Филомилы въ соловья и Прокны въ ласточку.

ГЛАВА VI.

Сравненіе, его отношеніе къ метафорѣ. — Употребленіе сравненій.

Сравненіе есть также метафора, такъ какъ между тѣмъ и другимъ существуетъ лишь незначительная разница. Такъ, когда поэтъ [1]) [говоритъ] объ Ахиллѣ: „онъ ринулся, какъ левъ", это есть сравненіе. Когда же онъ говоритъ: „левъ ринулся" — это есть метафора: такъ какъ оба (и Ахиллъ, и левъ) обладаютъ храбростью, то поэтъ, пользуясь метафорой, назвалъ Ахилла львомъ. Сравненіе бываетъ полезно и въ прозѣ, но въ немногихъ случаяхъ, такъ какъ [вообще оно относится] къ области поэзіи. [Сравненія] слѣдуетъ допускать такъ же, какъ метафоры, потому что они—тѣ же метафоры и отличаются отъ послѣднихъ только вышеуказаннымъ. Примѣромъ сравненія могутъ служить слова Андротіона [2]) объ Идріеѣ, что онъ похожъ на собаченокъ, сорвавшихся съ цѣпи: какъ онѣ бросаются кусать, такъ опасенъ и Идріей [3]), освобожденный отъ узъ. И какъ Ѳеодамантъ сравнивалъ Архидама съ Евксеномъ [4]), минусъ знанія геометріи, на томъ основаніи, что, наоборотъ, Евксенъ = Архидаму + знаніе геометріи. [Таково] и сравненіе, встрѣчающееся въ Платоновой Республикѣ [5]): что люди, снимающіе доспѣхи съ мертвыхъ похожи на собакъ, которыя кусаютъ камни не касаясь человѣка, бросающаго ихъ. Таково же и [сравненіе, прилагаемое] къ народу [6]), что онъ подобенъ капитану корабля сильному, но нѣсколько глухому, а также къ стихамъ поэтовъ — что они похожи на лицъ свѣжихъ, но не обладающихъ красотой: послѣдніе становятся не похожи [на то, чѣмъ были раньше], когда отцвѣтутъ, а первые — когда нарушенъ ихъ размѣръ. [Таково] и сравненіе, которое Периклъ дѣлаетъ относительно Самосцевъ [7]), что они похожи на дѣтей, которыя хотя и берутъ предлагаемый имъ кусочекъ, но продолжаютъ плакать. [Таково же и сравненіе] относительно віотійцевъ, что они похожи на дубы: какъ дубы разбиваются

---

[1]) То-есть Гомеръ, см. Il. XX 164.

[2]) Андротіонъ, сынъ Андрона изъ Аѳинъ, ученикъ Исократа, государственный дѣятель.

[3]) Идріей, братъ карійскаго царя Мавзола, жилъ въ IV вѣкѣ.

[4]) Всѣ три лица, упоминаемыя здѣсь Аристотелемъ, неизвѣстны.

[5]) Въ V кн., 469.

[6]) Ibid. VI 488.

[7]) Thuc. I 115.

одинъ о другой, такъ и віотійцы сражаются другъ съ другомъ. [Таково же] и [сравненіе], дѣлаемое Демосѳеномъ относительно народа, что онъ подобенъ людямъ, которые страдаютъ морской болѣзнью на кораблѣ. И какъ Демократъ [1]) сравнивалъ риторовъ съ кормилицами, которыя, сами глотая кусочекъ, мажутъ слюной по губамъ дѣтей. И какъ Антисѳенъ [2]) сравнивалъ тонкаго Кифисодота [3]) съ ладономъ, который, испаряясь, доставляетъ удовольствіе. Всѣ эти [выраженія] можно употреблять и какъ сравненія, и какъ метафоры, и очевидно, что всѣ удачно-употребленныя метафоры будутъ въ то-же время и сравненіями, а сравненія, [наоборотъ], [будутъ] метафорами, разъ отсутствуетъ слово сравненія [„какъ“]. Метафору слѣдуетъ всегда заимствовать отъ сходства и [прилагать] ее къ обоимъ изъ двухъ предметовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же роду, такъ, напримѣръ, если фіалъ есть щитъ Вакха (Діониса), то возможно также назвать щитъ фіаломъ Арея.

ГЛАВА V.

Пять условій, отъ которыхъ зависитъ правильность языка. Удобочитаемость и удобопонимаемость письменной рѣчи. — Причины, ведущія къ неясности рѣчи.

Итакъ вотъ изъ чего слагается рѣчь. Стиль основывается на умѣньи говорить правильно по-гречески, а это зависитъ отъ пяти условій: отъ [употребленія] союзовъ, отъ того, размѣщены ли они такъ, какъ они по своей природѣ должны слѣдовать другъ за другомъ, сначала одни, потомъ другіе, какъ этого требуютъ нѣкоторые [писатели]; такъ, напримѣръ, μὲν и ἐγὼ μὲν требуютъ за собой [первое] δέ, [второе] ὁ δέ. И слѣдуетъ ставить ихъ одинъ за другимъ, пока еще [о требуемомъ соотношеніи] помнишь, не размѣщая ихъ на слишкомъ большомъ разстояніи, и не употреблять одинъ союзъ раньше другаго необходимаго, потому что [подобное употребленіе союзовъ] лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ пригодно. „Я же, когда онъ мнѣ сказалъ, такъ какъ Клеонъ пришелъ ко мнѣ съ просьбами и требованіями, отправился, захвативъ ихъ съ собой“. Въ этихъ словахъ вставлено много союзовъ раньше союза, который долженъ былъ слѣдовать,

[1]) Демократъ—аттическій ораторъ, современникъ Демосѳена.

[2]) Антисѳенъ—ученикъ Горгія, родоначальникъ цинической философіи (IV в. до Р. Хр.).

[3]) Трудно рѣшить, о комъ здѣсь говоритъ Аристотель.

и такъ какъ много словъ помѣщено раньше „отправился“, [фраза стала] неясной. Итакъ первое условіе заключается въ правильномъ употребленіи союзовъ. Второе [заключается] въ употребленіи именно собственныхъ словъ, а не описательныхъ выраженій. Въ третьихъ, не [слѣдуетъ употреблять] двусмысленныхъ выраженій—кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это дѣлается умышленно, какъ, напримѣръ, поступаютъ люди, которымъ нечего сказать, но которые [тѣмъ не менѣе] дѣлаютъ видъ, что говорятъ нѣчто. Въ такомъ случаѣ люди выражаютъ это въ поэтической формѣ, какъ, напримѣръ, Эмпедоклъ. Такія иносказательныя выраженія своей пространностью морочатъ слушателей, которые въ этомъ случаѣ испытываютъ то же, что испытываетъ народъ передъ прорицателями: когда они выражаются двусмысленно, народъ вполнѣ соглашается съ ними:

„Крезъ, перейдя Алисъ, разрушитъ великое царство“ [1]).

Прорицатели выражаются о дѣлѣ общими фразами именно потому, что здѣсь менѣе всего возможна ошибка. Какъ въ игрѣ въ „четъ и нечетъ“ скорѣе можно выиграть, говоря просто „четъ“ или „нечетъ“, чѣмъ точно обозначая число, такъ и [скорѣе можно предсказать что нибудь, говоря], что это *будетъ*, чѣмъ точно обозначая время; поэтому то оракулы не обозначаютъ времени [исполненія своихъ предсказаній]. Всѣ эти случаи похожи одинъ на другой, и ихъ слѣдуетъ избѣгать, если нѣтъ въ виду подобной цѣли. Въ четвертыхъ, слѣдуетъ правильно употреблять роды именъ, какъ ихъ раздѣлялъ Протагоръ [2])—на мужскія, женскія и среднія, напримѣръ, „придя и переговоривъ, (ἐλθοῦσα καὶ διαλεχθεῖσα) она ушла“. Въ пятыхъ, [слѣдуетъ] соблюдать послѣдовательность въ числѣ, идетъ ли рѣчь о многихъ или о немногихъ или объ одномъ, [напримѣръ], „они, придя, (ἐλθόντες), начали наносить мнѣ удары“.

Вообще написанное должно быть удобочитаемо и удобопонимаемо, а это—одно и то же. Этими свойствами не обладаетъ рѣчь со многими союзами, а также рѣчь, въ которой трудно разставить знаки препинанія, какъ, напримѣръ, въ твореніяхъ Ираклита. Разставить знаки въ твореніяхъ Ираклита—[большой] трудъ, потому что неясно, къ чему что относится, къ послѣдующему или къ предыдущему, какъ напримѣръ, въ началѣ своей книги онъ говоритъ: „Относительно

---

[1]) Геродотъ, кн. I, глл. 53 и 91.

[2]) Протагоръ—ученѣйшій изъ софистовъ, въ первый періодъ своей дѣятельности занимался преимущественно грамматикой и риторикой, а затѣмъ отдался исключительно занятіямъ философіей.

разума требуемаго всегда люди являются непонятливыми". Здѣсь неясно, къ чему нужно присоединить знакомъ [запятою] слово „всегда".

Ошибка является еще и въ томъ случаѣ, если для двухъ различныхъ понятій употребляется выраженіе, неподходящее [къ нимъ обоимъ], напримѣръ, для звука и цвѣта; выраженіе „увидѣвъ" не подходитъ [къ обоимъ этимъ понятіямъ], а выраженіе „замѣтивъ" подходитъ. Кромѣ того неясность получается еще и въ томъ случаѣ, если, намѣреваясь многое вставить, не помѣстишь въ началѣ того, [что слѣдуетъ], напримѣръ, [если скажешь]: „я намѣревался, переговоривъ съ нимъ о томъ то и о томъ то и такимъ то образомъ, отправиться въ путь", а не такъ: „я намѣревался, поговоривъ, отправиться въ путь", а потомъ „и случилось то-то и то-то и такимъ то образомъ".

ГЛАВА VI.

Что способствуетъ пространности и сжатости стиля?

Пространности стиля способствуетъ употребленіе опредѣленія понятія вмѣсто имени, [обозначающаго понятіе], напримѣръ, — если сказать не „кругъ", а „плоская поверхность, всѣ конечныя точки которой равно отстоятъ отъ центра". Сжатости же [стиля способствуетъ] противоположное, то-есть [употребленіе] имени вмѣсто опредѣленія понятія. [Можно для пространности поступать слѣдующимъ образомъ], если [въ томъ, о чемъ идетъ рѣчь] есть что-нибудь позорное или неприличное; если есть что нибудь позорное въ понятіи,— можно употреблять имя, если же въ имени, то понятіе. [Можно] также пояснять мысль съ помощью метафоръ и эпитетовъ, остерегаясь при этомъ того, что носитъ на себѣ поэтическій характеръ,— а также представлять во множественномъ числѣ то, что существуетъ въ единственномъ числѣ, какъ это дѣлаютъ поэты: хотя существуетъ одна гавань, они все-таки говорятъ:

„Въ Ахейскія гавани" [1]),

а также:

„Эти многораскрывающіяся складки письма" [2]).

[Можно для пространности] не соединять [два слова вмѣстѣ], но къ каждому изъ нихъ присоединять [отдѣльное опредѣленіе], [напримѣръ]

---

[1]) Стихъ, неизвѣстно кому принадлежащій.

[2]) Еврипидъ, Ифигенія въ Тавридѣ, ст. 709.

отъ жены отъ моей, или, для сжатости, напротивъ: отъ моей жены. [Выражаясь пространно], слѣдуетъ также употреблять союзы, а если [выражаться] сжато, то не слѣдуетъ ихъ употреблять, но не [слѣдуетъ] также при этомъ дѣлать рѣчь безсвязной, напримѣръ, можно сказать „отправившись и переговоривъ", а также: „отправившись, переговорилъ". Полезна также манера Антимаха [1]),—[при описаніи предмета] говорить о тѣхъ качествахъ, [которыхъ у даннаго предмета] нѣтъ, какъ онъ это дѣлаетъ, воспѣвая гору Тевмессу: [2])

Есть небольшой холмъ, обвѣваемый вѣтрами [3]).

Такимъ путемъ можно распространить [описаніе] до безконечности. И можно говорить какъ о хорошихъ, такъ и о дурныхъ качествъ, которыми данный предметъ не обладаетъ — смотря по тому, чтó требуется. Отсюда и поэты заимствуютъ свои выраженія: „безструнная и безлирная мелодія". Они производятъ эти выраженія отъ отсутствія качествъ; этотъ способъ очень пригоденъ въ метафорахъ, основанныхъ на сходствѣ, напримѣръ, если сказать, что труба есть безлирная мелодія.

ГЛАВА VII.

Какими свойствами долженъ обладать стиль? Какъ этого достигнуть?

Стиль будетъ обладать надлежащими качествами, если онъ полонъ чувства, если онъ отражаетъ характеръ и если онъ соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей. Послѣднее бываетъ въ томъ случаѣ, когда о важныхъ вещахъ не говорится слегка и о пустякахъ не говорится торжественно, и когда къ простому имени (слову) не присоединяется украшеніе; въ противномъ случаѣ стиль кажется шутовскимъ; такъ, напримѣръ, поступаетъ Клеофонтъ [4]): онъ упо-

---

[1]) Антимахъ изъ Колофона, эпическій поэтъ, жившій во время Пелопоннисской войны.

[2]) Тевмесса—гора въ Віотіи; на ней расположенъ городъ того же имени.

[3]) Въ приводимомъ здѣсь стихѣ мы не находимъ примѣненія только что указанной манеры. Можно предполагать, что Аристотель приводитъ этотъ стихъ лишь затѣмъ, чтобы напомнить своимъ слушателямъ, вѣроятно, хорошо знакомымъ съ произведеніемъ Антимаха, въ какомъ именно отрывкѣ этого произведенія находится упоминаемое имъ описаніе.

[4]) Клеофонтъ — аттическій ораторъ и демагогъ. Ни одна изъ его рѣчей не сохранилась, но у древнихъ писателей встрѣчаются указанія на его болтливость и привычку важнымъ тономъ говорить о пустякахъ. Аристотель упоминаетъ о немъ еще разъ въ I кн.. 15 гл. Риторики.

требляетъ нѣкоторые обороты подобные тому, какъ если бы онъ сказалъ: „достопочтенная смоковница“. [Стиль] полонъ чувства, если онъ представляется языкомъ человѣка гнѣвающагося, разъ дѣло идетъ объ оскорбленіи, и языкомъ человѣка негодующаго и сдерживающагося, когда дѣло касается вещей безбожныхъ и позорныхъ. Когда дѣло касается вещей похвальныхъ, о нихъ [слѣдуетъ] говорить съ восхищеніемъ, а когда вещей, возбуждающихъ состраданіе, то со смиреніемъ; подобно этому и въ другихъ случаяхъ. Стиль, соотвѣтствующій данному случаю, придаетъ дѣлу видъ вѣроятнаго: здѣсь человѣкъ ошибочно заключаетъ, что [ораторъ] говоритъ искренно, на томъ основаніи, что при подобныхъ обстоятельствахъ онъ (человѣкъ) испытываетъ то-же самое, такъ что онъ принимаетъ, что положеніе дѣлъ таково, какимъ его представляетъ ораторъ, даже если это на самомъ дѣлѣ и не такъ. Слушатель всегда сочувствуетъ оратору, говорящему съ чувствомъ, если даже онъ не говоритъ ничего [основательнаго]; вотъ такимъ то способомъ многіе ораторы, съ помощью только шума, производятъ сильное впечатлѣніе на слушателей.

Выраженіе мыслей съ помощью знаковъ отражаетъ характеръ [говорящаго], потому что для каждаго положенія и душевнаго качества есть свой соотвѣтствующій языкъ; положеніе я различаю по возрасту, напримѣръ, мальчикъ, мужъ или старикъ,—[по полу], напримѣръ, женщина или мущина, [по національности], напримѣръ, лаконецъ или ѳессаліецъ. Душевными качествами [я называю] то, сообразно чему человѣкъ въ жизни бываетъ такимъ, а не инымъ, потому что образъ жизни бываетъ именно такимъ, а не инымъ въ зависимости не отъ каждаго душевнаго качества; и если ораторъ употребляетъ выраженія, соотвѣтствующія душевному качеству, онъ обнаруживаетъ свой нравственный обликъ, потому что человѣкъ неотесанный и человѣкъ образованный сказали бы не одно и то же и не въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. До нѣкоторой степени на слушателей дѣйствуетъ тотъ пріемъ, которымъ такъ часто пользуются составители рѣчей: Кто этого не знаетъ? Это всѣмъ извѣстно. Слушатель въ этомъ случаѣ соглашается подъ вліяніемъ стыда, чтобы быть причастнымъ тому, чему причастны всѣ остальные люди.

Всѣ эти виды [оборотовъ] одинаково могутъ быть употреблены кстати или некстати. При всякомъ несоблюденіи мѣры лѣкарствомъ [должно служить] извѣстное [правило], что человѣкъ долженъ самъ себя поправлять, потому что разъ ораторъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ, его слова кажутся истиной. Кромѣ того не [слѣ-

дуетъ] одновременно пускать въ ходъ всѣ сходныя между собой средства, потому что такимъ образомъ у слушателя является недовѣріе. Я разумѣю здѣсь такой, напримѣръ, [случай]: если слова [оратора] жестки, не [должно] говорить ихъ жесткимъ голосомъ, [дѣлать] жесткое выраженіе лица и [пускать въ ходъ всѣ] другія сходныя средства; при несоблюденіи этого правила всякій [риторическій пріемъ] обнаруживаетъ то, что̀ онъ есть. Если же [ораторъ пускаетъ въ ходъ] одно средство, не [употребляя] другаго, то незамѣтно онъ достигаетъ того-же самаго результата; если онъ жесткимъ тономъ говоритъ пріятныя вещи и пріятнымъ тономъ жесткія вещи, онъ лишается довѣрія [слушателей]. Сложныя слова, обиліе эпитетовъ и слова малоупотребительныя всего пригоднѣе для оратора, говорящаго подъ вліяніемъ гнѣва; простительно назвать несчастье „необозримымъ, какъ небо", или „чудовищнымъ". [Простительно это] также въ томъ случаѣ, когда ораторъ уже завладѣлъ своими слушателями и воодушевилъ ихъ похвалами или порицаніями, гнѣвомъ или дружбой, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ Исократъ въ концѣ своего Панегирика, [говоря]: „слава и память" (φήμην δὲ καὶ μνήμην) или „тѣ, которые рѣшились" (ἔτλησαν вм. ἐτόλμησαν). Такія вещи люди говорятъ въ состояніи энтузіазма, и выслушиваютъ ихъ люди, очевидно, подъ вліяніемъ такого же настроенія. Поэтому то такія выраженія пригодны для поэзіи, такъ какъ поэзія есть нѣчто боговдохновенное. Ихъ слѣдуетъ употреблять или въ вышеуказанныхъ случаяхъ или съ оттѣнкомъ ироніи, какъ это дѣлалъ Горгій и каковы [примѣры этого] въ Федрѣ.

ГЛАВА VIII.

Стиль не долженъ быть ни метрическимъ, ни лишеннымъ ритма.

Что касается формы стиля, то онъ не долженъ быть ни метрическимъ, ни лишеннымъ ритма. Въ первомъ случаѣ [рѣчь] не имѣетъ убѣдительности, такъ какъ кажется выдуманной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвлекаетъ вниманіе [слушателей], заставляя слѣдить за возвращеніемъ сходныхъ [повышеній и пониженій], совершенно такъ же, какъ дѣти, предупреждая вопросъ глашатаевъ: кого избираетъ своимъ покровителемъ отпускаемый на волю, [кричатъ:] Клеона [1]). Стиль, лишенный ритма [2]), имѣетъ незаконченный видъ, и слѣдуетъ при-

[1]) Вѣроятно, Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду произведеніе какого нибудь комика.

[2]) Ритмъ есть равномѣрное чередованіе повышеній и пониженій въ какихъ-

дать ему видъ законченности, но не съ помощью метра, потому что все незаконченное непріятно и невразумительно. Все измѣряется числомъ, а по отношенію къ формѣ стиля числомъ служитъ ритмъ, метры же его подраздѣленія; поэтому то рѣчь должна обладать ритмомъ, но не метромъ, такъ какъ [въ послѣднемъ случаѣ] получатся стихи. Ритмъ не долженъ быть строго опредѣленнымъ, что̀ получится въ томъ случаѣ, если онъ будетъ простираться лишь до извѣстнаго предѣла. Изъ ритмовъ героическій ритмъ отличается торжественнымъ характеромъ и не обладаетъ гармоніей, которая присуща разговорной рѣчи. Ямбъ есть именно форма рѣчи большинства людей. Вотъ почему изъ всѣхъ размѣровъ люди всего чаще произносятъ въ разговорѣ ямбическіе стихи. А рѣчь оратора должна обладать нѣкоторой торжественностью и возвышаться [надъ обыкновенной рѣчью]. Трохей болѣе подходитъ къ комическимъ танцамъ, что̀ доказываютъ тетраметры, потому что тетраметры — ритмъ скачковъ. Затѣмъ остается пэанъ, которымъ пользовались, начиная съ Ѳрасимаха [1]), но не умѣли объяснить, что̀ это такое. Пэанъ—третій [ритмъ]; онъ примыкаетъ къ вышеупомянутымъ, потому что представляетъ отношеніе трехъ къ двумъ, а изъ преждеупомянутыхъ [ритмовъ] одинъ [2]) [представляетъ] отношеніе одного къ одному, а другіе [3]) двухъ къ одному; къ этимъ ритмамъ примыкаетъ ритмъ полуторный [4]), а это и есть пэанъ; остальные [ритмы] слѣдуетъ оставить въ сторонѣ, какъ по вышеизложеннымъ причинамъ, такъ и потому, что они метричны, пэанъ же слѣдуетъ имѣть въ виду, такъ какъ изъ числа всѣхъ упомянутыхъ нами ритмовъ онъ одинъ не образуетъ стиха, такъ что имъ можно пользоваться наиболѣе незамѣтнымъ образомъ. Теперь употребляютъ только одинъ видъ пэана, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ, а между тѣмъ слѣдуетъ различать конецъ отъ начала. Есть два вида пэана, противоположные одинъ другому; одинъ

бы то ни было звукахъ: въ ударахъ молотка о наковальню, во взмахѣ крыльевъ птицы; метръ есть такое же чередованіе повышеній и пониженій, но лишь въ приложеніи къ человѣческой рѣчи. Ритмъ—понятіе родовое, метръ—видовое (ср. 1 гл. Піитики Аристотеля). Здѣсь Ар. утверждаетъ, что художественная проза должна отличаться ритмичностью, но правильность ритма не должна доходить до метровъ, до стихотворнаго размѣра, до стиховъ.

[1]) Ѳрасимахъ—см. 1 гл. III кн. Риторики. Онъ считается изобрѣтателемъ пэана.

[2]) То-есть, дактиль и спондей (— ⏑ ⏑ и — —).

[3]) То-есть, ямбъ и трохей (⏑ — и — ⏑).

[4]) То-есть, — ⏑ ⏑ ⏑ (пэанъ).

изъ нихъ годенъ для начала (такъ его и употребляютъ); это именно тотъ, у котораго въ началѣ долгій слогъ, а затѣмъ три короткихъ, [напримѣръ]:

Δᾱλŏγĕνĕς εἴτε Λŭκῐαν [1])

или: χρῡσĕŏκŏμᾰ Ἕκᾰτĕ παῖ Δῐός.

Другой [видъ пэана], напротивъ, тотъ, въ которомъ три первые слога короткіе, а послѣдній долгій, [напримѣръ]:

μĕτᾰ̆ δĕ̆ γᾱν ὕ̆δᾰτᾰ τ'ῶκĕᾰνŏ̆ν ἠ̄φάνῐσĕ νύξ.

Этотъ видъ пэана помѣщается въ концѣ, такъ какъ короткій слогъ, по своей неполнотѣ дѣлаетъ [окончаніе какъ бы] увѣчнымъ. Слѣдуетъ кончать долгимъ слогомъ, и конецъ долженъ быть ясенъ не благодаря писцу или какому-нибудь знаку, а изъ самого ритма.

Итакъ мы сказали, что стиль долженъ обладать хорошимъ ритмомъ, а не быть лишеннымъ ритма, [сказали также], какіе ритмы и при какихъ условіяхъ дѣлаютъ стиль ритмичнымъ.

ГЛАВА IX.

Стиль связный и стиль періодическій. Періодъ простой и періодъ сложный.— Два вида сложнаго періода.—Противоположеніе, приравненіе и уподобленіе.

Стиль необходимо долженъ быть или безпрерывнымъ (εἰρομένη) и соединеннымъ при помощи союзовъ, каковы прелюдіи (ἀναβολαί) въ диѳирамбахъ, или же періодическимъ и подобнымъ антистрофамъ древнихъ поэтовъ. Стиль безпрерывный—древній стиль: „Нижеслѣдующее есть изложеніе исторіи Геродота Ѳурійскаго“ [2]). Прежде этотъ стиль употребляли всѣ, а теперь его употребляютъ немногіе. Я называю безпрерывнымъ такой стиль, который самъ по себѣ не имѣетъ конца, если не оканчивается предметъ, о которомъ идетъ рѣчь; онъ непріятенъ по своей незаконченности, потому что всякому хочется видѣть конецъ; по этой то причинѣ [состязазающіеся въ бѣгѣ] задыхаются и обезсиливаютъ на поворотахъ, между тѣмъ какъ раньше они не чувствовали утомленія, видя передъ

---

[1]) Стихъ изъ неизвѣстно какому поэту принадлежащаго диѳирамба въ честь Аполлона.

[2]) Геродотъ былъ родомъ изъ Аликарнасса, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ началѣ своей исторіи, и лишь впослѣдствіи вмѣстѣ со многими другими переселился въ Ѳуріи, въ южной Италіи.

собой предѣлъ [бѣга]. Вотъ въ чемъ заключается безпрерывный стиль; стилемъ же періодическимъ называется стиль, составленный изъ періодовъ. Я называю періодомъ фразу, которая сама по себѣ имѣетъ начало и конецъ, и размѣры которой легко обозрѣть. Такой стиль пріятенъ и понятенъ; онъ пріятенъ, потому что представляетъ собой противоположность рѣчи незаконченной, и слушателю всегда кажется, что онъ что то схватываетъ, и что что то для него закончилось; а ничего не предчувствовать и ни къ чему не приходить—непріятно. Понятна такая рѣчь потому, что она легко запоминается, а это происходитъ отъ того, что періодическая рѣчь имѣетъ число, [то-есть, имѣетъ], число же всего легче запоминается. Поэтому то всѣ запоминаютъ стихи лучше, чѣмъ прозу, такъ какъ у стиховъ есть число, которымъ они измѣряются. Періодъ долженъ заканчиваться вмѣстѣ съ мыслью, а не разрубаться, какъ стихи Софокла [1]):

Καλυδὼν μὲν ἥδε γαῖα Πελοπίας χθονός,

ибо при такомъ раздѣленіи можно понять сказанное въ смыслѣ, противоположномъ [тому, какой ему хотѣли придать], какъ, напримѣръ, въ приведенномъ случаѣ [можно подумать], что Калидонъ — страна Пелопонниса.

Періодъ можетъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ или быть простымъ. Періодъ состоящій изъ нѣсколькихъ членовъ (κῶλα), имѣетъ видъ законченной фразы, можетъ быть раздѣленъ на части и произнесенъ съ одного дыханія весь, а не раздѣльно, какъ вышеприведенный періодъ. Κῶλον—членъ періода, одна изъ частей его. Простымъ я называю періодъ одночленный. Ни члены періода, ни сами періоды не должны быть ни укороченными, ни длинными, потому что краткая фраза часто заставляетъ слушателей спотыкаться: въ самомъ дѣлѣ, когда слушатель, еще стремясь впередъ къ тому предѣлу, о которомъ представленіе есть въ немъ самомъ, отбрасывается назадъ, вслѣдствіе прекращенія рѣчи, онъ какъ бы спотыкается, встрѣтивъ препятствіе. А длинные періоды заставляютъ слушателей отставать, подобно тому, какъ бываетъ съ людьми, которые, [гуляя], заходятъ за назначенные предѣлы: они, такимъ образомъ, оставляютъ позади себя тѣхъ, кто съ ними вмѣстѣ гуляетъ. Подобнымъ же образомъ и періоды, если они

---

[1]) Этотъ стихъ принадлежитъ не Софоклу, а Еврипиду и находился въ его Мелеагрѣ (fr. 515). Слѣдующій стихъ гласилъ: ἐν ἀντιπόρθμοις πεδί' ἔχουσ' εὐδαίμονα, и род. пад. Πελοπίας χθονός зависитъ, разумѣется, отъ ἀντιπόρθμοις.

длинны, превращаются въ [цѣлую] рѣчь и дѣлаются подобными прелюдіи, такъ что происходитъ то, по поводу чего Демокритъ Хіосскій [1]) подсмѣялся надъ Меланиппидомъ [2]), написавшимъ вмѣсто антистрофъ прелюдіи:

Мужъ, творящій зло другому, творитъ зло самому себѣ,
И длинная прелюдія—величайшее зло для того, кто ее написалъ [3]).

То же самое можно сказать и о тѣхъ, кто составляетъ длинные періоды. Но слишкомъ короткіе періоды—не періоды, они влекутъ слушателя впередъ [слишкомъ] стремительно.

Періодъ, состоящій изъ нѣсколькихъ членовъ, бываетъ или раздѣлительный, или противоположительный. Примѣръ раздѣлительнаго періода: „я часто удивлялся тѣмъ, кто установилъ торжественныя собранія и учредилъ гимнастическія состязанія" [4]). Противоположительный періодъ—такой, въ которомъ въ каждомъ изъ двухъ членовъ одна противоположность стоитъ рядомъ съ другой, или одинъ и тотъ же членъ присоединяется къ двумъ противоположностямъ, напримѣръ: „они оказали услугу и тѣмъ, и другимъ, и тѣмъ, кто остался, и тѣмъ, кто послѣдовалъ [за ними]; вторымъ они предоставили во владѣніе больше земли, чѣмъ они имѣли дома, первымъ оставили достаточно земли дома". Противоположности здѣсь: оставаться, послѣдовать, достаточно, бóльше. Точно также [и въ другой фразѣ]: „и для тѣхъ, кто нуждается въ деньгахъ, и для тѣхъ, кто желаетъ ими пользоваться"—пользованіе противополагается пріобрѣтенію. И еще: „часто случается, что при такихъ обстоятельствахъ и разумные люди терпятъ неудачу, и неразумные имѣютъ успѣхъ". [Или]: „тотчасъ они получили награду за побѣду, а немного спустя они пріобрѣли владычество на морѣ".—[Онъ заставилъ свои войска] „плыть по

---

1) Демокритъ изъ Хіоса, музыкантъ, а не извѣстный основатель атомистики Демокритъ изъ Абдеры во Ѳракіи.

2) Это имя носили два представителя диѳирамбической поэзіи, изъ которыхъ одинъ—Меланиппидъ Старшій—жилъ въ VI вѣкѣ до Р. Хр., а другой—Меланиппидъ Младшій—въ V вѣкѣ до Р. Хр. Здѣсь идетъ рѣчь, вѣроятно, о Младшемъ, такъ какъ съ его времени началась порча диѳирамба, музыка взяла верхъ надъ поэзіей и антистрофическое построеніе диѳирамба было уничтожено.

3) Исіодъ, Ἔργα καὶ Ἡμέραι, 263. Второй стихъ въ приводимомъ здѣсь двустишіи представляетъ передѣлку стиха Исіода, который гласитъ такъ: и дурной совѣтъ всего вреднѣе для того, кто его подалъ.

4) Этотъ и всѣ слѣдующіе приводимые здѣсь примѣры заимствованы изъ Панегирика Исократа.

материку и идти пѣшкомъ по морю, перекинувъ мостъ черезъ Геллеспонтъ и подкопавъ гору Аѳонъ".—„Силою закона лишать права гражданства тѣхъ, кто по рожденію гражданинъ".—„Одни изъ нихъ ужасно погибли, другіе позорно спаслись". — „Въ частной жизни пользоваться услугами рабовъ-варваровъ, въ политикѣ — спокойно смотрѣть на рабство многихъ союзниковъ". — „Или обладать при жизни, или оставить послѣ смерти".—И вотъ еще что сказалъ кто то въ судилищѣ относительно Пиѳолая и Ликофрона [1]): „пока они были дома, они продавали васъ, а когда пришли сюда, сами продали себя".—Всѣ приведенные примѣры производятъ указанное впечатлѣніе. Такой способъ изложенія пріятенъ, потому что противоположности чрезвычайно доступны пониманію, а если онѣ стоятъ рядомъ, онѣ [еще] понятнѣе, а также потому, что [этотъ способъ изложенія] походитъ на силлогизмъ, такъ какъ изобличеніе есть соединеніе противоположностей.

Вотъ что такое противоположеніе (ἀντίθεσις). Приравниваніемъ (παρίσωσις) называется такой случай, когда оба члена періода равны, уподобленіемъ (παρομοίωσις)—когда крайніе слоги обоихъ членовъ сходны; [сходство] необходимо должно быть или въ началѣ, или въ концѣ; въ началѣ бываютъ сходны имена, а въ концѣ—послѣдніе слоги, или [разные] падежи одного и того же имени, или одно и то-же имя. Вотъ примѣры сходства въ началѣ: ἀγρὸν γὰρ ἔλαβεν ἀργὸν παρ' αὐτοῦ (онъ получилъ отъ него безплодное поле), δωρητοί τ' ἐπέλοντο παράρρητοί τ' ἐπέεσσιν (ихъ можно было умилостивить подарками, уговорить словами) [2]). А вотъ примѣры сходства въ концѣ: ᾠήθησαν αὐτὸν παιδίον τετοκέναι, ἀλλ' αὐτοῦ αἴτιον γεγονέναι (они [не] думали, что онъ родилъ ребенка, а что онъ былъ причиной этого), ἐν πλείσταις δὲ φροντίσι καὶ ἐν ἐλαχίσταις ἐλπίσιν (въ безчисленныхъ заботахъ и въ ничтожнѣйшихъ надеждахъ). [Случай, когда въ концѣ стоятъ] падежи одного и того же имени: ἄξιος δὲ σταθῆναι χαλκοῦς, οὐκ ἄξιος ὢν χαλκοῦ (онъ достоинъ мѣдной статуи, не стоя мѣдной монеты). [Случай, когда въ концѣ повторяется] одно и то-же слово: σὺ δ' αὐτὸν καὶ ζῶντα ἔλεγες

---

[1]) Пиѳолай и Ликофронъ—братья жены Александра Ферейскаго, убившіе его и завладѣвшіе послѣ его смерти властью (IV вѣкъ). Съ ними велъ борьбу Филиппъ Македонскій. Какъ можно предположить изъ этого мѣста, они сначала держались враждебнаго образа дѣйствій по отношенію къ Аѳинамъ, а потомъ принуждены были просить ихъ помощи, для чего прибѣгали къ подкупамъ.

[2]) Иліада, IX 526.

κακῶς καὶ νῦν γράφεις κακῶς (ты и при жизни его говорилъ о немъ дурно, и теперь пишешь дурно). [Случай, гдѣ сходство заключается] въ одномъ слогѣ: τί ἂν ἔπαθες δεινόν, εἰ ἄνδρ' εἶδες ἀργόν? (Какого рода неудовольствіе ощутилъ бы ты, если бы увидѣлъ человѣка безъ дѣла?). Но можетъ случиться, что одна и та-же [фраза] заключаетъ въ себѣ все вмѣстѣ: и противоположеніе, и равенство членовъ, и сходство окончанія. [Различныя] начала періодовъ перечислены въ сочиненіяхъ Θеодекта [1]). Но бываютъ и ложныя противоположенія, какія, напримѣръ, употреблялъ Эпихармъ [2]): „То я былъ въ ихъ странѣ, то я былъ у нихъ“.

ГЛАВА X.

Откуда почерпаются изящныя и удачныя выраженія?—Какой родъ метафоръ наиболѣе заслуживаетъ вниманія?

Разобравъ этотъ вопросъ, слѣдуетъ сказать о томъ, откуда происходятъ изящныя и удачныя выраженія. Изобрѣсти ихъ—дѣло человѣка даровитаго или пріобрѣтшаго навыкъ, а показать, [въ чемъ ихъ особенности], есть дѣло этой науки. Итакъ поговоримъ о нихъ и перечислимъ ихъ. Начнемъ вотъ съ чего: естественно, что всякому пріятно легко научиться [чему нибудь], а всякое слово имѣетъ нѣкоторый опредѣленный смыслъ, поэтому всего пріятнѣе для насъ тѣ слова, которыя даютъ намъ какое нибудь знаніе. Слова необычныя намъ непонятны, а слова общеупотребительныя—мы понимаемъ. Наиболѣе достигаетъ этой цѣли метафора, напримѣръ, если поэтъ [3]) называетъ старость стеблемъ, остающимся послѣ жатвы, то онъ научаетъ и сообщаетъ свѣдѣнія съ помощью родоваго понятія, ибо и то, и другое—нѣчто отцвѣтшее. То-же самое дѣйствіе производятъ уподобленія, употребляемыя поэтами, и потому они кажутся изящными, если только они хорошо выбраны. Уподобленіе, какъ было

---

[1]) Θеодектъ—ученикъ Исократа, Платона и Аристотеля, хотя отношенія его къ послѣднему были, быть можетъ, скорѣе отношеніями единомышленника и друга, чѣмъ ученика. Онъ написалъ „Риторику“, въ которой, по видимому, заключалось развитіе основныхъ положеній Аристотеля относительно риторическаго искусства, что и могло подать поводъ Аристотелю ссылаться на нее, какъ на свое собственное сочиненіе.

[2]) Эпихармъ съ острова Коса—знаменитый комическій поэтъ, жилъ въ VI—V вв. до Р. Хр.

[3]) Одиссея, XIV 214.

сказано раньше [1]), есть та же метафора, но отличающаяся присоединеніемъ [слова сравненія]; она меньше нравится, такъ какъ она длиннѣе, она не утверждаетъ, что „это—то", и нашъ умъ этого не требуетъ.

Итакъ тотъ стиль и тѣ энтимемы по необходимости будутъ изящны, которыя сразу сообщаютъ намъ знанія; поэтому то поверхностныя энтимемы не въ чести; (мы называемъ поверхностными тѣ энтимемы, которыя для всякаго очевидны и въ которыхъ ничего не нужно изслѣдовать); не [въ чести] также энтимемы, которыя, когда ихъ произнесутъ, представляются непонятными. Но [наибольшимъ почетомъ пользуются тѣ энтимемы], произнесеніе которыхъ сопровождается появленіемъ нѣкотораго познанія, даже если этогопознанія раньше не было, или тѣ, по поводу которыхъ разумъ немного остается позади; потому что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ какъ бы пріобрѣтается нѣкоторое познаніе, а въ первыхъ [двухъ] нѣтъ. Подобныя энтимемы пользуются почетомъ ради смысла того, что въ нихъ говорится: что же касается внѣшней формы рѣчи, то [наибольшее значеніе придается энтимемамъ], въ которыхъ употребляются противоположенія, напримѣръ, „считая ихъ всеобщій миръ войною, объявленной нашимъ собственнымъ интересамъ"; здѣсь война противополагается миру. [Энтимема можетъ производить впечатлѣніе] и отдѣльными словами, если въ ней заключается метафора, и притомъ метафора ни слишкомъ далекая, потому что смыслъ такой трудно понять, ни слишкомъ поверхностная, потому что такая не производитъ никакого впечатлѣнія. [Имѣетъ] также [значеніе та энтимема], которая изображаетъ вещь передъ нашими глазами, ибо нужно больше обращать вниманіе на то, что есть, чѣмъ на то, что будетъ.

Итакъ нужно стремиться къ этимъ тремъ вещамъ: 1) метафорѣ, 2) противоположенію, 3) наглядности,

Изъ четырехъ родовъ метафоръ наиболѣе заслуживаютъ вниманія метафоры, основанныя на аналогіи; такъ, напримѣръ, Периклъ [2]) говорилъ, что юношество, погибшее на войнѣ, точно такъ же исчезло изъ государства, какъ если бы кто нибудь изъ года уничтожилъ весну. И Лептинъ [3]) по поводу лакедемонянъ [говорилъ], что онъ

---

[1]) Гл. 4, кн. III.

[2]) Этотъ же примѣръ Аристотель приводитъ въ 7 гл. I кн. Риторики.

[3]) Лептинъ уважаемый Аѳинскій гражданинъ, современникъ Демосѳена, предложившій законъ объ ограниченіи освобожденія отъ государственныхъ податей, противъ котораго съ успѣхомъ возсталъ Демосѳенъ. Приводимыя здѣсь слова

не допуститъ, чтобы Эллада стала крива на одинъ глазъ. И когда Харитъ [1]) торопился сдать отчетъ по Олинѳской войнѣ, Кифисодотъ [2]) сердился, говоря, что онъ старается сдать отчетъ въ то время, когда народъ „кипитъ въ котлѣ“. Такъ и нѣкогда [ораторъ], приглашая аѳинянъ, запасшись провіантомъ, идти въ Еввію, говорилъ, что постановленіе Мильтіада должно „выступить въ походъ“ [3]). И Ификратъ [4]) выражалъ неудовольствіе по поводу договора, заключеннаго аѳинянами съ Эпидавромъ и всей прибрежной страной, говоря, что они сами отняли у себя провіантъ на время войны. И Пиѳолай называлъ паралу [5]) палицею народа и Систъ [6])—рѣшетомъ Пирея. И Периклъ требовалъ уничтоженія Эгины, „этого гноя на глазахъ Пирея“. И Мироклъ [7]), назвавъ одно изъ уважаемыхъ лицъ, сказалъ, что самъ онъ нисколько не хуже этого лица, потому что оно поступаетъ худо въ размѣрѣ процентовъ, равняющихся трети [ста], а онъ въ размѣрѣ процентовъ равныхъ десятой части. [Такой же смыслъ имѣетъ] и ямбъ Анаксандрида [8]) о дочеряхъ, которыя опаздывали замужествомъ:

Дѣвушки у меня просрочили время вступленія въ бракъ.

И слова Поліевкта [9]) о нѣкоемъ Спевсиппѣ, пораженномъ апоплексіей, что онъ [ни одной минуты] не можетъ провести спокойно,

---

Лептина произнесены въ народномъ собраніи тогда, когда лакедемоняне, потерпѣвъ пораженіе въ борьбѣ съ ѳиванцами, обратились за помощью къ аѳинянамъ.

[1]) Харитъ (Χάρης) — аѳинскій полководецъ невысокихъ нравственныхъ качествъ. Во время борьбы Олинѳа съ Филиппомъ Македонскимъ аѳиняне два раза посылали ему (Олинѳу) на помощь войско подъ предводительствомъ Харита. Объ одномъ изъ этихъ походовъ здѣсь и идетъ рѣчь.

[2]) Аѳинскій полководецъ и ораторъ (IV в. до Р. Хр.).

[3]) По объясненію схоліаста, мѣсто это слѣдуетъ понимать такъ: какъ Мильтіадъ, безъ дальнихъ размышленій, двинулся противъ Ксеркса, такъ и мы, не размышляя долго, должны помочь Еввіи противъ ѳиванцевъ.

[4]) Аѳинскій полководецъ. О немъ Аристотель упоминаетъ въ VII гл. кн. I.

[5]) Парала—одинъ изъ аѳинскихъ государственныхъ кораблей.

[6]) Городъ съ гаванью у самаго узкаго мѣста Геллеспонта.

[7]) Мироклъ—аттическій ораторъ; онъ былъ противникомъ македонской партіи, почему и попалъ въ число тѣхъ лицъ, выдачи которыхъ требовалъ Александръ Македонскій.

[8]) Анаксандридъ—поэтъ средней комедіи, жилъ въ первой половинѣ IV вѣка до Р. Хр.

[9]) Поліевктъ—аѳинскій государственный человѣкъ и ораторъ, другъ Демосѳена и ревностный приверженецъ анти-македонской партіи.

хотя судьба связала его болѣзнью съ пятью отверстіями [1]). И Кифисодотъ называлъ тріиры пестрыми мельницами [2]), а Діогенъ [3])— харчевни аттическими фидитіями (спартанскія общія трапезы); и Эсіонъ [4]) [говорилъ], что они „вылили государство въ Сицилію". Это выраженіе метафорическое и наглядное. И [выраженіе] „такъ что [вся] Греція испустила крикъ" есть нѣкоторымъ образомъ метафора и наглядно. И какъ Кифисодотъ совѣтовалъ [аѳинянамъ] остерегаться, какъ бы не дѣлать много скопищъ, народныхъ собраній. И Исократъ [говорилъ тоже] о сбѣгавшихся на торжественныя празднества. И какъ [сказано] въ эпитафіи [5]): „достойно было бы, чтобы надъ могилой [воиновъ], павшихъ при Саламинѣ, Греція остригла себѣ волосы, какъ похоронившая свою свободу вмѣстѣ съ ихъ доблестью". Если бы онъ сказалъ, что [грекамъ] стоитъ пролить слезы, такъ какъ ихъ доблесть погребена — [это было бы] метафора и [наглядно, но [приведенныя слова] заключаютъ въ себѣ нѣкоторое противоположеніе свободы доблести. И какъ Ификратъ [6]) сказалъ: путь моихъ рѣчей пролегаетъ посреди Харитовыхъ [7]) дѣяній, Здѣсь [употреблена] метафора по аналогіи, и выраженіе „посреди" дѣлаетъ [фразу] наглядной. И выраженіе „призывать опасности на помощь противъ опасностей" есть метафора, дѣлающая фразу наглядной. И Ликолеонтъ [8]), защищая Хаврія [9]), [сказалъ]: какъ, вы не уступите мольбамъ мѣдной статуи, воздвигнутой въ честь его? Это была метафора для данной минуты, но не навсегда; хотя она наглядна:

---

[1]) Приводимое здѣсь Аристотелемъ слово обозначаетъ собственно орудіе для наказанія преступниковъ, состоявшее изъ дерева съ пятью отверстіями для ногъ, рукъ и шеи.

[2]) Почему тріиры называются мельницами, неизвѣстно; быть можетъ, потому что на тріирахъ привозился изъ другихъ странъ нужный для Аѳинъ хлѣбъ.

[3]) Въ греческомъ текстѣ вмѣсто имени Діогена стоитъ слово „собака", бывшее прозвищемъ Діогена циника.

[4]) Эсіонъ — Аттическій ораторъ времени Демосѳена.

[5]) Это невѣрная цитата изъ эпитафія Лисія, гдѣ рѣчь идетъ объ аѳинянахъ, павшихъ въ сраженіи на Геллеспонтѣ, а не при Саламинѣ.

[6]) См. выше, пр. 4 на стр 36.

[7]) См. пр. 1 на стр. 36.

[8]) Ликолеонтъ—аѳинскій ораторъ, ученикъ Исократа. Изъ его рѣчей извѣстна только одна—въ защиту Хаврія.

[9]) Хаврій—знаменитый аѳинскій полководецъ. Въ 366 г. онъ подвергся обвиненію по поводу передачи Ѳивамъ Оропа, но былъ оправданъ. Къ этому эпизоду, вѣроятно, и относится рѣчь Ликолеонта.

когда онъ (Хаврій) находится въ опасности, за него проситъ его статуя [1]), неодушевленное [какъ бы становится] одушевленнымъ, этотъ памятникъ дѣяній государства. Таково и [выраженіе]: они всѣми силами стараются о томъ, чтобы быть малодушными [2]), потому что стараться значитъ увеличивать что нибудь. [Таково же и выраженіе]: Богъ зажегъ въ душѣ разумъ, какъ свѣточъ, потому что оба слова, [то-есть, зажегъ и свѣточъ, наглядно] изображаютъ нѣчто. [То же самое]: „мы не прекращаемъ войны, а откладываемъ ихъ"; и то, и другое, и отсрочка, и подобный миръ относится къ будущему [3]). [Сюда же относится выраженіе], что мирный договоръ—трофей гораздо болѣе прекрасный, чѣмъ [трофеи], полученные на войнѣ [4]), потому что послѣдніе [получаются] за неважныя вещи или за одно какое нибудь случайное стеченіе обстоятельствъ, а первые—за всю войну; и тотъ, и другіе — признаки побѣды. [Сюда же относится и выраженіе], что для государствъ большимъ наказаніемъ служитъ осужденіе людей, потому что наказаніе есть справедливо [намъ причиняемый] ущербъ.

ГЛАВА XI.

Еще объ изящныхъ выраженіяхъ: что такое наглядность? Отношеніе наглядности къ метафорѣ.—Откуда слѣдуетъ заимствовать метафоры?—„Обманываніе" слушателя: апофтегмы, загадки, парадоксы, шутки, основанныя на перестановкѣ буквъ и на созвучіи, омонимы.—Сравненіе, отношеніе его къ метафорѣ.—Пословицы и гиперболы и ихъ отношеніе къ метафорѣ.

Итакъ мы сказали, что изящество получается изъ метафоры по аналогіи и изъ оборотовъ, изображающихъ вещь наглядно; теперь слѣдуетъ сказать о томъ, что мы называемъ „нагляднымъ" и результатомъ чего является наглядность. Я говорю, что тѣ выраженія представляютъ вещь наглядно, которыя изображаютъ ее въ дѣйствіи, напримѣръ, выраженіе, что нравственно хорошій человѣкъ четырехуголенъ [5]), есть метафора, потому что оба эти понятія совершенны,

---

[1]) Статуя, воздвигнутая въ честь Хабрія, изображала его колѣнопреклоненнымъ, въ память того, что онъ первый приказалъ своему войску въ колѣнопреклоненномъ положеніи встрѣтить натискъ врага. Здѣсь Аристотель намекаетъ на эту, какъ бы умоляющую позу статуи.

[2]) Примѣръ изъ Исократова Панегирика, § 151 и сл.

[3]) Ibid. § 172.

[4]) Ibid. § 180.

[5]) Это понятіе „четырехугольнаго" въ приложеніи къ нравственно хорошему человѣку Аристотель повторяетъ въ Этикѣ Никомаха, кн. 1, гл. VIII.

но они не обозначаютъ дѣйствія. А [выраженіе] „онъ находится въ цвѣтѣ силъ“ [1]) означаетъ проявленіе дѣятельности, а также: „тебя, какъ животное, свободно пасущееся [въ священномъ округѣ]“ [2]). Точно также:

Тогда Греки, воспрянувъ своими быстрыми ногами [3]).

Выраженіе „воспрянувъ“ означаетъ дѣйствіе и есть метафора, потому что оно заключаетъ въ себѣ понятіе быстроты. И какъ Гомеръ часто пользовался [этимъ оборотомъ], съ помощью метафоры представляя неодушевленное одушевленнымъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ отъ употребленія выраженій, означающихъ дѣйствіе, фразы выигрываютъ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ случаяхъ:

Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень [4]).

и:

..... и отпрянула быстро перната злая (стрѣла) [5]).

...... и прянула стрѣлка
Остроконечная, жадная въ сонмы влетѣть сопротивныхъ [6])

и: (копья)

Въ землю вонзяся стояли, насытиться алчныя тѣломъ [7]).

и:

..... сквозь перси пробилося бурное жало,
Рея впередъ [8]).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ предметы, будучи изображены одушевленными, кажутся дѣйствующими, такъ какъ понятія „обманывать“, „реять“ и т. п. означаютъ проявленіе дѣятельности. [Поэтъ] примѣнилъ ихъ съ помощью метафоры по аналогіи, потому что какъ камень относится къ Сизифу, такъ поступающій безстыдно относится къ тому, по отношенію къ кому онъ поступаетъ безстыдно. [Поэтъ] пользуется удачными образами, говоря о предметахъ неодушевленныхъ: (буря)

..... воздымаетъ
Горы клокочущихъ волнъ по немолчно шумящей пучинѣ,
Грозно нависнувшихъ, пѣнныхъ, однѣ, а за ними другія [9]).

[1]) Исократъ, Πρὸς Φίλιππον § 10.
[2]) Ibid. § 127.
[3]) Еврипидъ, Ифигенія въ Авлидѣ, ст. 80.
[4]) Od. XI 598.
[5]) Il. XIII 587.
[6]) Il. IV 126.
[7]) Il. XI 574.
[8]) Il. XV 542.
[9]) Il. XIII 797—799.

[Здѣсь поэтъ] изображаетъ все движущимся и живущимъ, а дѣйствіе есть движеніе.

Метафоры нужно заимствовать, какъ мы это сказали и раньше [1]), изъ области предметовъ сродныхъ, но не явно сходныхъ, подобно тому, какъ и въ философіи считается свойствомъ мѣткаго [ума] видѣть сходство и въ вещахъ, далеко отстоящихъ однѣ отъ другихъ, какъ, напримѣръ, Архитъ [2]) говорилъ, что судья и жертвенникъ— одно и то же, потому что къ тому и другому прибѣгаетъ все, что терпитъ несправедливость. Или еслибы кто-либо сказалъ, что якорь и кремаѳра [3])—одно и то же: и то, и другое нѣчто сходное, но отличается [одно отъ другаго] положеніемъ: одно наверху, другое внизу. И [выраженіе] „государства нивеллировались“ [отмѣчаетъ] сходство въ [предметахъ] далеко отстоящихъ одинъ отъ другаго, именно, равенство въ могуществѣ и въ поверхности.

Бо́льшая часть изящныхъ оборотовъ получается съ помощью метафоръ и посредствомъ обманыванія [слушателя): для него становится яснѣе, что онъ узналъ что-нибудь [новое], разъ это послѣднее противоположно тому, [что онъ думалъ]; и разумъ тогда какъ бы говоритъ ему: Какъ это вѣрно! А я ошибался. И изящество апофтегмъ является слѣдствіемъ именно того, что онѣ значатъ не то, что въ нихъ говорится, какъ, напримѣръ, изреченіе Стисихора, что стрекозы для самихъ себя будутъ пѣть на землѣ [4]). По той же самой причинѣ пріятны хорошо составленныя загадки: [онѣ сообщаютъ нѣкоторое] знаніе и въ нихъ употребляется метафора. [Сюда же относится то], что Ѳеодоръ [5]) называетъ „говорить новое (καινά)“; это бываетъ въ томъ случаѣ, когда [мысль] парадоксальна и когда она, какъ говоритъ Ѳеодоръ, не согласуется съ ранѣе установившимся мнѣніемъ, подобно тому, какъ въ шуткахъ употребляются измѣненныя слова; то же дѣйствіе могутъ производить и шутки, основанныя на перестановкѣ буквъ въ словахъ, потому что [и тутъ слушатель] впадаетъ въ заблужденіе. [То же самое бываетъ] и въ стихахъ, потому

[1]) См. выше, гл. 10.

[2]) Архитъ изъ Тарента, государственный дѣятель, полководецъ, пиѳагорейскій философъ и математикъ, другъ Платона.

[3]) Висящій коробъ въ комедіи и трагедіи.

[4]) Эта фраза Стисихора приводится Аристотелемъ выше, во II кн. 21 гл.

[5]) Ѳеодоръ изъ Византіи, риторъ и софистъ, современникъ Сократа. Аристотель упоминаетъ о немъ еще раньше, въ 23 гл. II кн.

что они заканчиваются не такъ, какъ предполагалъ слушатель, напримѣръ:

Онъ шелъ, имѣя на ногахъ отмороженныя мѣста [1]).

Слушатель полагалъ, что будетъ сказано сандаліи [а не отмороженныя мѣста]. Такіе обороты должны становиться понятными немедленно послѣ того, какъ они произнесены. А когда [въ словахъ] измѣняются буквы, то говорящій говоритъ не то, что говоритъ, а то, что значитъ получившееся искаженіе слова, таковы, напримѣръ, слова Ѳеодора къ киѳареду Никону [2]): ѳракіянка [произвела] тебя [на свѣтъ]. Ѳеодоръ дѣлаетъ видъ, что говоритъ: это тебя тревожитъ [3]), и обманываетъ [слушателя], потому что на самомъ дѣлѣ онъ говоритъ нѣчто иное. Поэтому [эта фраза] доставляетъ удовольствіе тому, кто ее понялъ, а для того, кто не знаетъ, что Никонъ— ѳракіецъ, [фраза] не покажется изящной. Или еще фраза: ты хочешь его погубить—или: ты хочешь, чтобы онъ сталъ на сторону персовъ [4]). И въ томъ, и въ другомъ смыслѣ фраза должна быть сказана надлежащимъ образомъ. То же самое [можно сказать] и объ изящныхъ фразахъ, напримѣръ, если говорится: главенство на морѣ для аѳинянъ не было началомъ бѣдствій, потому что они извлекли изъ него пользу [5]). Или, какъ [говорилъ] Исократъ, что главенство послужило для государства началомъ бѣдствій [6]). Въ обоихъ случаяхъ произнесено то, произнесенія чего трудно было бы ожидать, и признано вѣрнымъ. Сказать, что начало есть начало—не есть большая мудрость, но [это слово] употребляется не такимъ же образомъ, а иначе, и ἀρχή повторяется не въ томъ же самомъ смыслѣ, а въ другомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выходитъ хорошо, если слово надлежащимъ образомъ употреблено для омониміи или метафоры, напримѣръ: Ана-

---

[1]) Неизвѣстно, откуда заимствована эта цитата.

[2]) Никонъ—комикъ средней или новой комедіи, авторъ комедіи „Киѳаредъ“ (Κιθαρῳδός).

[3]) Не поддающаяся переводу игра словъ, основанная на созвучіи: Θράττω= ταράττω—тревожу и Θράττη—ѳракіянка(?). Никонъ, повидимому, былъ сыномъ рабыни ѳракіянки.

[4]) Подобная же игра словъ, основанная на созвучіи: πέρσαι (отъ πέρθω) уничтожить, погубить и Πέρσης—персъ.

[5]) Игра словъ, основанная на двоякомъ значеніи слова ἀρχή—начало и главенство.

[6]) Исократъ, Πρὸς Φίλιππον, § 61.

схетъ невыносимъ [1]), здѣсь употреблена омонимія, и [употреблена] надлежащимъ образомъ, если [Анасхетъ дѣйствительно] человѣкъ непріятный. Или:

Ты не можешь быть для насъ болѣе чужимъ, чѣмъ слѣдуетъ чужестранцу [2]),

или: не болѣе, чѣмъ ты долженъ быть, чужестранецъ; это—одно и то же. И „чужестранецъ не долженъ всегда оставаться чужимъ"; и здѣсь у слова различный смыслъ. То же самое можно сказать и о восхваляемыхъ словахъ Анаксандрида [3]):

Прекрасно умереть, прежде чѣмъ сдѣлаешь что-нибудь достойное смерти.

Сказать это — то же самое, что сказать: „стòитъ умереть, не стòя смерти", или „стòитъ умереть, не будучи достойнымъ смерти", или „не дѣлая чего-нибудь достойнаго смерти". Въ этихъ фразахъ одинъ и тотъ же способъ выраженія, при чемъ чѣмъ фраза короче и чѣмъ сильнѣе въ ней противоположеніе, тѣмъ она удачнѣе; причина этого та, что отъ противоположенія сообщаемое свѣдѣніе становится полнѣе, а при краткости оно получается быстрѣе. При этомъ всегда должно быть лицо, къ которому фраза относится, и фраза должна быть правильно сказана, если то, что говорится, правда и не нѣчто пошлое, потому что эти качества могутъ не совпадать. Такъ, напримѣръ, „слѣдуетъ умирать, ни въ чемъ не погрѣшивъ"; [смыслъ здѣсь вѣренъ], но выраженіе не изящно. Еще: „достойный долженъ жениться на достойной"; это не изящно. Но если [фраза] обладаетъ обоими качествами, напримѣръ, „достойно умереть не достойному смерти", [то она изящна]. Чѣмъ больше [фраза отвѣчаетъ вышеуказаннымъ требованіямъ], тѣмъ она изящнѣе, напримѣръ, если имена употреблены, какъ метафоры, и если [въ фразѣ] есть подобнаго рода метафоры, и противоположеніе, и приравненіе, и дѣйствіе.

И сравненія, какъ мы сказали это выше [4]), суть нѣкоторымъ образомъ метафоры, всегда нравящіяся. Они всегда составляются изъ двухъ

---

[1]) Въ греческомъ текстѣ одно и то же слово ἀνάσχετος употреблено, какъ имя собственное (Анасхетъ) и прилагательное (невыносимый). Подобно этому въ латинскомъ языкѣ говорится Lepidus non lepidus.

[2]) Стихъ неизвѣстнаго поэта; чужой и чужестранецъ въ греческомъ текстѣ передано черезъ одно и то же слово ξένος.

[3]) Анаксандридъ—см. выше, прим. къ главѣ 10-й.

[4]) См. начало 4 главы.

понятій, какъ метафора по аналогіи, напримѣръ, мы говоримъ, что щитъ—фіалъ Арея [1]), а лукъ—безструнная лира [2]). [Говоря] такимъ образомъ, употребляютъ [метафору] не простую, а назвать лукъ лирой и щитъ фіаломъ [значитъ употребить метафору] простую. Такимъ то образомъ дѣлаются сравненія, напримѣръ, игрока на флейтѣ съ обезьяной и человѣка близорукаго съ потухающимъ свѣтильникомъ, потому что и тотъ, и другой мигаютъ. Сравненіе удачно, когда въ немъ есть метафора, такъ, напримѣръ, можно сравнить щитъ съ фіаломъ Арея, развалины съ лохмотьями дома; сюда же [относится] и сравненіе: „Никиратъ [3]) — это Филоктетъ, укушенный Пратіемъ", которое употребилъ Θрасимахъ [4]), увидя, что Никиратъ, побѣжденный Пратіемъ въ декламаціи, отпустилъ себѣ волосы и неопрятенъ. На этомъ, то-есть, когда [сравненіе] неудачно, поэты всего чаще проваливаются, и за это же, то-есть, когда [сравненіе] удачно, ихъ всего больше прославляютъ. Я разумѣю тѣ случаи, когда поэтъ, напримѣръ, говоритъ:

Его голени искривлены, какъ сельдерей [5])

Или:

Какъ Филаммонъ [6]) сражаясь со своимъ мѣшкомъ [7]).

Всѣ подобныя выраженія представляютъ собой сравненія. А что сравненія не что иное, какъ метафоры, объ этомъ мы говорили много разъ.

И пословицы—метафоры отъ одного рода вещей къ другому, напримѣръ, если кто-нибудь самъ введетъ къ себѣ кого-нибудь, расчитывая отъ него попользоваться, и потомъ терпитъ отъ него вредъ, то говорятъ: „это какъ карпаѳскій [8]) житель и заяцъ", ибо оба одинаково потерпѣли.

---

[1]) Этотъ примѣръ встрѣчается у Аристотеля выше, въ концѣ 4 гл.

[2]) См. выше, конецъ гл. 6.

[3]) Никиратъ — сынъ полководца Никія, знавшій наизусть всю Одиссею и Иліаду; онъ состязался съ современными ему рапсодами и былъ побѣжденъ рапсодомъ Пратіемъ.

[4]) См. выше, прим. къ главѣ 1-й.

[5]) Стихъ неизвѣстнаго поэта.

[6]) Филаммонъ, извѣстный, какъ побѣдитель на Олимпійскихъ играхъ.

[7]) Дѣло идетъ объ особаго рода гимнастическомъ упражненіи, состоявшемъ въ томъ, что атлеты перекидывали другъ къ другу большой кожаный мѣхъ, наполненный смоковичными зернами, пескомъ или мукою и укрѣпленный на веревкѣ у потолка.

[8]) Карпаѳъ (Κάρπαθος)—островъ между Критомъ и Родосомъ. На немъ не

Такимъ образомъ, мы, можно сказать, выяснили, изъ чего образуются изящные обороты рѣчи и почему.

И удачныя гиперболы—метафоры, напримѣръ, о избитомъ лицѣ можно сказать: его можно принять за корзину тутовыхъ ягодъ, такъ подъ глазами сине. Но это въ значительной мѣрѣ преувеличено. Выраженія съ „подобно тому какъ" и „такъ то и такъ то"—гиперболы, отличающіяся только формой.

Какъ Филаммонъ сражаясь со своимъ мѣшкомъ.

[Это сравненіе становится гиперболой въ такой формѣ]: можно подумать, что это — Филаммонъ, сражающійся съ мѣшкомъ. [Еще]: имѣть ноги кривыя, какъ сельдерей, и: можно подумать, что у него не ноги, а сельдерей, такъ онѣ изогнуты. Есть гиперболы, носящія дѣтскій характеръ, онѣ заключаютъ въ себѣ преувеличеніе; поэтому ихъ чаще всего употребляютъ подъ вліяніемъ гнѣва:

Или хоть столько давалъ бы мнѣ, сколько песку здѣсь и праху..... [1]).
Дщери супругой себѣ не возьму отъ Атреева сына,
Если красою она со златой Афродитою споритъ,
Если искусствомъ работъ свѣтлоокой Аѳинѣ подобна [2]).

Чаще всего пользуются гиперболами Аттическіе риторы. Человѣку же пожилому не подобаетъ употреблять ихъ.

ГЛАВА XII.

Каждому роду рѣчи соотвѣтствуетъ особый стиль.—Стиль рѣчи письменной и рѣчи полемической.—Разница между стилемъ рѣчи письменной и рѣчи при устныхъ состязаніяхъ.—Для какой рѣчи пригодны сценическіе пріемы?—Заключеніе разсужденія о стилѣ.

Не должно ускользать отъ [нашего] вниманія, что для каждаго рода рѣчи пригоденъ особый стиль, ибо не одинъ и тотъ же [стиль] въ рѣчи письменной и въ рѣчи полемической, въ рѣчи произносимой передъ народнымъ собраніемъ и въ рѣчи судебной. Необходимо знать оба [рода стиля], потому что первый заключается въ умѣньи говорить по-гречески, а, зная второй, не бываешь принужденъ молчать, если хочешь передать что-нибудь другимъ, какъ это бываетъ съ

водилось зайцевъ; одному изъ жителей острова вздумалось привезти туда нѣсколько ихъ, но въ короткое время они до такой степени размножились, что стали опустошать поля.

[1]) Il. IX 385.

[2]) Ibid. ст. 388—390.

тѣми, кто не умѣетъ писать. Стиль рѣчи письменной—самый точный, а рѣчи полемической — самый актерскій. Есть два вида послѣдняго [стиля]: одинъ этическій [затрогивающій нравы], другой патетическій [возбуждающій страсти]. Поэтому-то актеры гонятся за такого рода драматическими произведеніями, а поэты — за такого рода [актерами]. Поэты, пригодные для чтенія, представляются тяжеловѣсными; таковъ, напримѣръ, Херимонъ [2]), потому что онъ точенъ, какъ логографъ, а изъ диѳирамбическихъ поэтовъ—Ликимній [3]). Если сравнивать рѣчи между собой, то рѣчи написанныя при устныхъ состязаніяхъ кажутся сухими, а рѣчи ораторовъ, даже если онѣ имѣли успѣхъ, кажутся неискусными, [разъ онѣ у насъ] въ рукахъ, [то-есть, разъ мы ихъ читаемъ]; причина этого та, что онѣ пригодны [только] для устнаго состязанія; по той же причинѣ и сценическіе пріемы внѣ сцены не производятъ свойственнаго имъ впечатлѣнія и кажутся нелѣпыми: напримѣръ, фразы, не соединенныя союзами, и частое повтореніе одного и того же въ рѣчи письменной по справедливости отвергается, а въ устныхъ состязаніяхъ нѣтъ, и ораторы употребляютъ [эти обороты], потому что они свойственны актерамъ. При повтореніи одного и того же необходимо говорить иначе что̀ какъ бы даетъ мѣсто декламаціи, [напримѣръ]: вотъ тотъ, кто обокралъ васъ, вотъ тотъ, кто обманулъ васъ, вотъ тотъ, кто, наконецъ, рѣшилъ предать васъ. Такъ, напримѣръ, поступалъ актеръ Филимонъ [3]) въ „Безуміи стариковъ" Анаксандрида [4]) всякій разъ, произнося „Радаманѳъ и Паламидъ", а въ прологѣ къ „Благочестивымъ", [произнося слово] „Я". А если кто произноситъ такія фразы, не какъ актеръ, то онъ уподобляется человѣку, несущему бревно. Точно то же [можно сказать] о фразахъ, не соединенныхъ союзами, напримѣръ: я пришелъ, я встрѣтилъ, я попросилъ. Эти предложенія нужно произнести съ декламаціей, а не говорить ихъ одинаково, одинаковымъ голосомъ, какъ бы говоря одну фразу. Рѣчь, не соединенная союзами, имѣетъ нѣкоторую особенность: въъ одинъ и тотъ же промежутокъ времени сказано, повидимому, многое, потому что соединеніе посредствомъ союзовъ

[1]) Херимонъ трагическій аѳинскій поэтъ первой половины IV вѣка до Р. Хр. О немъ Аристотель говоритъ еще въ 23-й гл. II кн. Стиль его отличался продуманностью и живописностью и потому его пьесы были болѣе пригодны для чтенія, чѣмъ для сцены.

[2]) Ликимній съ Хіоса, диѳирамбическій поэтъ, неизвѣстно когда жившій.

[3]) Филимонъ—знаменитый актеръ, современникъ Платона.

[4]) См. выше, примѣч. къ главѣ 10-й.

дѣлаетъ многое чѣмъ-то единымъ, а съ уничтоженіемъ союзовъ, очевидно, единое, напротивъ, дѣлается многимъ. Слѣдовательно, [такая рѣчь] заключаетъ въ себѣ амплификацію: „я пришелъ, заговорилъ, попросилъ“ (это кажется многимъ); „онъ съ презрѣніемъ отнесся ко всему, что я сказалъ“. Того же хочетъ достигнуть и Гомеръ, говоря:

Нирей изъ Симы,
Нирей отъ Аглаи рожденный,
Нирей прекраснѣйшій изъ всѣхъ [1]).

О комъ говорится многое, о томъ, конечно, говорится часто; и если [о комъ-нибудь говорится] часто, кажется[, что о немъ сказано] многое; такимъ образомъ [и поэтъ], разъ упомянувъ [о Нireѣ], съ помощью паралогизма увеличилъ число разъ и увѣковѣчилъ такимъ образомъ его имя, хотя нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не сказалъ о немъ ни слова.

Стиль рѣчи, произносимой въ народномъ собраніи, во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на тѣнепись, ибо чѣмъ больше толпа, тѣмъ отдаленнѣе перспектива, поэтому-то и тамъ, и здѣсь, все точное кажется неумѣстнымъ и производитъ худшее впечатлѣніе; точнѣе стиль рѣчи судебной, а еще болѣе точна рѣчь, [произносимая] передъ однимъ судьей: [такая рѣчь] всего менѣе заключаетъ въ себѣ риторики, потому что здѣсь виднѣе то, что идетъ къ дѣлу и что ему чуждо; здѣсь не бываетъ препирательствъ, такъ что рѣшеніе [получается] чистое. Поэтому-то не одни и тѣ же ораторы имѣютъ успѣхъ во всѣхъ перечисленныхъ родахъ рѣчей, но гдѣ всего больше декламаціи, тамъ всего меньше точности; это бываетъ тамъ, гдѣ нуженъ голосъ, и особенно, гдѣ нуженъ большой голосъ.

Наиболѣе пригоденъ для письма стиль рѣчи эпидиктической, такъ какъ она предназначается для прочтенія; за ней слѣдуетъ [стиль рѣчи] судебной.

Излишне продолжать анализъ стиля [и доказывать], что онъ долженъ быть пріятенъ и величественъ, потому что почему [ему обладать этими свойствами] въ бо́льшей степени, чѣмъ умѣренностью, или благородствомъ, или какой-нибудь иной этической добродѣтелью? А что перечисленныя [свойства стиля] помогутъ ему сдѣлаться пріятнымъ, это очевидно, если мы правильно опредѣлили достоинство стиля; потому что для чего другаго, [если не для того, чтобы быть пріятнымъ], стиль долженъ быть ясенъ, не низокъ, но приличенъ?

---

[1]) Il., II, 671 и сл.

И если стиль болтливъ или сжатъ, онъ не ясенъ; очевидно, что [въ этомъ отношеніи] пригодна середина. Перечисленныя качества сдѣлаютъ стиль пріятнымъ, если будутъ въ немъ удачно перемѣшаны выраженія общеупотребительныя и малоупотребительныя, и ритмъ, и убѣдительные [доводы] въ подобающей формѣ.

Итакъ мы сказали о стилѣ — о всѣхъ стиляхъ вообще и о всякомъ отдѣльномъ родѣ въ частности. Остается сказать о построеніи [рѣчи] [1]).

ГЛАВА XIII.

О построеніи рѣчи.

На какія двѣ части должна раздѣляться рѣчь? – Подраздѣленіе Аристотеля и подраздѣленіе, установившееся до него.

Рѣчь имѣетъ двѣ части, ибо необходимо назвать предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и доказать его; поэтому невозможно, назвавъ, не доказать, или доказать, не назвавъ предварительно; человѣкъ доказывающій доказываетъ нѣчто, и человѣкъ, предвавительно излагающій что-нибудь, излагаетъ это съ цѣлью доказательства. Первая изъ этихъ двухъ частей есть изложеніе, вторая—способъ убѣжденія, какъ еслибы кто-либо раздѣлилъ рѣчь на части, изъ которыхъ первая — задача, вторая—рѣшеніе. Теперь же рѣчь смѣшно подраздѣляется на части, ибо разказъ свойственъ только судебной рѣчи; какимъ образомъ можетъ быть въ рѣчи эпидиктической и въ рѣчи, произносимой въ народномъ собраніи, то, что принято называть разказомъ, или то, что относится къ противнику, или заключеніе доказательствъ? Предисловіе, взвѣшиваніе и краткое повтореніе всего сказаннаго въ рѣчахъ, произносимыхъ въ народномъ собраніи, бываетъ тогда, когда бываютъ пренія, потому что въ нихъ часто дѣло идетъ объ осужденіи и оправданіи, но не въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ совѣщаніе. А заключеніе бываетъ даже не во всякой судебной рѣчи, напримѣръ, [его не бываетъ], когда рѣчь коротка или когда дѣло легко запомнить, потому что обыкновенно приходится убавлять отъ того, что пространно. Слѣдовательно необходимыя части рѣчи—изложеніе и способъ убѣжденія; онѣ составляютъ ея неотъемлемую при-

[1]) Этимъ заканчивается вторая часть Риторики, касающаяся вопроса о стилѣ. Съ главы XIII начинается третья и послѣдняя часть риторики, касающаяся построенія рѣчи. (О трехъ главныхъ задачахъ риторики см. начало 1 гл. III кн.).

надлежность, но по бóльшей части бываютъ: предисловіе, изложеніе, способъ убѣжденія, заключеніе, потому что то, что говорится къ противнику, относится къ способамъ убѣжденія, а сопоставленіе [доводовъ за и противъ] есть лишь усиленіе своихъ доводовъ, такъ что и оно — нѣкоторая часть способовъ убѣжденія: дѣлающій это [то-есть, сопоставленіе] доказываетъ нѣчто, а предисловіе и заключеніе [ничего не доказываютъ], [заключеніе] же лишь напоминаетъ. Если принять подобное подраздѣленіе, то придется сдѣлать то же, что дѣлали ученики Θеодора [1]): отличать повѣствованіе отъ поповѣствованія и предповѣствованія и доказательство отъ подоказательства. Слѣдуетъ лишь, называя какой-нибудь особый видъ, устанавливать для него особый терминъ, въ противномъ случаѣ терминъ является пустымъ и вздорнымъ; такъ поступаетъ, напримѣръ, Ликимній [2]) въ своей Риторикѣ, употребляя термины: вторженіе, отклоненіе, развѣтвленія.

ГЛАВА XIV.

Анализъ первой части рѣчи—предисловія. Сравненіе предисловія съ мелодіей.—Предисловія къ рѣчамъ эпидиктическимъ и судебнымъ, къ произведеніямъ диθирамбическимъ, эпическимъ, трагическимъ и комическимъ.—Другіе виды предисловія, общіе для всѣхъ родовъ произведеній, — изъ чего слагается ихъ содержаніе и какая цѣль при этомъ преслѣдуется?

Итакъ предисловіе есть начало рѣчи, то же, что въ поэтическомъ произведеніи есть прологъ, а въ игрѣ на флейтѣ—прелюдія. Всѣ эти части—начало; онѣ какъ бы прокладываютъ путь для послѣдующаго. Прелюдія подобна предисловію въ рѣчахъ эпидиктическихъ, потому что флейтисты все хорошее, что они имѣютъ сыграть [во всей пьесѣ], играютъ въ началѣ и объединяютъ въ [такой] прелюдіи; и въ рѣчахъ эпидиктическихъ слѣдуетъ писать такъ же: сразу изложить и связать все, что хочешь [доказывать], какъ это и дѣлаютъ всѣ. Примѣромъ этого можетъ служить предисловіе къ Еленѣ Исократа, потому что нѣтъ ничего общаго между Еленой и еристическими разсужденіями [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, если предисловіе отступаетъ [отъ общаго содержанія рѣчи], то по-

[1]) См. выше, прим. 1, къ гл. 11-й III книги.

[2]) Ликимній—греческій риторъ, ученикъ Горгія, авторъ „Риторики“.

[3]) Въ предисловіи къ этой рѣчи, посвященной восхваленію Елены (Ἑλένης ἐγκώμιον), Исократъ съ осужденіемъ говоритъ о софистахъ.

лучается та выгода, что не вся рѣчь имѣетъ одинаковый видъ. Предисловія рѣчей эпидиктическихъ слагаются изъ похвалы или хулы, напримѣръ, у Горгія въ олимпійской рѣчи [1]): „О мужи эллины, заслуживающіе уваженія со стороны многихъ“, ибо онъ восхваляетъ тѣхъ, кто установилъ общественныя собранія. Исократъ же порицаетъ [2]) ихъ за то, что они, почитая дарами физическія добродѣтели, не установили никакой награды для людей добродѣтельныхъ. [Предисловіе можетъ состоять и] изъ совѣта, напримѣръ, что слѣдуетъ почитать хорошихъ людей, что поэтому-то и онъ самъ [3]) восхваляетъ Аристида, или, что [слѣдуетъ] почитать тѣхъ людей, которые не пользуются извѣстностью и не дурные люди, но которые, будучи хорошими людьми, пребываютъ въ неизвѣстности, какъ Александръ, сынъ Пріама; ибо [такимъ путемъ] авторъ подаетъ совѣтъ.

[Можно еще заимствовать содержаніе предисловія] изъ предисловій къ рѣчамъ судебнымъ, то-есть, изъ непосредственнаго обращенія къ слушателямъ, если рѣчь идетъ о чемъ-нибудь, съ чѣмъ общественное мнѣніе несогласно, или о чемъ-нибудь трудномъ, или о чемъ-нибудь общеизвѣстномъ, съ тѣмъ, чтобы получить прощеніе, такъ, напримѣръ, начинаетъ Хирилъ [4]):

Теперь, когда все раздѣлено.

Итакъ вотъ изъ чего [слагаются] предисловія къ рѣчамъ эпидиктическимъ: изъ похвалы, изъ хулы, изъ убѣжденія, изъ разубѣжденія, изъ обращеній къ слушателямъ. Эта „прелюдія“ должна быть или связана съ содержаніемъ рѣчи, или быть ему чуждой. Относи-

---

[1]) Олимпійская рѣчь (Ὀλυμπιακός), произнесенная Горгіемъ, вѣроятно, въ Олимпіи, во время Пелопоннесской войны, призываетъ грековъ къ совмѣстной и единодушной борьбѣ съ варварами.

[2]) Въ началѣ своего знаменитаго панегирика, въ которомъ онъ излагаетъ въ историческомъ порядкѣ заслуги Аѳинъ передъ всей Греціей и выводитъ отсюда право Аѳинъ на игемонію преимущественно передъ Спартой, а также, подобно Горгію, убѣждаетъ грековъ сплотиться для совмѣстной борьбы съ персами.

[3]) Какого оратора разумѣетъ здѣсь Аристотель, неизвѣстно.

[4]) Хирилъ изъ Самоса, жившій около 404 г. до Р. Хр., является первымъ по времени представителемъ историческаго эпоса; онъ воспѣлъ борьбу грековъ съ персами въ поэмѣ Περσικά или Περσηΐς, изъ которой до насъ дошли лишь ничтожные отрывки. Приводимый здѣсь Аристотелемъ стихъ сохранился въ связи съ нѣсколькими другими стихами, въ которыхъ Хирилъ объясняетъ, почему онъ, вопреки традиціямъ своихъ предшественниковъ, представителей эпоса миѳическаго, принимается за эпосъ историческій: потому что вкусы и требованія измѣнились, и потому что его предшественники почти совершенно исчерпали миѳическій матеріалъ.

тельно предисловій къ рѣчамъ судебнымъ слѣдуетъ установить, что они имѣютъ такое же значеніе, какъ и прологи къ драматическимъ произведеніямъ и предисловія къ произведеніямъ эпическимъ. А предисловія къ произведеніямъ диѳирамбическимъ подобны предисловіямъ къ рѣчамъ эпидиктическимъ, [напримѣръ]:

Изъ-за тебя, твоихъ даровъ и добычи [1]).

Въ эпическихъ произведеніяхъ предисловіе есть показатель [содержанія] рѣчи, чтобы [слушатели] заранѣе знали, о чемъ будетъ идти рѣчь, и чтобы умъ не былъ въ недоумѣніи, потому что неопредѣленное вводитъ въ заблужденіе. А кто какъ бы далъ въ руку слушателю начало рѣчи, тотъ [этимъ самымъ] даетъ возможность слѣдить за рѣчью. Поэтому-то [говорится]:

Гнѣвъ, о богиня, воспой

И:

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ

И:

Скажи мнѣ о другомъ, о томъ, какъ великая война изъ Азіи перешла въ Европу [2]).

И трагики даютъ понятіе о драмѣ [въ предисловіи], если не тотчасъ, какъ Еврипидъ, то гдѣ-нибудь, какъ это [дѣлаетъ] и Софоклъ:

Мой отецъ былъ Полибъ [3]).

Такъ же [поступаютъ] и комики, ибо необходимѣйшее назначеніе предисловія, свойственное ему, заключается въ томъ, чтобы показать, какова та цѣль, ради которой [произносится] рѣчь; поэтому то, если дѣло ясно и коротко, не слѣдуетъ пользоваться предисловіемъ.

Другіе виды [предисловія], которыми пользуются [ораторы], представляютъ собой способы исцѣленія; они общи [всѣмъ родамъ произведеній]; содержаніе ихъ слагается въ зависимости отъ личности самого оратора, отъ личности слушателя, отъ дѣла, отъ личности противника. Все, что способствуетъ установленію обвиненія или опроверженію его, все это касается самого оратора или его противника. Но тутъ слѣдуетъ [поступать] не одинаково: оправдываясь, [слѣдуетъ приводить] то, что касается обвиненія, въ началѣ, а обвиняя, [слѣдуетъ приводить это] въ заключеніе. Почему [слѣдуетъ поступать такъ],

---

[1]) Начало какого то неизвѣстнаго диѳирамба.

[2]) Нѣкоторые комментаторы полагаютъ, что эти два стиха принадлежатъ Хирилу.

[3]) Царь Эдипъ, ст. 774.

это совершенно ясно: когда оправдываешься, необходимо устранить всѣ препятствія, разъ расчитываешь поставить самого себя передъ судомъ, такъ что прежде всего слѣдуетъ опровергнуть обвиненіе. А когда самъ обвиняешь, слѣдуетъ помѣщать обвиненіе въ концѣ, чтобы оно больше осталось въ памяти.

Предисловія, имѣющія въ виду слушателя, [возникаютъ] изъ желанія сдѣлать слушателя благосклоннымъ или разсердить его, а иногда еще изъ желанія возбудить его вниманіе или наоборотъ, ибо не всегда полезно возбуждать его вниманіе; поэтому-то многіе [ораторы] стараются разсмѣшить [слушателей]. Все это приводитъ къ благосклонности [слушателя], если кто этого желаетъ; [того же достигнетъ ораторъ], если выкажетъ себя нравственно хорошимъ человѣкомъ, потому что [слушатели] относятся съ бо́льшимъ вниманіемъ къ такимъ людямъ. [Слушатели] внимательно относятся ко всему великому и къ тому, что лично ихъ касается, ко всему удивительному и пріятному; поэтому слѣдуетъ внушать слушателямъ, что рѣчь идетъ о подобныхъ предметахъ. Если же нежелательно возбудить вниманіе [слушателей], [то должно имъ внушить], что дѣло, [котораго касается рѣчь], ничтожно, что оно нисколько ихъ не касается, что оно заключаетъ въ себѣ нѣчто печальное. Не должно однако забывать, что все подобное не относится прямо къ рѣчи и предназначается для плохаго слушателя, слушающаго то, что къ дѣлу не относится. Если же слушатель не таковъ, въ предисловіи нѣтъ никакой надобности, а нужно развѣ только вкратцѣ изложить дѣло, чтобы тѣло, такъ-сказать, имѣло голову. Обязанность возбуждать вниманіе слушателей, когда это нужно, лежитъ одинаково на всѣхъ частяхъ рѣчи, потому что вниманіе ослабѣваетъ во всѣхъ другихъ частяхъ скорѣе, чѣмъ въ началѣ. Поэтому смѣшно помѣщать [это стараніе] въ началѣ, когда всѣ слушаютъ съ наибольшимъ вниманіемъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ, гдѣ это умѣстно, употреблять [такія фразы]: „удѣлите мнѣ ваше вниманіе, потому что это дѣло касается не больше меня, чѣмъ васъ“— и: „я вамъ скажу нѣчто такое страшное или такое удивительное, подобнаго чему вы никогда не слыхали“. Это будетъ то же, что говорилъ Продикъ [1]), когда его слушатели готовы были заснуть,—что онъ вставитъ [въ свою рѣчь] 50-ти драхмовое ученіе [2]). Очевидно,

[1]) Продикъ съ острова Кеоса, софистъ, жившій въ концѣ V и началѣ VI вѣка до Р. Хр.

[2]) То-есть, то ученіе, которое онъ сообщалъ только тѣмъ, кто ему дорого за это платилъ.

что [подобные пріемы употребляются] по отношенію къ слушателю, поскольку онъ не есть слушатель [1]), потому что всѣ въ своихъ предисловіяхъ или обвиняютъ, или разсѣиваютъ страхи, [напримѣръ]:

Царь, я скажу вовсе не изъ поспѣшности [2]).

Или:

Къ чему столько предисловій? [3]).

[Къ этому пріему прибѣгаютъ также] тѣ, дѣло которыхъ неправо или кажется неправымъ, потому что имъ выгоднѣе останавливаться на всемъ другомъ, кромѣ своего дѣла. Поэтому-то и рабы отвѣчаютъ не то, что у нихъ спрашиваютъ, а [ходятъ] вокругъ и около и дѣлаютъ длинныя вступленія.

Какимъ образомъ слѣдуетъ дѣлать [слушателей] благосклонными, объ этомъ мы сказали, [4]) такъ же какъ и о каждомъ подобномъ [пріемѣ въ отдѣльности], ибо хорошо сказалъ [поэтъ]:

Дай мнѣ явиться для Феаковъ другомъ и предметомъ состраданія [5]),

такъ какъ къ этимъ двумъ [вещамъ] [6]) слѣдуетъ стремиться. А въ рѣчахъ эпидиктическихъ нужно заставлять слушателей думать, что похвала относится также или къ нимъ самимъ, или къ ихъ роду, или къ ихъ образу жизни, или какимъ нибудь инымъ образомъ, потому что правду говоритъ Сократъ въ надгробной рѣчи: „нетрудно хвалить Аѳинянъ среди Аѳинянъ, [но трудно хвалить ихъ] среди Лакедемонянъ“ [7]).

Предисловія въ рѣчахъ, произносимыхъ передъ народомъ, берутся изъ предисловій къ рѣчамъ судебнымъ; но по самой своей природѣ [эти рѣчи] наименѣе въ нихъ нуждаются, потому что и [слушатели] знаютъ, о чемъ идетъ рѣчь, и самое дѣло нисколько не нуждается въ предисловіи. [Предисловіе можетъ быть нужно лишь] или ради самого оратора, или ради его противниковъ, или если слушатели считаютъ дѣло не такимъ важнымъ, какимъ [ораторъ] желаетъ [его

---

[1]) То-есть, употребляются лишь тогда, когда слушатели не слушаютъ рѣчи.

[2]) Антигона Софокла, ст. 223.

[3]) Еврипидъ, Ифигенія въ Тавридѣ, ст. 1162.

[4]) См. 1 гл. II кн.

[5]) Одиссея, VI, 327.

[6]) То-есть, къ дружбѣ и состраданію, которыя нужно стараться вызвать въ слушателяхъ и судьяхъ, для того чтобы они высказались о дѣлѣ такъ, какъ хочется оратору.

[7]) Эту же мысль, поясненную этимъ же примѣромъ, Аристотель приводитъ въ 9 гл. I кн.

представить], но или болѣе, или менѣе важнымъ, почему и бываетъ необходимо установить обвиненіе, или опровергнуть его, увеличить или уменьшить [значеніе дѣла]; ради этого и бываетъ нужда въ предисловіи,—еще [предисловіе бываетъ нужно] для украшенія, такъ какъ рѣчь кажется наскоро составленной, если въ ней нѣтъ [предисловія]. Такова, напримѣръ, хвалебная рѣчь Горгія къ Элейцамъ, [1]) гдѣ онъ, не подбоченясь и не размахнувшись предварительно, прямо начинаетъ: Элея, счастливый городъ.

ГЛАВА XV.

Обвиненіе; различные способы, какими можно его опровергнуть.

Что касается обвиненія, то одинъ [способъ опровергнуть его заключается въ пользованіи тѣмъ], съ помощью чего можно разсѣять неблагопріятное мнѣніе; при этомъ безразлично, высказано оно кѣмъ нибудь или нѣтъ; это общее правило.

Другой способъ [заключается въ томъ], чтобы идти навстрѣчу спорнымъ пунктамъ [утверждая], что этого нѣтъ, или что это не вредно, или что это не [вредно] для даннаго лица, что это вовсе не такъ важно, или не несправедливо, или не велико, или не постыдно, или не имѣетъ тѣхъ размѣровъ, [какіе ему приписываютъ], потому что относительно подобныхъ пунктовъ [можетъ быть] споръ; какъ и Ификратъ [говорилъ] Навсикрату: [2]) онъ сознавался, что сдѣлалъ то, о чемъ говорилъ [противникъ], и причинилъ вредъ, но [утверждалъ], что не сдѣлалъ ничего несправедливаго. [Еще можно утверждать], что, поступая несправедливо, мы даемъ нѣчто взамѣнъ, или что, если это вредно, то въ тоже время и прекрасно, и если печально, то полезно, или что нибудь подобное.

Третій способъ [заключается въ утвержденіи], будто данный поступокъ совершенъ по ошибкѣ, или вслѣдствіе несчастнаго случая, или по необходимости, какъ, напримѣръ, говоритъ Софоклъ, что онъ дрожитъ не для того, чтобы, какъ говоритъ обвинитель [3]) казаться старикомъ, но по необходимости: не по его волѣ ему 80 лѣтъ.

[Можно] также подставить [другую] причину, ради которой [поступокъ якобы совершенъ; сказать], что мы желали не причинить

---

[1]) Эта рѣчь (Ἐγκώμιον εἰς Ἠλείους) почти не сохранилась.

[2]) Навсикратъ (или Навкратъ), ученикъ Исократа, риторъ. О какомъ дѣлѣ упоминаетъ здѣсь Аристотель, неизвѣстно.

[3]) Быть можетъ, здѣсь идетъ рѣчь о сынѣ Софокла Іофонтѣ, который передъ судомъ фраторовъ обвинилъ отца въ томъ, что онъ выжилъ изъ ума.

вредъ, а сдѣлать то-то, не то, въ совершеніи чего насъ обвиняли, что [намъ самимъ] пришлось при этомъ понести ущербъ: стóило бы [насъ] возненавидѣть, если бы мы дѣйствовали съ тѣмъ, чтобы случилось это. Еще одинъ [способъ заключается въ томъ], чтобы обратить обвиненіе на самого обвинителя, [утверждая], что прежде самъ онъ или кто нибудь изъ его близкихъ [сдѣлалъ это самое]. Еще одинъ [способъ заключается] въ упоминаніи проступка такихъ лицъ, которые, по общему признанію, не подлежатъ обвиненію. [говоря], напримѣръ, такъ: если совершившій то прелюбодѣяніе не виновенъ, то и этотъ также не виновенъ.

Еще одинъ [способъ заключается въ указаніи], что [противникъ раньше] обвинялъ другихъ, или что [кто нибудь] другой [обвинялъ] ихъ, или что они, не подвергаясь прямо обвиненію, были подозрѣваемы, какъ и обвиняемый теперь, а потомъ оказались невиновными.

Еще одинъ [способъ заключается] въ возведеніи обвиненія на самого обвинителя, потому что было бы странно, если-бы заслуживали довѣрія слова человѣка, который самъ его не заслуживаетъ.

Еще одинъ [способъ возникаетъ въ томъ случаѣ], если судебный приговоръ уже произнесенъ, какъ [говоритъ] въ „Антидосисѣ“ Еврипидъ Игіенонту [1]), обвинявшему его въ безбожіи, за то что онъ побуждалъ къ клятвопреступленію словами:

Мой языкъ произнесъ клятву, но мое сердце не произнесло ея [2]).

Еврипидъ утверждалъ, что самъ онъ не правъ, перенося въ судъ дѣла, по поводу которыхъ произнесенъ приговоръ на состязаніи въ честь Діонисія; что онъ, [Еврипидъ], тамъ уже отдалъ отчетъ въ своихъ словахъ или отдастъ его, если онъ [Игіенонтъ] пожелаетъ поддерживать обвиненіе.

Еще одинъ [способъ заключается] въ томъ, чтобы осудить клевету, [показать], какое [она зло], [показать], что подъ вліяніемъ ея возникаютъ иные приговоры, и что она не соотвѣтствуетъ дѣлу.

Способъ, общій для обѣихъ сторонъ, заключается въ пользованіи признаками какъ, напримѣръ, въ Тевкрѣ [3]) Одиссей [говоритъ], что онъ, Тевкръ, родственникъ Пріама, потому что Исіона, [его мать],— сестра [Пріама]. Тевкръ же [отрицаетъ это, говоря], что Теламонъ, его отецъ, былъ врагъ Пріама, и что онъ самъ не донесъ на лазутчиковъ.

---

[1]) Лицо неизвѣстное.

[2]) Еврипидъ, Иппол., 612.

[3]) Неизвѣстно, кому принадлежала эта трагедія.

Еще одинъ [способъ, которымъ можно пользоваться] обвинителю, [заключается въ томъ], чтобы, пространно похваливъ что нибудь ничтожное, въ немногихъ словахъ осудить что нибудь важное, или же [въ томъ, чтобы], поставивъ на видъ многія хорошія стороны [подсудимаго], осудить одно то, что имѣетъ рѣшающее значеніе для дѣла. Эти [пріемы] самые искусные, но и самые несправедливые, потому что они стремятся повредить человѣку съ помощью его же хорошихъ сторонъ, смѣшивая ихъ съ [его] недостатками.

[Пріемъ,] общій для обвиняющаго и для оправдывающагося (такъ какъ одно и то-же можетъ быть сдѣлано ради многихъ различныхъ причинъ), заключается въ томъ, чтобы обвиняющему обвинять, принимая все въ худшемъ свѣтѣ, а оправдывающемуся — въ лучшемъ, напримѣръ, по поводу того, что Діомидъ выбралъ Одиссея, одному [слѣдуетъ говорить], что Діомидъ поступилъ такъ, считая Одиссея самымъ доблестнымъ, а другому — что вовсе не потому, а по той причинѣ, что [Одиссей] одинъ, по своей трусости, не могъ бы стать для него соперникомъ.

Вотъ все, что нужно сказать объ обвиненіи.

ГЛАВА XVI.

Анализъ второй части рѣчи (разказа). Какъ нужно строить разказъ и какими свойствами онъ долженъ обладать въ рѣчахъ эпидиктическихъ, судебныхъ и произносимыхъ передъ народнымъ собраніемъ?

Въ рѣчахъ эпидиктическихъ разказъ долженъ быть изложенъ не весь сразу, а по частямъ, такъ какъ слѣдуетъ изложить тѣ дѣянія, вслѣдствіе которыхъ сложилась рѣчь. Рѣчь слагается такимъ образомъ изъ части, не зависящей отъ искусства, потому что ораторъ нисколько не причиненъ фактамъ, и части, зависящей отъ искусства; эта послѣдняя заключается въ томъ, чтобы показать или, что предметъ рѣчи фактъ, если онъ кажется невѣроятнымъ, или, что онъ именно таковъ, или настолько важенъ, или все [это вмѣстѣ]. Поэтому-то иногда слѣдуетъ излагать не все подъ рядъ, потому что при такомъ способѣ изложенія трудно все запомнить; на основаніи того-то, напримѣръ, [устанавливается, что] онъ [то-есть, лицо, о которомъ идетъ рѣчь] — человѣкъ мужественный, на основаніи другаго, что онъ — человѣкъ мудрый или справедливый. При первомъ способѣ изложенія рѣчь бываетъ слишкомъ проста, а при другомъ она разнообразна и не безцвѣтна.

Факты, всѣмъ извѣстные, нужно только напоминать; поэтому для большинства [такихъ случаевъ] разказъ вовсе не нуженъ, напри-

мѣръ, если желаешь восхвалять Ахилла, такъ какъ его подвиги всѣмъ извѣстны и ими нужно только воспользоваться. А если [ты хочешь восхвалять] Критія, [то разказъ] необходимъ, потому что немногіе знаютъ [о немъ]. Въ настоящее время смѣшно утверждаютъ, будто разказъ долженъ быть быстръ. Какъ нѣкто на вопросъ булочника, какой замѣсить хлѣбъ, крутой или мягкій, отвѣтилъ: какъ, [а развѣ] невозможно [замѣсить] хорошій хлѣбъ? Точно такъ же и здѣсь: не слѣдуетъ пространно разказывать, такъ же какъ не слѣдуетъ дѣлать пространныя предисловія и приводить [пространныя] доказательства. Въ этомъ случаѣ „хорошо" заключается не въ быстротѣ или сжатости, а въ надлежащей мѣрѣ; послѣднее же состоитъ въ томъ, чтобы сказать все то, что уясняетъ дѣло, или что надобно для того, чтобы показать, что [то-то] было, или что [тотъ-то] причинилъ вредъ, или поступилъ несправедливо, или что [данный случай] имѣетъ ту важность, какую ты хочешь [ему придать]. А для противника [пригодно все] противоположное. Къ разказу присоединять [слѣдуетъ] все то, что возвеличиваетъ твою собственную добродѣтель, напримѣръ: „я всегда внушалъ ему справедливое, убѣждая его не покидать своихъ дѣтей", или [усиливаетъ] негодность противника, напримѣръ: „онъ мнѣ отвѣчалъ, что вездѣ, гдѣ онъ будетъ, у него будутъ другія дѣти", что́, по словамъ Геродота, отвѣчали возмутившіеся египтяне [1]). Или [слѣдуетъ присоединять къ разказу] все то, что пріятно для судей.

При защитѣ разказъ [долженъ быть] короче, такъ какъ оспаривается [при этомъ], что [то или другое] произошло, или что оно вредно, или что несправедливо, или что имѣло столь важное значеніе, такъ что о фактахъ установленныхъ говорить не слѣдуетъ, если только они не ведутъ какимъ-нибудь образомъ [къ фактамъ неустановленнымъ], напримѣръ, если [доказано, что данный поступокъ] совершенъ, но [не доказано, что онъ] не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго. Кромѣ того, слѣдуетъ говорить о такихъ совершившихся фактахъ, которые, не совершаясь [на глазахъ слушателей], возбуждаютъ или сожалѣніе, или ужасъ. Примѣръ этого [мы находимъ] въ „Апологѣ [у] Алкиноя" [2]), разказанномъ Пенелопѣ въ 60

[1]) Это отвѣтъ одного изъ возмутившихся египтянъ, см. Геродотъ, II 30.

[2]) Одиссея, XXIII 310—341, гдѣ Одиссей въ немногихъ стихахъ передаетъ Пенелопѣ тотъ самый разказъ, который онъ изложилъ Алкиною въ четырехъ пѣсняхъ (IX—XII). Мысль здѣсь такая: краткое повтореніе того, что извѣстно читателямъ (или слушателямъ), при случаѣ умѣстно если содержаніе повторяемаго таково, что въ такой формѣ производитъ впечатлѣніе.

стихахъ, въ киклической поэмѣ Фаилла [1]) и въ Прологѣ къ Энею [2]). Разказъ долженъ отражать характеръ, а это будетъ въ томъ случаѣ, если мы будемъ знать, въ чемъ заключается характеръ. Во-первыхъ, въ обнаруженіи намѣренія, ибо каковъ характеръ, это [опредѣляется] тѣмъ, каково намѣреніе, а каково намѣреніе, это [зависитъ] отъ того, какова цѣль [его] [3]). Поэтому-то математическія рѣчи совсѣмъ не отражаютъ характера, такъ какъ не [отражаютъ] намѣренія, въ нихъ нѣтъ *ради чего*, а въ Сократовскихъ рѣчахъ [оно есть], потому что онѣ касаются именно такихъ вопросовъ. Все, что есть слѣдствіе какого бы то ни было характера, отражаетъ характеръ, напримѣръ, слова: „говоря, онъ шелъ впередъ", такъ какъ это указываетъ на порывистый и грубый характеръ. И [нужно] говорить не по расчету, какъ [поступаютъ] теперешніе люди, а согласно намѣренію [принципу], [напримѣръ]: я этого хотѣлъ, потому что считаю это лучшимъ, и это лучше, даже если я здѣсь не получу никакой пользы. Первое [расчетъ] свойственно человѣку благоразумному, второе [принципъ]—человѣку хорошему: благоразумному въ его погонѣ за полезнымъ, хорошему—за прекраснымъ. Если же [то, что говорится] неправдоподобно, то должно присовокуплять основаніе [своихъ словъ], какъ дѣлаетъ Софоклъ; примѣромъ могутъ служить слова Антигоны, что она больше заботилась о братѣ, чѣмъ о мужѣ и дѣтяхъ, потому что, въ случаѣ погибели мужа и дѣтей, на мѣсто ихъ могутъ явиться другіе [мужъ и дѣти].

> А когда отецъ и мать сошли въ подземное царство,
> Другой братъ никогда не можетъ народиться [4]).

Если же ты не можешь привести основанія [своихъ словъ], то [долженъ сказать], что отлично сознаешь неправдоподобность своихъ словъ, но что таковъ ужъ ты отъ природы, — потому что люди не вѣрятъ, что можно добровольно дѣлать что нибудь кромѣ того, что тебѣ полезно. Кромѣ того, пользуйся въ разказѣ чертами, относящимися къ страстямъ, касаясь и того, что бываетъ ихъ слѣдствіемъ, а

[1]) И авторъ, и поэма неизвѣстны.

[2]) Эней—не дошедшая до насъ трагедія Еврипида; греческій схоліастъ сохранилъ нѣсколько стиховъ этого пролога.

[3]) О намѣреніи и его значеніи при оцѣнкѣ характера см. Этику Никомаха, III кн., 2 и 3 глл.

[4]) Антигона, 911.

также того, что [слушателямъ] извѣстно, и частностей, которыя касаются самого оратора или его противника, напримѣръ: „смѣривъ меня сердитымъ взглядомъ, онъ удалился“. Или какъ Эсхинъ [1]) [говоритъ] о Кратилѣ: „шипя и потрясая руками“, такъ какъ [такія выраженія] убѣдительны, ибо то, что слушателямъ извѣстно, является признакомъ того, что имъ неизвѣстно. Множество подобныхъ примѣровъ можно заимствовать изъ Гомера, [напримѣръ]:

> Такъ говорила она; Евриклея закрыла руками
> Очи [2]).

Дѣйствительно, принимаясь плакать, люди закрываютъ глаза [руками]. Выставь себя сразу человѣкомъ извѣстнаго склада, чтобы слушатели смотрѣли на тебя, какъ именно на такого человѣка, а на противника [наоборотъ], но дѣлай это незамѣтно. А что это не трудно, это мы видимъ, когда кто нибудь является къ намъ съ извѣстіемъ: и о томъ, кого мы совсѣмъ не знаемъ, мы все таки составляемъ себѣ нѣкоторое предположеніе. Разказывать слѣдуетъ во многихъ мѣстахъ, и иногда не въ началѣ.

Въ рѣчахъ, произносимыхъ передъ народнымъ собраніемъ, всего менѣе разказа, потому что никто не разказываетъ будущаго, а если и есть разказъ, то онъ будетъ касаться прошедшаго, для того, чтобы, припомнивъ его, съ осужденіемъ или похвалой, [слушатели] лучше разсудили о будущемъ; но въ этомъ случаѣ [ораторъ] принимаетъ на себя обязанность не простаго совѣтника. Если же [то, что ораторъ говоритъ], представляется неправдоподобнымъ, [нужно] тотчасъ же обѣщать привести основаніе для своихъ словъ и изложить его, передъ кѣмъ они [слушатели] желаютъ, какъ, напримѣръ, Іокаста, въ Каркиновомъ „Эдипѣ“ [3]), постоянно даетъ обѣщанія въ отвѣтъ на вопросы того, кто искалъ ея сына. То же дѣлаетъ и Имонъ у Софокла [4]).

---

[1]) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, Эсхинъ, сынъ Лисанія, называемый Сократовцемъ (ὁ Σωκρατικός) въ отличіе отъ оратора Эсхина, одинъ изъ значительнѣйшихъ представителей Сократовской школы; онъ написалъ 7 діалоговъ, почти совершенно утерянныхъ для насъ.

[2]) Одиссея, XIX, 361.

[3]) Каркинъ—трагическій поэтъ, умеръ лѣтъ за 60 до Аристотеля.

[4]) Антигона, ст. 635 и сл.

ГЛАВА XVII.

Анализъ третьей части рѣчи (доказательства). Откуда слѣдуетъ заимствовать и какъ строить доказательства въ рѣчахъ эпидиктическихъ, произносимыхъ передъ народомъ и судебныхъ?

Способы убѣжденія должны имѣть аподиктическій (доказательный) характеръ. Такъ какъ споръ [можетъ касаться] четырехъ пунктовъ, то слѣдуетъ доказывать, направляя доказательства къ спорному пункту, напримѣръ, если спорятъ относительно того, дѣйствительно ли что нибудь было, то при судебномъ разбирательствѣ доказательства слѣдуетъ какъ можно больше свести къ этому; если же [спорятъ о томъ], дѣйствительно ли причиненъ вредъ, [то и доказательства должны быть сведены] къ этому; и [если споръ касается] важности или справедливости совершеннаго поступка, то [здѣсь нужно имѣть въ виду] также, точно ли этотъ фактъ имѣлъ мѣсто. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что только въ случаѣ такого спора одинъ изъ противниковъ необходимо бываетъ безчестенъ, потому что здѣсь не можетъ быть виною невѣдѣніе, какъ въ томъ случаѣ, когда кто либо расходится въ мнѣніи относительно справедливости [чего либо]; такимъ образомъ на этомъ вопросѣ слѣдуетъ останавливаться, а на другихъ нѣтъ. Въ рѣчахъ эпидиктическихъ по бо́льшей части преувеличенію (подчеркиванію) подлежитъ оцѣнка прекраснаго и полезнаго. Факты сами должны внушать довѣріе, потому то относительно ихъ рѣдко приводятся доказательства, — развѣ если они неправдоподобны или если ихъ относятъ на счетъ другаго лица.

Въ рѣчахъ, произносимыхъ передъ народомъ, можетъ быть споръ относительно того, что что нибудь не будетъ, или что то, что ораторъ совѣтуетъ, будетъ, но что оно или несправедливо, или не полезно, или не такъ важно. Слѣдуетъ при этомъ также имѣть въ виду, не позволяетъ ли себѣ [противникъ] лжи въ чемъ нибудь, не относящемся къ данному дѣлу, такъ какъ это представляется доказательствомъ, что онъ лжетъ и въ другихъ случаяхъ. Примѣры болѣе свойственны рѣчамъ, произносимымъ передъ народомъ, а энтимемы — рѣчамъ судебнымъ [1]): первыя имѣютъ въ виду будущее, такъ что необходимо приводить примѣры изъ прошедшаго, а вторыя [касаются] того, что есть или чего нѣтъ; тутъ болѣе нужны доказательства и понятіе

[1]) О примѣрахъ и энтимемахъ см. 20 гл. II кн.

необходимости, потому что прошедшее имѣетъ характеръ необходимости. Не слѣдуетъ приводить энтимемы одну за другой, а [нужно] примѣшивать ихъ [къ другимъ оборотамъ], въ противномъ случаѣ онѣ вредятъ одна другой, потому что есть предѣлъ и для количества.

Другъ, такъ какъ ты сказалъ, сколько [могъ бы
сказать] разумный мужъ [1]),

а не то [что сказалъ бы разумный]. И не по всякому поводу [слѣдуетъ] изыскивать энтимемы, потому что въ противномъ случаѣ ты поступишь такъ же, какъ нѣкоторые философы, которые силлогистическимъ путемъ доказываютъ вещи болѣе извѣстныя и болѣе правдоподобныя, чѣмъ тѣ [положенія], изъ которыхъ они [то-есть философы] исходятъ. И когда хочешь возбудить страсть, не употребляй энтимему, потому что она или погаситъ страсть, или будетъ приведена совершенно напрасно, ибо [два] одновременныя движенія задерживаютъ другъ друга, или совсѣмъ уничтожаются, или ослабляются. И когда рѣчь должна носить извѣстный [нравственный] характеръ, не слѣдуетъ въ то же время пріискивать энтимемы, потому что доказательстаа не имѣютъ никакого отношенія ни къ характеру, ни къ принципамъ. Изреченія слѣдуетъ употреблять и при разказѣ, и при доказательствѣ, потому что они имѣютъ отношеніе къ характеру: „и я далъ, хотя и зналъ, что не слѣдуетъ [вообще] довѣрять". Или если [кто хочетъ] возбудить страсть: „хоть я и потерпѣлъ, я не раскаиваюсь, потому что на его сторонѣ выгода, а на моей справедливость". Произносить рѣчи въ народномъ собраніи труднѣе, чѣмъ произносить рѣчи судебныя; [это и] естественно, такъ какъ въ первомъ случаѣ [приходится говорить] о будущемъ, во второмъ же о прошедшемъ, которое стало извѣстно даже и пророкамъ, какъ говорилъ Эпименидъ Критскій [2]): онъ отгадывалъ не будущее, а событія, которыя хотя и совершились, но остались темными. Въ рѣчахъ судебныхъ основаніемъ служитъ законъ, а разъ имѣешь точку отправленія, легче найдти доказательство. [Въ рѣчахъ, произносимыхъ передъ народомъ,] нѣтъ безчисленныхъ отступленій, напримѣръ, противъ доводовъ противника, или о самомъ себѣ, или съ цѣлью возбудить страсть. [Этотъ родъ краснорѣчія допускаетъ подобныя отступленія] менѣе, чѣмъ всѣ другіе роды, если только онъ не выходитъ [за предѣлы своей области].

---

[1]) Одиссея, IV, 204. Слова Менелая къ Писистрату, сыну Нестора.

[2]) Эпименидъ Критскій, современникъ семи мудрецовъ, личность отчасти миѳическая.

Въ затруднительныхъ случаяхъ нужно дѣлать то же, что дѣлаютъ въ Аѳинахъ ораторы и Исократъ: въ рѣчи совѣщательной онъ прибѣгаетъ къ обвиненію, напримѣръ, [обвиняетъ] лакедемонянъ въ своемъ Панегирикѣ [1]) и Харита въ рѣчи о союзѣ [2]). Въ рѣчахъ эпидиктическихъ слѣдуетъ вставлять въ рѣчь похвалы, какъ это дѣлаетъ Исократъ: онъ постоянно вводитъ какую-нибудь [похвалу]. И слова Горгія, что у него никогда не бываетъ недостатка въ темѣ для рѣчи, сводятся къ тому же самому, ибо если онъ, говоря объ Ахиллѣ, восхваляетъ Пелея, затѣмъ Эака, затѣмъ бога [Зевса], и также мужество и то-то, и то-то, онъ дѣлаетъ тоже самое. Разъ [ораторъ] имѣетъ въ рукахъ доказательства, онъ долженъ придавать рѣчи и этическій, и эпидиктическій характеръ, если же у него въ рукахъ нѣтъ энтимемъ, [онъ долженъ говорить] этически. Болѣе подходитъ нравственно-хорошему человѣку выказать свою честность, чѣмъ ясность рѣчи. Изъ энтимемъ бóльшей извѣстностью пользуются энтимемы опровергающія, чѣмъ показательныя [3]), потому что во всемъ томъ, что имѣетъ характеръ опроверженія, силлогизмъ виднѣе, ибо противоположности становятся яснѣе, разъ онѣ поставлены рядомъ.

[Разсужденія, прямо] направленныя противъ противника, не представляютъ собою какого-либо особаго вида, такъ какъ къ области способовъ убѣжденія относится опроверженіе доводовъ противника—посредствомъ ли возраженій, или посредствомъ силлогизмовъ [4]). Ораторъ, начиная рѣчь, совѣщательную ли или судебную, долженъ сначала изложить свои собственные способы убѣжденія, а потомъ выступить противъ доводовъ своего противника, уничтожая ихъ или заранѣе браня ихъ. Если же много пунктовъ, вызывающихъ возраженія, то слѣдуетъ сначала приняться за нихъ, какъ, напримѣръ, поступилъ Каллистратъ [5]) въ народномъ собраніи въ Мессенѣ: онъ самъ началъ говорить, лишь опровергнувъ предварительно то, что

---

[1]) См. прим. 4-е къ 14-й главѣ.

[2]) Рѣчь о союзѣ или о мирѣ (συμμαχικὸς ἢ περὶ εἰρήνης) написана была Исократомъ съ цѣлью убѣдить аѳинянъ заключить миръ съ отпавшими союзниками Хіосомъ, Родосомъ и Византіею, съ которыми у аѳинянъ въ это время началась война. О Харитѣ см. выше прим. 7-е къ 10-й главѣ.

[3]) Ср. II кн., 23 гл.

[4]) Ср. II кн., 25 гл.

[5]) Каллистратъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ аѳинскихъ ораторовъ (IV в. до Р. Хр.). Какой именно эпизодъ изъ его жизни разумѣетъ здѣсь Аристотель, неизвѣстно.

должны были говорить его [противники]. Говоря вторымъ, [ораторъ] долженъ сначала направить свою рѣчь противъ рѣчи противника, разбивая его доводы или противополагая [имъ свои], особенно. если [доводы противника] имѣли успѣхъ, ибо какъ душа не привязывается къ человѣку, который раньше подвергся обвиненію [въ чемъ-либо дурномъ], точно такъ же [не принимаетъ она] и рѣчи [оратора]. если рѣчь противника представляется убѣдительною. Нужно, такимъ образомъ, въ душѣ слушателя очистить мѣсто для предстоящей рѣчи, чего ты достигнешь, опровергнувъ [доводы противника]; по этой причинѣ должно придать своимъ словамъ вѣсъ посредствомъ предварительной борьбы или со всѣми доводами противника, или съ главнѣйшими изъ нихъ, или съ наиболѣе поддающимися опроверженію.

Сначала я стану союзницей богинь.
Именно, Геру я.... [1])

Здѣсь [поэтъ] сначала коснулся самаго легкаго. Это о способахъ убѣжденія. Что же касается характера, то такъ какъ говорить о самомъ себѣ нѣкоторыя вещи значило бы возбудить зависть, или [заслужить упреки] въ многословіи или [вызвать] противорѣчіе, а [говорить] о комъ-нибудь другомъ [значило бы заслужитъ упреки] въ брани или грубости, въ виду этого слѣдуетъ влагать слова въ уста какого-нибудь другаго лица, какъ это дѣлаетъ Исократъ въ рѣчи къ Филиппу и въ Антидосисѣ, и какъ порицаетъ Архилохъ: онъ выводитъ на сцену въ ямбахъ отца, который говоритъ о своей дочери:

Нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы ожидать,
Или что можно было бы клятвенно отрицать [2])

Онъ выводитъ также плотника Харона въ ямбѣ, начало котораго [таково]:

Нѣтъ мнѣ [дѣла до богатствъ] Гига [3])

И какъ Софоклъ [выводитъ] Эмона, [говорящаго] передъ отцомъ въ защиту Антигоны какъ бы на основаніи словъ другихъ лицъ [4])

---

[1]) Еврипидъ, Троянки, ст. 969.

[2]) Быть можетъ, здѣсь разумѣется нѣкій Ликамбъ и его дочь Необула, которую отецъ обѣщалъ отдать замужъ за Архилоха, а потомъ взялъ назадъ свое обѣщаніе. За это Архилохъ мстилъ имъ своими ямбами.

[3]) Гигъ — царь Лидіи (716—678 до Р. Хр.), богатство котораго вошло въ пословицу.

[4]) Антигона, 688—696.

Иногда слѣдуетъ измѣнять видъ энтимемъ и придавать имъ форму изреченій [1]); напримѣръ, люди благоразумные должны соглашаться на миръ и тогда, когда счастье на ихъ сторонѣ, потому что такимъ путемъ они могутъ получить всего больше выгодъ. А съ помощью энтимемы [слѣдовало бы сказать такъ]: если нужно заключать миръ въ то время, когда онъ всего полезнѣе и выгоднѣе, то слѣдуетъ заключать его тогда, когда счастье на нашей сторонѣ.

ГЛАВА XVIII.

Три случая, когда въ рѣчи умѣстно прибѣгать къ вопросу.—Двусмысленные вопросы.—Шутки.

Что касается вопроса, то его всего умѣстнѣе предлагать тогда, когда одно изъ двухъ положеній высказано такимъ образомъ, что стоитъ предложить одинъ вопросъ, чтобы вышла нелѣпость, напримѣръ, Периклъ спросилъ Лампона [2]) о посвященіи въ таинства „Спасительницы“ [Димитры]. Тотъ отвѣтилъ, что объ этомъ невозможно слышать непосвященному. „А самъ ты знаешь объ этомъ?“—спросилъ Периклъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, [сказалъ]: „какъ же [ты узналъ], когда не былъ посвященъ?“

Во-вторыхъ [вопросъ умѣстенъ], когда изъ двухъ пунктовъ одинъ самъ по себѣ ясенъ, а относительно другаго ясно, что на вопросъ о немъ данъ будетъ утвердительный отвѣтъ. Установивъ съ помощью вопроса одно какое нибудь положеніе, не слѣдуетъ предлагать еще вопросъ о томъ, что само по себѣ ясно, а прямо выводить заключеніе; такъ, напримѣръ, Сократъ спросилъ Мелита, утверждавшаго, что онъ не признаётъ боговъ: признаю ли я, по твоему, существованіе какихъ нибудь демоновъ? И, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ: а демоны—не дѣти ли боговъ или не нѣчто ли божественное? И на утвердительный отвѣтъ сказалъ: есть ли такой человѣкъ, который бы признавалъ дѣтей боговъ, а самихъ боговъ не [признавалъ бы] [3])?

Въ-третьихъ [вопросъ умѣстенъ], если посредствомъ его имѣешь въ виду показать, [что противникъ] самъ себѣ противорѣчитъ или

---

[1]) Объ энтимемахъ и изреченіяхъ II кн. 21 гл.

[2]) Лампонъ—вѣщунъ и толкователь предсказаній оракула.

[3]) Этотъ примѣръ заимствованъ изъ Апологіи Платона, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

говоритъ нѣчто парадоксальное. Въ-четвертыхъ, когда противникъ не можетъ разрѣшить вопросъ иначе, чѣмъ давъ на него софистическій отвѣтъ; если онъ отвѣтитъ, [напримѣръ], такъ: и есть и нѣтъ; это и такъ, и не такъ; частью да, частью нѣтъ, то [слушатели] приходятъ въ недоумѣніе, какъ будто онъ не знаетъ, [чтó сказать].

Въ другихъ случаяхъ не [слѣдуетъ] прибѣгать [къ вопросамъ], потому что если [противникъ] устоитъ передъ вопросомъ, [спрашивающій] представляется побѣжденнымъ, такъ какъ невозможно предлагать много вопросовъ вслѣдствіе неподготовленности слушателей. По той же причинѣ слѣдуетъ придавать энтимемамъ какъ можно болѣе сжатый видъ.

На вопросы двусмысленные слѣдуетъ отвѣчать раздѣльно и не сжато, а на вопросы, которые, повидимому, заключаютъ въ себѣ противорѣчіе, [слѣдуетъ отвѣчать], разъясняя немедленно отвѣтомъ [это противорѣчіе], прежде чѣмъ [противникъ] предложитъ слѣдующій вопросъ или построитъ силлогизмъ, потому что не трудно предугадать, куда идетъ рѣчь. Но это, а также способы разрѣшенія вопросовъ должны быть намъ ясны изъ Топики [1]). И, дѣлая заключеніе, если вопросъ ведетъ къ заключенію, [слѣдуетъ] приводить причину, какъ, напримѣръ, Софоклъ на вопросъ Писандра [2]), былъ ли онъ, какъ и другіе члены совѣта, за учрежденіе совѣта 400, отвѣчалъ утвердительно. Какъ развѣ это не казалось тебѣ дурнымъ? Да, казалось. Развѣ ты не поступилъ такимъ образомъ дурно? Да, отвѣчалъ [Софоклъ], но лучше поступить было нельзя. И какъ Лаконецъ [3]), отдавая отчетъ за то время, когда былъ эфоромъ, на вопросъ, кажется ли ему справедливой гибель остальныхъ, отвѣчалъ: да. Не дѣлалъ ли ты то-же, что и они?— продолжалъ спрашивавшій. Да, отвѣчалъ Лаконецъ. Не была ли бы справедливой и твоя гибель? Конечно, нѣтъ, ибо они поступали такъ потому, что взяли за это деньги, а я не потому, а по убѣжденію. Поэтому то не слѣдуетъ ни предлагать вопросъ послѣ заключенія, ни облекать самое заключеніе въ форму вопроса, если только перевѣсъ истины не находится въ значительной мѣрѣ [на нашей сторонѣ].

Что касается шутокъ, которыя, по видимому, занимаютъ нѣкоторое мѣсто въ преніяхъ [4]), то, какъ говоритъ Горгій, слѣдуетъ серьез-

---

[1]) Топика, кн. VIII, гл. 4 и сл.

[2]) Лицо неизвѣстное.

[3]) Неизвѣстно, кого именно разумѣетъ здѣсь Аристотель.

[4]) Ср. I кн., 11 гл. Риторики.

ность противника отражать посредствомъ шутки, а шутку посредствомъ серьезности. И это замѣчаніе правильно. Въ Піитикѣ [1]) мы уже сказали, сколько есть видовъ шутки, изъ которыхъ одинъ пригоденъ для свободнаго человѣка, другой нѣтъ, чтобы каждый выбиралъ то, что для него пригодно. Иронія отличается болѣе благороднымъ характеромъ, чѣмъ шутовство [2]), потому что въ первомъ случаѣ человѣкъ прибѣгаетъ къ шуткѣ ради самого себя, а шутъ [дѣлаетъ это] ради другихъ.

ГЛАВА XIX.

Анализъ четвертой части рѣчи (заключенія). Четыре части, на которыя распадается заключеніе, и ихъ анализъ.

Заключеніе рѣчи слагается изъ четырехъ [частей]: 1) изъ старанія [оратора] хорошо расположить слушателей къ себѣ и дурно къ противнику, 2) изъ преувеличенія и умаленія, 3) изъ стремленія разжечь страсти слушателей, 4) изъ напоминанія.

Разъ [ораторъ] показалъ, что онъ правъ, а его противникъ неправъ, онъ совершенно естественно въ этомъ же духѣ хвалитъ, порицаетъ и даетъ окончательную отдѣлку своей рѣчи. [Ораторъ] долженъ стремиться [доказать] одно изъ двухъ: что самъ онъ—хорошій человѣкъ, по отношенію ли къ слушателямъ, или безотносительно, или—что [противникъ его]—дурной человѣкъ, по отношенію къ нимъ или безотносительно. Съ помощью какихъ средствъ слѣдуетъ такимъ образомъ настраивать слушателей, объ этомъ мы сказали, говоря о способахъ представить людей хорошими или дурными [3]). Затѣмъ, показавъ это, естественно слѣдуетъ преувеличивать или умалять, потому что слѣдуетъ признавать факты совершившимися, если имѣешь въ виду оцѣнивать ихъ значеніе: вѣдь и увеличеніе тѣлъ происходитъ въ зависимости отъ ранѣе существовавшихъ свойствъ. А съ помощью чего слѣдуетъ преувеличивать и умалять, по этому вопросу ранѣе были изложены топы [4]). Послѣ этого, разъ выяснено, каковы и насколько важны [факты], слѣдуетъ возбудить въ слушателяхъ страсти, каковы: состраданіе, ужасъ, гнѣвъ, не-

---

[1]) Въ Піитикѣ, какъ она до насъ дошла, Аристотель не говоритъ о шуткѣ.

[2]) Ср. Этику Никомаха, кн. IV, гл. 13—14.

[3]) См. I кн., 9 гл.

[4]) См. II кн., 19 и 26 гл.

нависть, зависть, соревнованіе и вражда. И относительно этого раньше были указаны топы [1]). Такимъ образомъ, остается возобновленіе въ памяти сказаннаго раньше. Это слѣдуетъ дѣлать такъ, какъ [нѣкоторые] совѣтуютъ [поступать] въ предисловіи, но совѣтуютъ неосновательно: они велятъ часто повторять [одно и то же], чтобы быть удобопонятнымъ. Такимъ образомъ тамъ [въ предисловіи] нужно изложить обстоятельства, чтобы было ясно, что̀ обсуждается, а здѣсь [въ заключеніи] нужно подвести итогъ тому, на основаніи чего дѣло доказано. [Ораторъ] долженъ начать съ того, что онъ далъ то, что̀ обѣщалъ, такъ что ему нужно сказать, что и почему [онъ хотѣлъ доказать]; при этомъ [слѣдуетъ] противопоставлять свои слова словамъ противника и сравнивать или все то, что каждый изъ двухъ противниковъ сказалъ объ одномъ и томъ же предметѣ, или же, не дѣлая [прямыхъ] противоположеній, [говорить] напримѣръ, такъ: онъ относительно этого [сказалъ] то-то, а я вотъ что и вотъ почему. Или же [можно употребить] иронію, напримѣръ: онъ сказалъ то-то, а я вотъ это, что бы онъ дѣлалъ, если бы доказалъ это, а не то? Или [можно употребить] вопросъ, напримѣръ: что мнѣ остается доказать? Или: что онъ доказалъ? [Нужно дѣлать заключеніе] или такъ, путемъ сравненія, или естественнымъ путемъ, какъ было сказано, [перечисливъ] свои доводы, а затѣмъ, если угодно, [перечисливъ] отдѣльно и доводы противника. Въ концѣ умѣстны фразы безъ союзовъ, чтобы это было заключеніе, а не рѣчь, [напримѣръ]: я сказалъ, вы слышали, дѣло въ вашихъ рукахъ, произнесите приговоръ.

---

[1]) См. первыя 11 глл. II кн.